

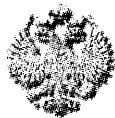

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Александр Шубин

ПАРАДОКСЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ
РУССКОЙ ИСТОРИИ

Александр Шубин

ПАРАДОКСЫ
ПЕРЕСТРОЙКИ

Упущенный шанс СССР

Москва
«Вече»
2007

ББК 63.3(2)635

Ш95

Шубин А.В.

Ш95 Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР / Александр Шубин. — М.: Вече, 2007. — 320 с. : ил. — (Тысячелетие русской истории).

ISBN 5-9533-1331-4

В книге историка А.В. Шубина подробно рассматривается событие двадцатилетней давности — перестройка, имеющее громадное историческое значение для нашей страны и всего мира. На основе глубокого анализа политических и экономических процессов, протекавших в СССР во второй половине 1980-х годов, автор пытается ответить на два важнейших вопроса нашего времени: было ли необходимо начатое М.С. Горбачевым коренное переустройство государственной и партийной систем СССР и кто, каким образом и почему сделал процесс преобразований необратимым? Автор использует собственный обширный архив документов, представляя читателю многие события в новом ракурсе.

ББК 63.3(2)635

ISBN 5-9533-1331-4

© Шубин А.В., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

ОТ АВТОРА

Перестройка — событие, прошедшее на глазах ныне живущих поколений. И между тем оно овеяно мифами и легендами ничуть не меньше, чем Смутное время XVII века. Картина событий в наше время упрощается и мистифицируется телевидением, и доверчивые люди думают, что сами видели то, о чем им говорили и говорят. Но это не так. Телевизионная картинка — это не реальная история. И еще дальше от нее то, о чем вещает закадровый голос.

Война за людское сознание в наше время заменила войну за города и территории. И если мы хотим быть свободными и независимыми, руководствоваться своими интересами, а не внешними сигналами, управляющими нашим сознанием, то первый шаг к свободе — поиск истины, в том числе — реальной картины событий недавнего прошлого, их механизма и смысла.

В зеркале преобладающих в обществе мифов давным-давно, двадцать лет назад, существовала монолитная, как ледяная глыба, империя под названием СССР. Для одних сказочников она была Империей зла, в которой все люди были в рабстве и подчинялись, как зомби, страшному коммунистическому режиму. Для других сказителей это была великая и могучая Империя добра, которая несла всему миру свет справедливости. Но вот однажды на вершине ледяной глыбы появился добрый (злой) император — он же волшебник. Он стал говорить волшебные речи и делать руками магические пассы, и глыба стала таять. Он шаг за шагом разрушал свою империю, подчиняясь воле Запада (по другой версии — стремлению к свободе). По мановению его магических действий рабы превратились в свободных людей (другими словами: добропорядочные подданные империи — в безумцев). Под руководством мудрых сторонников демократии (кукловодов из ЦРУ)

народ (толпа) вышел на улицу, сокрушил империю, не оставив камня на камне. Из народа (толпы) вышел супергерой свободы (разрушения), который могучей рукой отодвинул сыгравшего свою роль императора-волшебника и надел на себя царский венец. И вот теперь мы живем свободные (нищие) в новой стране, празднуем новые праздники с многовековой традицией и слушаем сказки про день сегодняшний, так и не разобравшись во вчерашнем. Так что сказке не конец...

В реальности власть действовала под давлением снизу, которое раздражало ее, но заставляло делать все новые уступки, разрабатывать все новые уловители для энергии, вырывающейся из народных глубин. А энергия прорывалась, не подчинялась, разрушала и создала что-то новое, еще не ведомое и до боли знакомое — власть советов, гуманный социализм, экономическую демократию. Это было время утопий и шансов сделать жизнь лучше. Большинство этих шансов в итоге не было реализовано. Такова участь революций. Но без прорыва социального творчества нечиновных людей на поверхность общественной жизни вовсе нет шансов сделать жизнь более свободной и справедливой.

При слове «справедливость» теперь принято морщиться. Ведь справедливость требует равноправия людей, а в нашем мире царит господство узких групп замкнутой властной элиты, олигархий. Подконтрольные им мифотворцы должны скомпрометировать стремление людей к справедливости, и история перестройки — замечательное поле для псевдологических манипуляций и ловушек. Если вы цените свободу, то вы должны приветствовать разрушение империи, подавлявшей свободу ради справедливости. Если вы недовольны нынешней нищетой и беспорядком, посмотрите, что бывает, когда люди хотят что-то изменить в этой жизни. Получается еще хуже — развал страны.

Эта нехитрая логика основана на несложных подменах и упрощениях. Подмена первая: представить СССР как что-то одномерное, где люди не живут, а служат идее. Реальный Советский Союз был хоть и особенной страной, но населенной обычными людьми со своими нуждами, внутренними убеждениями, идейными и социальными противоречиями. Во всяком случае, накануне перестройки это было не тоталитарное (полностью управляемое из центра), а автори-

тарное государство, ограничивающее свободу, а не устраняющее многообразие общества. СССР был гораздо ближе своему устройству к странам Запада и нынешней России, чем удержают мифотворцы. СССР, соответственно, не был воплощением ни справедливости, ни несвободы.

Подмена вторая: соединить под словом «империя» две совершенно разные вещи — страну и режим. В реальности империя — это характеристика государственного и этнонационального устройства.

В этом смысле мы и будем о ней говорить в этой книге. Но преодоление авторитарного режима вовсе не обязательно ведет к распаду страны. В этой книге мы разделим борьбу с режимом развала страны, не забывая о возможных причинно-следственных связях между этими двумя явлениями. И тогда станет заметно очевидное — коммунистический режим перестал существовать раньше, чем стал необратимым распад страны. Более того, мы увидим, как распадающаяся коммунистическая номенклатура тянула страну к распаду. А значит, ослабление ее роли в обществе давало стране шанс на сохранение. Это была живая история с широким спектром возможностей. Это была история возрождения ценностей советского общества. Может быть, она вел в тупик, может быть, — на новый виток развития человечества. Одно несомненно — разрушение СССР в 1991 г. — это поражение той перестройки, которая одержала временную победу в 1990 г., добившись освобождения страны от авторитарного режима. Олигархический капитализм, возникший в 90-е гг., — это результат поражения перестройки.

В 1990 г. большинство жителей СССР хотели жить в общей стране, вместе преодолевать трудности. Империя превратилась в демократическую страну, и не распалась. СССР распался позднее. Мы увидим, как тенденции распада боролись с тенденциями созидания, каковы были шансы на наш общий успех.

Так же внимательно мы отнесемся к другим мифогизированным понятиям — «демократы», победа в «холодной войне», «свободный рынок». Употребляя термины, принятые для описания этой эпохи, мы будем часто прибегать к кавычкам, поскольку смысл слов был изменен и «очевидные» слова требуют дополнительного разъяснения.

Мы будем искать причины событий не только злой (доброй) воле правителей, но и в стремлениях миллионов людей к лучшей

жизни. Надо отдать должное Горбачеву, — когда события только набирали обороты, он был скромен в оценке своей роли. Одним из его любимых выражений было: «раскручивается маховик». Тяжелая, инерционная система сдвигается с места. Если не прикладывать к ней усилий многих людей, «маховик» остановится. Движение угаснет, накопившиеся противоречия не найдут выхода, и некоторое время спустя прогремит социальный взрыв. Не бархатные митинговые перемены, а бунт и гражданская война. Сумгаит в масштабах одной шестой части суши.

Альтернативой настоящей гражданской войне была война идеологическая. Официальная идеология показала свою неспособность объяснить кризис и помочь в поиске решений проблем, надвигающихся со всех сторон. Жажда свежих идей охватила страну, озарения смешались с мифами, обломки старых и новых взглядов причудливо переплетались, сталкивались, синтезировались. Перестройка была гражданской идеологической войной. Идеи развивались под действием собственной внутренней логики и воздействий противников друг на друга, они отвоевывали друг у друга позиции, определяя направление, в котором люди искали выход из кризиса социальной системы. Ход идеологической войны определял политические победы и поражения.

Потом Горбачева уже не радовало, как крутится этот «маховик», но кто-то продолжал его раскручивать. Агенты влияния? Партизаны свободы? Мы познакомимся с ними ближе. Не забывая о роли «верхов» в этой истории, мы совершим погружение в «низы», без которых Перестройка стала бы всего лишь схваткой нескольких номенклатурных клик за власть и собственность.

Чтобы понять смысл событий, нужно подробно рассмотреть их механизм. Нужно ответить на три вопроса:

Почему перемены стали необратимыми?

Как была преодолена инерция социально-политической системы?

Кто сумел это организовать?

Иными словами, кто, как и почему «раскрутил маховик».

Часть I КАНУН

Глава 1 ИСТОКИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Системный кризис

Была ли перестройка неизбежной? В этом вопросе кроется некоторое коварство, его можно понять так: были ли неизбежны именно те реформы, которые известны как перестройка, распад СССР и даже последующие реформы 90-х гг. Но весь этот «развал» представляет собой сложную цепь событий со множеством альтернатив и развилок. Проблема станет более ясной, если разбить ее на ряд подвопросов. Могли ли сохраняться в течение еще нескольких десятилетий:

1. Система государственного управления экономикой, исключая негосударственные формы собственности на промышленные предприятия;
2. Коммунистический режим;
3. Государство СССР.

Перестройка в том виде, как она начиналась, поставила на повестку дня только первый вопрос, и лишь со временем обнажился системный характер кризиса, с которым столкнулась страна. Перестройка и ее последствия стали результатом как самого кризиса, так и несогласованных действий разных сил, искавших выход из него.

Причины перестройки — это сам кризис, определивший правила социально-политической игры периода перемен. А вот каким могло стать общество в итоге перемен — зависело от игроков.

Что же было предопределено заранее?

Советская социальная структура 70-х — начала 80-х гг. была достаточно прочной, могла выдерживать большие нагрузки, но боялась перемен. Отклонение от основных параметров системы на критическую величину (точного размера которой никто не знал) несло угрозу неуправляемого разрушения. Правящая элита чувствовала это и гасила импульсы перемен, исходившие от отдельных своих лидеров.

В чем была причина этой хрупкости? Особенность индустриального общества СССР в сравнении со странами Западной Европы и Северной Америки заключалась в том, что политическая, социальная и экономическая структуры Советского Союза создавались как сверхгосударственные и сверхцентрализованные, монополизм власти стремился к абсолютному, монополизм экономики носил технологический характер. В то же время начиная с 50-х гг. росла автономия социальных и экономических групп во всех общественных сферах СССР. Этот неизбежный процесс сопровождался рассогласованиями в системе, так как автономизация различных социальных структур происходила с разной скоростью. В результате из относительно стройной сталинской социальной пирамиды возникла сложная социальная структура со множеством внутренних «трещин», конфликтов и противоречий.

Советская социальная структура включала в себя характерные для индустриального общества слои: рабочие и примыкающий к ним полупролетариат (прежде всего колхозное крестьянство), относительно небольшие маргинальные группы (с одной стороны, бомжи, «жалобщики» — советские безработные, хотя в СССР почти не было безработицы, с другой — теневые предприниматели), обширный средний класс — интеллигенция и служащие, менеджмент (прежде всего хозяйственный директорат), правящая бюрократия (номенклатура). По мере обострения кризиса социальной системы СССР росли противоречия между этими слоями. Рабочие и интеллигенция стремились к росту уровня и качества жизни, приближающегося к уров-

ню жизни правящей элиты (тем более что социальное равноправие было декларировано официальной идеологией). Всеобщее возмущение вызывали номенклатурные привилегии, неэффективность работы бюрократического аппарата, произвол и безответственность чиновников, коррупция. В то же время основные социальные слои привлекли к преимуществам развитого социального государства — доступному образованию и медицинскому обеспечению, отсутствию заметного социального расслоения. Но практически все ставили вопрос о значительном увеличении качества обслуживания людей во всех сферах советского общества. Интеллигенция была готова вступить в борьбу с номенклатурой как за места в государственном аппарате, так и за свободный доступ к информации — основному ресурсу интеллигенции, который пока контролировался номенклатурой. Противоречие между частью общества и номенклатурой сочеталось с растущими противоречиями внутри самой номенклатуры.

Советская система, пока ей хватало ресурсов, обеспечивала экономический рост и социальную стабильность. Поэтому, когда общество в своем развитии подошло к рубежу новой научно-технической революции, к решению задач постиндустриальной эпохи, правящая элита не решалась сделать следующий шаг. Дело в том, что любые подвижки к новым постиндустриальным отношениям были губительны для государственного «социализма». Такой переход требовал перестройки социального организма на новых основаниях, отказа от стремления к всеобщей управляемости в пользу большей автономности и интеллектуальности личности и коллективов, более равноправных социальных и коммуникативных связей. Если в середине XX в. задачи, стоявшие перед страной, требовали организации общества в виде «вертикали», то теперь требовалась «горизонталь», не пирамида, а сеть.

Жесткость, негибкость социальной модели СССР практически исключала возможность плавных перемен. Страх перед разрушением ставил правящую элиту СССР в тупик — перемены губительны, но без них невозможно дальнейшее развитие экономики. Индустриальная система достигла пределов роста, а понимания постиндустриальных задач у элиты практически не было. Не будем строго судить ее за это — теоретическое осознание проблемы информационной революции по-

явилось в нашей стране только в ходе перестройки. Сложившаяся в СССР система подавляла альтернативные индустриализму формы организации труда и жизни, что не позволяло преодолеть рубеж научно-технической революции и перейти к широкомасштабному производству технологий постиндустриального (информационного) общества. Проблема научно-технической революции, которая не была осознана Андроповым и Горбачевым, заключалась не столько в способности советской экономики произвести экспериментальные образцы компьютерных технологий, а в том, что для их эффективного внедрения необходимы сетевые, а не командные связи между людьми, автономия творческих групп, интенсивный обмен информацией и т.д. Отсутствие социальных условий информационно-технологической революции определяло постепенное, но неуклонное отставание СССР в международном соревновании, от итогов которого зависели не только позиции Союза как сверхдержавы, но и социальное благосостояние и безопасность его населения.

Важный результат централизации общества — наследия тоталитарных 30-х гг. — эффект резонанса кризисов. Управляющий центр одновременно воздействует на все стороны жизни, во все вмешивается. В результате все кризисы усиливаются одновременно, накладываясь друг на друга, резонируя и усиливая друг друга. Как полк солдат, который марширует по мосту в ногу, раскачивая его строевым шагом, одновременными ударами. И мост рушится. Так и СССР к середине 80-х гг. встал перед угрозой социальной катастрофы.

Советский Союз столкнулся с целой группой кризисов. Во-первых, это был кризис сверхдержавы, выразившийся в том, что СССР встал перед угрозой отставания в гонке вооружений, а также столкнулся с безвыходным положением в Афганистане. Население все сильнее разочаровывалось в достижениях советской экономики, сравнивая их с достижениями стран Запада. Во-вторых, этнодемографические диспропорции и различие стадийных и цивилизационных состояний народов СССР уже с трудом компенсировались с помощью имперской системы управления и слабеющего социального государства, все менее обеспеченного ресурсами.

В-третьих, проявился кризис «государственного социализма», то есть государственно-монополистического индустриального об-

щества. Система социально-экономических отношений, основанная на массовом стандартизированном производстве, лишении работника инициативы, бюрократическом управлении всеми экономическими процессами, уже не могла обеспечить дальнейшего роста эффективности производства, выпуска продукции, которая требовалась для нужд обороны и для удовлетворения растущих качественных потребностей населения. Рост культурного уровня жителей СССР позволял им не только отдавать предпочтение качественным показателям продукции, но и осознавать опасности, о которых раньше не задумывались. Прежде всего это касается экологической проблемы.

В-четвертых, развивался кризис авторитарной политической системы. Советские люди уже не хотели мириться с ролью бессловесных объектов управления, тем более что коммунистическая идеология объявляла: в СССР существует советская демократия, и народ является хозяином страны. Постепенно сформировалась основа гражданского общества — самостоятельные от власти общественные течения. Всеобщее возмущение вызывали номенклатурные привилегии, неэффективность работы бюрократического аппарата, произвол и безответственность чиновников, коррупция.

СССР столкнулся со всеобъемлющим структурным кризисом, и последствия его могли быть катастрофическими. Сценарии некоторых диссидентских авторов, пророчивших массовую бойню, голод, одичание страны — всего лишь проецирование в будущее тех процессов, которые действительно развивались в конце 70-х — начале 80-х гг. Но для того чтобы все «мины замедленного действия», заложенные под основание СССР, взорвались одновременно и привели к действительно катастрофическим последствиям, необходимо было выполнение двух условий: сохранение авторитарно-централизаторской стратегии правящей группировки (то есть синхронность социальных процессов, которая ведет к «резонансу») и подавление гражданской активности (условие накопления энергии низов для разрушительного бунта). К счастью, эти условия не были соблюдены. Во-первых, в борьбе централизаторской и регионалистской альтернатив накануне перестройки победила вторая. Во-вторых, КПСС не удалось сохранить за собой монополию на общественную жизнь, и в

конце 80-х гг. на арену вышли гражданские движения, скорректировавшие ход событий.

Таким образом, дальнейшее развитие советского общества с неизбежностью требовало отказа от жесткой модели «государственного социализма». В этом смысле перестройка была неизбежна. Однако направление реформ, их результаты и судьба СССР как единого государства зависели от расстановки сил в правящей элите и обществе и внешнеполитического положения. В ходе смены престарелых лидеров страны в 1982—1985 гг. антиведомственная группировка усилилась и в итоге сложной борьбы привела к власти команду М. Горбачева.

Власть и общество

Успешное реформирование сложившейся системы могло начаться только изнутри правящего класса. Недовольство, вызревающее в обществе, еще не могло вылиться в формы массового политического протеста в масштабах всей страны. Бунты были возможны, но пока не связанные между собой. В СССР не существовало легальной оппозиции. Реформистская группировка в высшем руководстве могла усиливать свои позиции только при условии крайне осторожных действий, укрепления своей защищенности со стороны окружающих ее бюрократических структур, имевших иное представление о необходимых переменах. Поэтому скрытое выдвижение реформистов в высший эшелон власти имело ключевое значение для выбора варианта реформ и момента их начала. Но сами реформисты не могли на начальном этапе отказываться от коммунистической идеологии. Впрочем, как показал более поздний опыт 90-х гг., реформирование, основанное на радикальном отказе от коммунистической перспективы и социалистических ценностей, не оказалось удачнее.

Правящая элита все в большей степени стремилась к окончательному преодолению отчуждения от собственности. Это выражалось в усилении коррупции, дополнительно ухудшавшей социальное положение населения, и в так называемых «ведомственности» и «местничестве», усиливающих противоречия в среде правящей элиты. Часть бюрократии отдавала приоритет отраслевым интересам в

ущерб обществу в целом («ведомственность», превращение министерств в своего рода корпорации), а часть — территориальным интересам («местничество», появление своего рода «удельных княжеств»). Значительная часть бюрократии стремилась обуржуазиться, но психологические (в том числе поколенческие) стереотипы и боязнь «опоздать к столу», на котором будут делить собственность, заставляли чиновничьи кланы пока выступать против такого раздела.

В правящей элите СССР можно условно выделить три социально-психологических слоя, по-разному относившихся как к коррупции, так и к преобразованиям, способным преодолеть отчуждение бюрократии от собственности. Слой элиты, к которому принадлежали сторонники председателя КГБ Ю. Андропова и министра обороны Д. Устинова, можно условно назвать «пуританами» или «модернизаторами». Поддерживая идею «очищения» социализма от наслоений коррупции и «мещанской мелкобуржуазности», «пуритане» категорически отрицали отход от каких бы то ни было официально провозглашенных принципов системы, но в их рамках стремились к технологической модернизации. Другой круг чиновников, которых условно можно назвать «консерваторами», действовал по принципу «живешь сам — давай жить другим». Поскольку «консерваторы» могли проводить такую политику в существующих условиях, то они противодействовали переменам как могли. Третий слой элиты — «реформисты» — был готов пересматривать «принципы социализма». Он смыкался с «консерваторами» в своем прагматизме, а с «пуританами» — в стремлении к частичным переменам. За каждым из этих слоев стояли особые социальные интересы. «Пуритане» стремились сохранить за бюрократией ее коллективную собственность — государственное хозяйство. «Консерваторы» снимали «рентные платежи» со своих участков этой собственности, реализуя стремление номенклатуры к слиянию с собственностью. «Реформисты» наиболее полно выражали стремление правящей элиты к преодолению отчуждения от собственности, но в силу сложившихся условий и опасности реформирования системы вынуждены были камуфлировать свои, пусть еще смутные, планы под осторожный реформизм «пуритан» и прагматическую лояльность «консервато-

ров». Это усложняло и запутывало социальную расстановку в правящем слое, приводило к замысловатому переплетению интересов и группировок, которое к тому же накладывалось на противоречие «ведомственной» и «местнической» тенденций.

Реформа 1965 г. предоставила значительную автономию как отраслевым подразделениям бюрократии (министерствам), так и директорскому корпусу. Попытки ограничить своеволие директората репрессивными методами и путем введения новых «хозрасчетных» показателей (реформа 1979 г.) вызывали недовольство директората и дополнительно усиливали ведомства. Преобладание отраслевых структур вызывало недовольство у тех слоев элиты, которые были организованы по территориальному принципу, то есть у среднего партийного звена включая руководство значительной части обкомов. «Косыгинская» реформа ограничила их возможности контролировать промышленность. Это усиливало связку большинства обкомов с сельскохозяйственной элитой. Росло напряжение между двумя аморфными коалициями — ведомственной и антиведомственной. К поддержке последней постепенно стали склоняться все более широкие слои директората, недовольного диктатом министерств при распределении ресурсов.

Голос антиведомственной коалиции все громче звучал на областных и республиканских партийных конференциях, которые давно перестали быть чисто парадными мероприятиями. Хозяйственные и партийные руководители критиковали здесь хозяйственные органы за слишком большие планы и слишком скупое выделение ресурсов, за «канцелярско-бюрократический стиль работы», за отсутствие средств на социальную инфраструктуру (что вызывало проблемы с привлечением рабочей силы). Аграрии требовали изменить в их пользу соотношение цен на хлеб и промышленную продукцию. Их не удовлетворяли частные уступки в виде списания долгов — сами эти долги коммунистические «помещики» считали результатом несправедливого распределения средств.

Аграрии и сырьевики были недовольны установленными под давлением их оппонентов ценами и нормами распределения ресурсов и средств, директора были недовольны вышестоящими инстанциями, сковывающими их инициативу, не выделяющими достаточ-

ных ресурсов для необходимой модернизации производства и других проектов. Антivedомственная коалиция была заинтересована в возвращении разрядки, которая позволила бы сократить затраты на ВПК, получить западные технологии, необходимые для модернизации и преодоления барьера научно-технической революции (НТР) — советского обозначения позднеиндустриальной модернизации. В результате антivedомственные интересы смыкались с позицией сторонников разрядки в высшем руководстве страны.

КПСС строилась по территориальному принципу, и влияние региональных групп в ней было велико. До поры вес Политбюро и Секретариата, где доминировали «отраслевики», перевешивал влияние регионального лобби в ЦК и обкомах. Но время работало на «местные кадры». По мере продвижения кадров снизу перевес «отраслевиков», достигнутый во второй половине 60-х гг., становился все менее надежным. Но при Брежневле обновление кадров протекало крайне медленно. Ориентация бюрократии на покой и равновесие, полностью соответствовавшая политике осторожного Генсека, привела к тому, что поводом к замещению поста становились, как правило, лишь смерть или старческие психические отклонения чиновника, занимавшего этот пост ранее. Такое положение подрывало основной принцип бюрократической иерархии — принцип карьеры, который гарантировал бюрократу со временем продвижение по службе. «Застой» в карьерном продвижении парализовывал и другие механизмы бюрократического общества — в том числе бюрократическую экономику. Без карьерного стимула чиновники и директора не только теряли желание развивать порученное им дело и обращались к кормушке коррупции, но и все больше раздражались отсутствием перемен. Накопление недовольства против стариков, занимавших вышестоящие посты и не дававших дорогу следующей генерации номенклатуры, становилось мощной бомбой, заложенной под режим брежневского равновесия.

* * *

По мере развития общей культуры населения все большее количество людей начинало обращать внимание на охватывающий СССР

кризис. Обстановка психологического недовольства способствовала быстрому распространению критической информации, даже когда телевидение, радио и газеты сообщали прямо обратное. Недовольство условиями своей собственной жизни превращалось (пока у меньшинства) в недовольство системой. Ощущение «так жить нельзя» и «мы ждем перемен» уже становилось преобладающим.

Советское общество уже не было идейно монолитным. Наряду с официальным марксизмом-ленинизмом (в его интернационалистической и державно-националистической разновидности) в среде интеллигенции были распространены либеральное западничество, державное почвенничество и неортодоксальный демократический социализм. Эти направления вступали друг с другом в разнообразные альянсы и конфликты на ниве культурной жизни. Официальная идеология вела борьбу против всех видов неортодоксальности, но это уже давно не была борьба на уничтожение. Многократно критикуемые деятели культуры не отказывались от своих взглядов, но и не переходили в решающие атаки на режим. Они пока лишь готовились к такому наступлению, к решающей борьбе за умы. Уже в первой половине 80-х гг. возникли ядра будущих «партий» времен перестройки — «патриоты» и «либералы» «окапывались» в толстых журналах, народники исследовали мыслителей прошлого и пели песни, западники писали в самиздат или делали партийно-государственную карьеру. Распространенным и влиятельным типажом стал «шестидесятник», или либеральный коммунист. Его мировоззрение складывалось из эклектического сочетания коммунистических мифов и либеральных ценностей индивидуальной свободы. Либеральные коммунисты не были тогда приверженцами либеральной идеологии и склонялись к демократическому социализму. Но их идеологические пристрастия были основаны на мифах, и когда в ходе перестройки выяснится, что Ленин — не демократ, нэп — не идеал рыночного социализма, а западные супермаркеты ломаются от продуктов, — большинство «шестидесятников» быстро уверуют в обычный либерализм и перейдут к апологии капиталистических отношений.

В 50—80-е гг. в недрах специалистов-интеллигентов и служащих (в условиях СССР — среднего слоя) формировались зачатки гражданского общества — системы горизонтальных, не зависящих от государ-

ства общественных связей. Однако пока это были изолированные друг от друга круги неформального общения, связанные с музыкальной культурой (клубы самодетельной песни и рок-движение), хобби, семейными и дружескими узами, и лишь иногда — с общественной активностью. Крупнейшими общественными движениями того периода были культурно-экологическое (дружины охраны природы, актив Всероссийских обществ охраны природы и памятников истории и культуры), педагогическое (коммунары, педагоги-новаторы) и правозащитное (диссиденты). Только последнее носило открыто оппозиционный характер.

Консервативный идейно-политический каркас системы не был рассчитан на новые запросы людей (будь то желание авторов «Метрополя» публиковать аполитичные произведения, отрицающие каноны «социалистического реализма»; либо любовь молодежи к нетрадиционной музыке или повальная склонность к приобретению яркой модной одежды). Противопоставляя себя неконтролируемому художественному творчеству, режим провоцировал средние слои на переход к творчеству социальному.

Попытки наступления на общественность в первой половине 80-х гг. показали ограниченность возможностей власти, — однажды попробовав вкус самостоятельного мышления и обсуждения социальных проблем, люди уже не могли от этого отказаться. В целом общество противостояло идее централизаторской модернизации за счет «затягивания поясов». Эти настроения охватили также и широкие слои правящей элиты, что в конечном итоге стало решающим фактором выбора ее лидеров.

Общественная среда России могла бы поддержать реформы, основанные на антиавторитарных и социальных ценностях. Реформистской группировке предстояло хотя бы в общих чертах разработать модель таких преобразований. В конкретных условиях первой половины 80-х гг. «либералам» из правящей элиты не нужно было искать модель реформ самим. Концепции, обсуждавшиеся в неформальных кругах общественности, фокусировались и формулировались диссидентской средой, затем проникали в «либеральные» круги научной и творческой элиты, советников правящей элиты, а от них — к «реформистам» в правящей группе. Приход к власти анти-

ведомственной коалиции «реформистов» и «модернизаторов» дал старт борьбе идей, которая должна была определить направление выхода из кризиса советского общества.

Как Рейган разорвал СССР

Важнейшим обстоятельством, которое воздействовало на социальную систему СССР, стал геополитический кризис, в котором очутилась страна.

Считается, что СССР не мог выдерживать дальше гонку вооружений. Это мнение горячо поддерживает и М. Горбачев: «Оказалось, что военные расходы составляли не 16, а 40(!) % госбюджета, продукция ВПК — не 6, а 20 % валового общественного продукта». Однако позиция отца разоружения не вполне объективна. К тому же Горбачев не объясняет методику его советников, которые представили такие данные. Насколько в них учтена продукция двойного назначения, которая использовалась и в гражданских целях, «вытягивая», а не «глуша» экономику? Более детальные оценки собственно военных расходов все же подтверждают цифру в 16 % бюджета к началу перестройки. СССР за свою историю переживал в отношении военных нагрузок и гораздо худшие времена.

В 1980 г. в связи с конфликтом из-за ракет средней дальности, вторжением советских войск в Афганистан и началом Польской революции вспыхнул второй этап «холодной войны» или, иными словами, «вторая холодная война». Однако к началу перестройки выяснилось, что, несмотря на все усилия администрации Р. Рейгана, разорить СССР не удалось. Уже в 1986 г. натиск США станет ослабевать.

Ситуация обострения «холодной войны» беспокоила руководство СССР, но не до такой степени, чтобы идти на уступки Западу. В Кремле мечтали о возобновлении «разрядки» как взаимоприемлемого компромисса. Курс Рейгана на «звездные войны» планировалось парировать средствами противокосмических вооружений и другими «асимметричными» ответами. Агрессивные действия Рейгана способствовали перестройке лишь в том смысле, что подвели гонку вооружений к технологически возможным пределам, а конфронтацию

сверхдержав — к грани войны. Это способствовало стремлению мировых элит (включая западные) к новой «разрядке», которая под названием «нового мышления» станет одной из основ политики Горбачева. Но сама перестройка, таким образом, не была результатом агрессивного наступления Рейгана.

При этом не будем забывать, что в 1984 г. США только что начали выкарабкиваться из собственного экономического кризиса. Как писал сам Рейган, «экономике все еще лихорадило». Федеральный бюджет 1984 г. предусматривал увеличение доли военных расходов с 26,7 % до 29 %. Военные расходы США к середине 80-х гг. превышали расходы СССР и продолжали стремительно расти. У Рейгана оставалось все меньше ресурсов для усиления конфронтации. В 1983 г. экономическое положение СССР было устойчивее, чем положение США. Но во второй половине 1984 г. экономический спад в Америке прекратился. Причины этого лежали далеко не только во внутренней политике Рейгана.

Американская экономика, так же как и советская, теснейшим образом зависела от мировых цен на нефть. Но зависимость эта была различной. Падение цен на нефть с 34 до 20 долл. за баррель уменьшало бы американские расходы на энергию на 71,5 % и позволило бы закрепить наметившийся выход из сильнейшего экономического кризиса 1980—1983 гг. А для СССР, напротив, энергоносители были важнейшим источником доходов. П. Швейцер утверждает, что именно американская администрация обрушила цены на нефть и тем нанесла смертельный удар экономике СССР.

Несмотря на конкурентоспособность советской промышленной продукции в странах третьего мира, СССР оставался прежде всего поставщиком сырья. Топливо и электроэнергия составили в 1980 г. 46,9 % советского экспорта (в 1985 г. эта цифра выросла до 52,7 %). Но нефтедобывающая промышленность СССР находилась в состоянии кризиса. Для роста нефтедобычи необходима была ее модернизация. США были крупнейшим производителем новейших технологий бурения, в которых был заинтересован СССР. Без западных технологий рост добычи энергоносителей был крайне затруднен. Нефтедоллары позволяли СССР создать развитую систему социального государства, поддерживать уровень жизни, приближающийся

к странам Запада и опережающий третий мир. Стратегической ошибкой советского руководства считается то, что нефtedоллары не были использованы для модернизации экономики. Это не вполне справедливо — в экономику вкладывались миллиарды рублей (а значит, и долларов). Проблема заключалась в неэффективности этих вложений в условиях сверхмонополистической экономики, а также в том, что в советском руководстве не было понимания задач постиндустриальной модернизации. В Кремле мыслили валовыми категориями. Но чего мы хотим от Политбюро, если и российское руководство до сих пор занимается удвоением ВВП, вместо того чтобы выстраивать структуры информационного общества.

* * *

Американская администрация давила на страны ОПЕК, прежде всего на Саудовскую Аравию, убеждая шейхов понизить цены. Шейхи колебались — отказываться от нефtedолларов не хотелось.

Пока «большой насос» в песках Аравии работал по-прежнему, американцы решили начать сбивать цены на нефть с помощью «малого насоса». К. Уайнбергер вспоминал, что уже в начале 1983 г. «мы старались как могли убедить англичан, что нужно увеличить добычу и понизить цены. Вскоре Советы должны были пустить газ по газопроводу в Европу. Если цена нефти не понизится, Европа переключится на газ. Это была бы неслыханная прибыль для Советов». В 1983 г. британцы стали играть на понижение нефтяных цен. Это соответствовало либеральной политике М. Тэтчер, которая просто приватизировала британскую нефтяную компанию и таким образом перестала сдерживать падение цен на нефть. Но долго Великобритания такую политику проводить не могла. Ее нефтяные возможности были не столь велики, чтобы бороться с ОПЕК.

Игра на понижение цен имела перспективу потому, что соответствовала и объективной тенденции конъюнктур. Даже без специальных усилий со стороны США цены начали бы падать.

Вопрос заключался в сроках и размерах этого падения. Дело в том, что ОПЕК была в тяжелом положении. Рынок ставил перед ней

крайне неприятный выбор: снизить цены, чтобы вернуть себе рынки, или же сократить нефтедобычу для поддержания цены

Уже в 1983 г. ОПЕК понизила свои цены с 34 до 29 долл. за баррель. Это было тревожным сигналом для СССР, но, разумеется, совершенно недостаточным, чтобы изменить экономическую стратегию страны в целом. Некоторое оживление западных рынков также не способствовало росту цен на нефть. Во-первых, потому, что само это оживление было еще достаточно вялым и неустойчивым и, во-вторых, потому, что западные экономики на время адаптировались к росту цен на нефть и энергопотребление в этих странах было снижено. США также испытывали большие колебания в вопросе о нефти, так как, по замечанию Д. Ергина, «у них были интересы по обе стороны водораздела». В конечном итоге на решение арабов опустить цены повлияло не только давление американцев, сколько экономические соображения. Уже при имеющейся конъюнктуре цен доходы Саудовской Аравии упал с 119 млрд долл. в 1981 г. до 26 млрд долл. в 1985 г. из-за потери рынков. В результате осенью 1985 г. Саудовская Аравия фактически вышла из квот ОПЕК, что и вызвало революцию цен. Падение цен 1983—1985 гг. было неустойчивым. Так, в ноябре 1985 г. фьючерсные цены на нефть составляли более 31 долл. за баррель. Обрушение цен началось только в декабре (уже после начала преобразований Горбачева).

Американцы в этих условиях действовали противоявно (что фактически опровергает версию, будто падение цен на нефть стало результатом сознательной политики США). Если внешнеполитические ведомства, для которых главным была борьба с СССР, считали необходимым падение цен, и в этом их поддерживало промышленное лобби, то нефтяное лобби сопротивлялось этому процессу, имея, в частности, такого мощного сторонника, как вице-резидент США Дж. Буш. На него, однако, давили и промышленники в том числе ВПК. Ситуация оставалась неопределенной. Именно в тот период сформировалась позиция Дж. Буша-старшего, который республиканцы придерживались даже тогда, когда формально мерикой руководил уже его сын: цены на нефть нельзя обваливать, ими нужно управлять. Именно этим определяется политика США в отношении цен на нефть и в конце правления Р. Рейгана, и во время правления обоих Джорджей Бушей, в частности их политика в отношении

Ирака. Нужно иметь рычаг управления ценами на нефть, будь то иракская нефть или аравийская нефть. В 1986 г. Буш выступал категорически против низких цен на нефть, в том числе и во время переговоров с аравийцами. Таким образом, его позиция, по существу, способствовала тому, что цены на нефть стабилизировались на среднем уровне, в районе 18 долл. за баррель. Американцы, по существу, способствовали восстановлению контроля чуть было не развалившейся ОПЕК над рынком, что и стабилизировало цены в конце весны 1986 г. По мнению Д. Ергина, «выгоды от падавших цен на нефть (более высокие темпы роста и снижение инфляции) перевешивали потери (проблемы энергетических отраслей и промышленности и района Юго-Запада)». Но при этом администрация Рейгана была вынуждена стремиться к стабилизации цен на таком уровне, при котором «также могла бы прожить и нефтяная промышленность». В июле 1986 г. положение было тяжелым для всех участников большой игры, так как цены в Персидском заливе опускались и ниже 7 долл. за баррель. При этом и США, и Саудовская Аравия, и Кувейт стремились во что бы то ни стало положить конец «хорошей встряске». При этом в СССР даже не сразу осознали угрозу, и в мае 1986 г. один из представителей СССР по энергетике «высмеял саму идею, что Советский Союз будет когда-либо официально сотрудничать с ОПЕК. Советский Союз, сказал он, это не страна третьего мира...» Однако уже через несколько месяцев СССР стал активно сотрудничать с ОПЕК в поддержании цен. В декабре 1986 г. ОПЕК восстановила квотное соглашение и остановила «хорошую встряску». Цены стали колебаться в промежутке между 15 и 18 долл., т.е. даже выше, чем уровень 1973—1979 гг. Это соотношение было оптимально для США. Но и для СССР оно не было смертельным.

СССР экспортировал пятую часть добываемой нефти, так что у него сохранялась значительная свобода экспортного маневра. Экспорт нефти сократился в 1980—1985 гг. с 119 до 117 млн тонн, что можно связывать с кризисом отрасли. Однако вывоз нефти за свободно конвертируемую валюту возрос с 27,4 до 28,9 млн тонн. СССР расширял этот вывоз в капиталистические страны за счет социалистических. Возрос также вывоз нефтепродуктов, газа и особенно — электроэнергии (с 19,9 до 29,3 млрд кВт.ч, т.е. в полтора раза). Со-

ветский Союз нашел, таким образом, еще один ответ на вызов неблагоприятной ситуации на рынке энергоресурсов.

Е. Гайдар утверждает, что экономический кризис СССР был рожден «сокращением нефтяных доходов, крахом экономической стратегии предшествующих двух десятилетий». Сокращение нефтяных доходов не является одной из причин перестройки, оно последовало уже после начала перестройки и не было катастрофическим. В чем же заключается, по Е. Гайдару, крах экономической стратегии советского руководства предшествующих двух десятилетий? Все в той же ставке на нефтяные доходы и связанным с этим экономическим ростом. Но вот в чем загадка для Е. Гайдара и подобных ему либеральных идеологов: ведь эту ставку сделал далеко не только СССР, но только в этой стране разразился столь острый кризис в условиях падения нефтяных цен. Экономического кризиса не было ни на Ближнем Востоке, ни, например, в Индонезии, ни в Великобритании — странах, добывающих нефть. Насколько справедливо это распространенное мнение о том, что падение нефтяных цен вызвало экономический кризис в СССР? Советский Союз в 1985—1990 гг. лишился не всех сверхдоходов от экспорта нефти, который имел после начала нефтяного кризиса в первой половине 70-х гг. Цены на нефть в 1985—1986 гг. упали не до уровня 1973-го (2—3 долл. за баррель), а до гораздо более высокой планки, выше того уровня, на котором они находились до начала Иранской революции 1979 г. Ведь в 1973 г. цены подскочили до 11 долл., обеспечив СССР высокие нефтяные доходы, в 1979 г. — до 34 долл., а в 1986 г. упали до 15—18 долл. В итоге колебания нефтяных цен срезали советскому руководству не «сверхдоходы», а «сверх-сверхдоходы», которыми СССР пользовался лишь в 1979—1985 гг., т.е. в период, когда кризис развития страны стал очевиден даже для советских руководителей. «Сверх-сверхдоходы» СССР не были спутником быстрого роста, они действовали на советскую экономику даже угнетающе, и небольшой стимул в виде определенного снижения цен в 1985—1986 гг. был бы полезен, если бы не другие обстоятельства уже сугубо внутреннего характера.

Экономический кризис СССР, понимаемый как долгосрочное явление, возник до падения цен на нефть, но в острую, заметную фазу

перешел уже позднее. Некоторое падение цен на нефть дисциплинировало советскую экономику, но политика ускорения не подчинялась этой дисциплине, и тогда начались настоящие трудности. Е. Гайдар утверждает: «К началу перестройки нарастание внешнего долга страны приобрело лавинообразный характер». Однако цифры более скромны: в 1984 г., т.е. к моменту прихода к власти Горбачева, сальдо внешнего долга СССР составило 5,9 млрд долл. Это меньше, чем в 1981 г., когда плата СССР по кредитам составила 6,4 млрд долл. Лишь в 1986 г., т.е. не к началу перестройки, а после ее начала и после Чернобыльской катастрофы, сальдо составило 15,1 млрд долл. Величина, впрочем, для Советского Союза вполне терпимая. Даже в условиях начала падения цен на нефть абсолютный уровень экспортных поступлений СССР снизился не так уж значительно. В 1983 г. он составил 91,4 млрд долл., а в 1985 г. — 86,7 млрд долл. Доходы от нефти, обеспечивавшие рост 1973—1979 гг., и после 1986 г. оставались в распоряжении СССР. Этого было достаточно для поддержания старой социально-экономической системы, но не для перехода к новой, тем более по тому сверхзатратному пути, который был избран идеологами «ускорения». Падение нефтяных цен лишило Горбачева свободных денег, и в этом отношении даже препятствовало началу реформ. Но это не остановило реформаторов, считавших, что ускорение обойдется дешевле.

* * *

Итак, внутренние факторы гораздо существеннее подтачивали основы системы «реального социализма», чем обстановка «холодной войны».

Внешнеполитические факторы сыграли незначительную роль в победе реформистской и относительно пацифистской политической группировки, возглавляемой М. Горбачевым. Более того, Горбачеву пришлось скрывать свой относительный «пацифизм» от большинства своих союзников.

Анализ и сравнение внешнего и внутреннего комплекса проблем, с которыми столкнулся СССР, заставляет отдать приоритет внутренним причинам. Действия США и их союзников, направленные про-

тив СССР в 1981—1986 гг., привели к некоторым финансовым потерям, но они не превосходили финансовых резервов страны. В 1986 г. страны Запада изменили свою стратегию в отношении СССР, и в то же время вступили в силу такие факторы, подрывающие финансовую базу страны, как Чернобыльская катастрофа, непродуманность рыночных реформ и др. К 1990 г. эти факторы вкупе с обострившейся борьбой между центром и регионами подорвали хозяйство страны, что способствовало распаду СССР, но еще не предопределяло его. Таким образом, тема истоков перестройки должна быть отделена от поиска причин распада СССР. Это связанные, но все же различные проблемы.

Главный результат «второй холодной войны» для последующей судьбы реформ — более ясное осознание коммунистической элитой необходимости модернизации (без единого понимания необходимых для этого мер) и ухудшение условий для этой модернизации и связанной с ней политики «ускорения».

Глава 2 УСКОРЕНИЕ НА ПУТИ К ПЕРЕСТРОЙКЕ

Смена власти

11 марта 1985 г. на пленуме ЦК КПСС новым Генеральным секретарем ЦК КПСС избран М.С. Горбачев. Как и в монархиях, дата смены правителя определялась смертью предыдущего генсека.

Министр здравоохранения Е. Чазов вспоминает: «Помню, что уже темнело, когда я позвонил Горбачеву на дачу, так как это был выходной день, и сообщил о смерти Черненко». Горбачев узнал о случившемся первым, что давало ему возможность удерживать инициативу в своих руках. Необходимо было действовать быстро, так как, по более позднему признанию Горбачева, «был готов другой кандидат». В 21.30 собралось Политбюро, на котором сторонники Горбачева разыграли изящную комбинацию. После доклада Чазова о смерти Черненко было принято решение о проведении Пленума

ЦК на следующий день. Затем стали обсуждать вопрос о председателе похоронной комиссии. По установившейся в 80-е гг. традиции на похоронах Генсека председательствовал его преемник. По словам Гришина, Горбачев предложил возглавить похоронную комиссию ему: «Мне предложил председательствовать. Я сказал, что это было бы неприлично. Комиссию должен возглавить тот, кто замещал прежде Генерального секретаря». После этого Гришин добавил: «А почему медлим с председателем? Все ясно. Давайте Михаила Сергеевича». После этого Громыко провозгласил, что комиссию возглавит Горбачев.

11 марта Горбачев поставил на обсуждение Политбюро «вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС». Как вспоминает Е. Лигачев, «тут поднялся со своего места Громыко... Крупная фигура как бы нависала над столом, я бы даже сказал — подавляла. Андрей Андреевич заговорил хорошо поставленным, профессиональным, так называемым дипломатическим голосом:

— Позвольте мне высказаться, — начал он. — Я много думал и вношу предложение рассмотреть на пост Генерального секретаря ЦК КПСС кандидатуру Горбачева Михаила Сергеевича». Только старейшие члены Политбюро Громыко, Тихонов и Гришин могли взять слово первыми. Но Тихонов не имел на тот момент подготовленной кандидатуры, кроме собственной. А его самого мог предложить лишь кто-то другой. Гришин оказался «на крючке» из-за коррупционных дел в Москве. Громыко, после некоторых колебаний, решил остановить свой выбор на Горбачеве, предопределив исход борьбы за власть 1984—1985 гг.

На пленуме ЦК КПСС, где должно было быть утверждено решение Политбюро, Горбачева снова представлял Громыко.

Речь Громыко была выдержана в превосходных тонах: «Показал он себя блестяще, без всякого преувеличения».

Результатом победы команды М. Горбачева стали кадровые, чистки и антиведомственный курс 1985—1991 гг., который привел к резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно ее «второго эшелона»), демонтажу отраслевой системы управления экономикой и росту самостоятельности предприятий при сохранении их монополистического характера. Быстро произошел оконча-

тельный распад «пуританской коалиции», выразившийся в последовательном отстранении военных от участия в политической жизни, в курсе на разоружение в ущерб ВПК. На поверхность социально-политической жизни вышли мощные этнические, популистские и гражданские движения, на некоторое время была достигнута свобода слова и самоорганизации. Распались «социалистический лагерь» и СССР, мировая гегемония перешла к альянсу государств НАТО и мусульманских стран.

Острый структурный кризис сверхмонополистической этакратической индустриальной модели развития СССР был неизбежен и начался до прихода М. Горбачева к власти. При всех недостатках варианта реформ, который определялся интересами стоявшей за М. Горбачевым коалиции, эта альтернатива отличалась от других большей гибкостью. Синхронность протекавших в стране разрушительных процессов была нарушена регионализмом и плюрализмом курса Горбачева. Нельзя исключать, что сохранение жесткой структуры управления и дисциплинарный нажим на население и хозяйство в условиях форсированной модернизации могли вызвать гораздо более масштабную и разрушительную конфронтацию, нежели та, свидетелями которой мы были во второй половине 80-х — первой половине 90-х гг.

Команда ускорения

Когда начался период реформ, изменивших лицо нашей страны? В 1985 г., с приходом к власти Горбачева? Но перестройка была официально провозглашена в 1986 г., а преобразования уже шли. И назывались они «ускорение». Что это была за политика?

Горбачева часто обвиняют в том, что он занялся демократизацией, вместо того чтобы проводить авторитарную модернизацию. Добрым словом вспоминают «китайский путь». Почему Горбачев не понял очевидных преимуществ «китайского пути»? Может быть, потому что он был «агентом влияния», хотел развалить СССР?

Мы еще рассмотрим вопрос, мог ли СССР идти «по китайскому пути». Но обвинения в том, что Горбачев не проводил авторитарную модернизацию, — форменная клевета. Этот путь он опробовал спол-

на. И ступил на него даже не Горбачев, а его учитель Андропов. Именно он заговорил о необходимости «ускорения» и сформировал основные направления этого курса.

Программа совершенствования механизма управления, по Андропову, должна была предусматривать: *«Совершенствование организационной структуры управления на всех уровнях и во всех звеньях народного хозяйства, включая четкое определение функций, прав и ответственности органов управления и предприятий, органическое сочетание интересов государства и трудовых коллективов; улучшение системы планирования... повышение эффективности... хозяйственного механизма, включая ценообразование, кредитно-финансовую систему, методы оценки результатов хозяйственной деятельности и т.д.»* Эти же приоритеты звучат и в речах Горбачева вплоть до принятия Закона о государственном предприятии 1987 г.

Несмотря на абстрактность этих положений, за ними просматривается программа модернизации, исключая существенные изменения социальной структуры, но допускающая осторожное расширение товарно-денежных отношений. Андропов начал экономические эксперименты, рассчитанные на дальнейшее внедрение рыночного стимулирования. В связи с этим приходится признать необоснованным мнение ряда исследователей о качественном различии курсов Андропова и раннего Горбачева. Как и Андропов, Горбачев возлагал надежды не только на экономические новации, но и на дисциплинарные способы «повышения эффективности общественного производства» — многосменную работу, партийный нажим на трудовые коллективы, антикоррупционные чистки, борьбу с «нетрудовыми доходами».

В первые годы перестройки Горбачев и его команда продолжали политику авторитарной модернизации, основы которой были заложены Андроповым.

23 апреля состоялся Пленум ЦК КПСС. М. Горбачев сделал доклад «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением».

Апрельский пленум должен был стать эпохальным уже потому, что он был посвящен предстоящему созыву XXVII съезда партии. Это

предоставляло возможность Горбачеву изложить основные положения своей политики во всей полноте. Он указывал на традиционные резервы ускорения, прежде всего на укрепление дисциплины. Однако наряду с этой бюрократической рекомендацией большое внимание в речи было уделено «активизации человеческого фактора» и «неуклонному расширению участия трудящихся в управлении». Время андроповского эксперимента закончено, начинается время реформ или, выражаясь более осторожно, перестройки: *«Достигнут такой рубеж, когда от эксперимента надо переходить к созданию целостной системы хозяйствования и управления. А это значит, что следует начать практическую перестройку работы и верхних эшелонов хозяйственного управления, нацелить их на решение прежде всего перспективных социально-экономических и научно-технических задач, на поиск наиболее действенных форм соединения науки с производством».*

Новая «целостная система» должна, по мысли Горбачева, обеспечить скачок научно-технической модернизации.

Пленум перевел председателя КГБ В.М. Чебрикова из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Членами Политбюро стали секретари ЦК Е.К. Лигачев и Н.И. Рыжков.

Экономическую стратегию Горбачева 1985 г. можно описать формулой: сначала модернизация, затем реформы. Как же провести модернизацию без реформ? Авторитарно-мобилизационными методами. Как и в 30-е гг., техническое перевооружение должно было позволить нарастить темпы экономического роста. Но было очевидно, что сразу все хозяйство обновить не удастся, и потому Горбачев ориентировался на очаговую модернизацию, когда более «передовые» индустриальные центры «возглавят» всесоюзную реконструкцию. Перенос «центра тяжести» экономики на машиностроение и сельское хозяйство отвечал интересам победившего союза аграрной элиты и промышленного директората. С помощью модернизации своих производств директора рассчитывали решить проблемы, накопившиеся в период «господства ведомств».

На этом направлении предполагалось сконцентрировать ресурсы страны, подобно тому, как это делалось в период индустриального скачка 30-х гг. Собственно, «ускорение» воспринималось как

«дальнейшее развитие индустриализации». Однако если в 30-е гг. в СССР существовал обширный аграрный сектор, который можно было «экспроприировать» ради получения средств на строительство новой промышленности, то теперь проблема средств на «вторую индустриализацию» повисла в воздухе. Накопление в промышленности СССР было все более скромным.

Отношение к НТР оставалось чисто технократическим: разработать, внедрить, поощрить. Руководители КПСС еще не понимали, что для успешного технического творчества нужна соответствующая социальная среда. На современном этапе — свобода коммуникаций и автономия творческих групп.

Ускорение стало самой дорогой программой перестройки. В машиностроение предстояло вложить 200 млрд рублей за пять лет. К 1988 г. вложили 120 млрд рублей. Омертвить такой огромный капитал до срока, пока новая техника не начнет давать прибыль, означало до предела напрячь бюджет. В 1985 г. незавершенное строительство составляло 118 млрд рублей, к концу 1988 г. уже 150 млрд. Это около четверти национального дохода. Таким образом, чистый убыток только от незавершенного строительства в период «ускорения», не считая трудозатрат, составил 38 млрд рублей. По мере того как средства замерзали в незавершенном строительстве, падали и инвестиции. К концу «ускорения» они упали в 2 раза по сравнению с 1985 г.

15—17 мая Горбачев совершил поездку в Ленинград, где продемонстрировал новый стиль общения с «трудящимися». К удивлению и удовлетворению публики, Горбачев говорил сам, не зачитывая текст. Относительно радикальная критика сложившейся в стране ситуации сочеталась здесь со сверхоптимистическими надеждами на будущее. Горбачев призвал сделать всю отечественную продукцию конкурентоспособной на мировом рынке. После доклада перед ленинградскими коммунистами Горбачев «пошел в народ», вступив в общение с толпами окруживших Генсека горожан. Грозные речи Горбачева против «негативных явлений» прошлого предвещали дальнейшие кадровые чистки.

1—3 июля Горбачев закрепил свою победу в борьбе за власть новыми кадровыми перестановками. На прошедшем 1 июля Пленуме ЦК КПСС Г. Романов, возможный соперник Горбачева в борьбе

за пост Генерального секретаря, выведен из Политбюро и Секретариата ЦК КПСС «в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья». Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. Шеварднадзе переведен из кандидатов в члены Политбюро. Бывший Первый секретарь Свердловского обкома партии Б.Н. Ельцин, переведенный в Москву на должность зав. отделом ЦК КПСС, избран секретарем ЦК.

2—3 июля на сессии Верховного Совета СССР А. Громыко был избран на вакантный после смерти К. Черненко пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Это выглядело как награда патриарху за поддержку Горбачева, возможность провести остаток дней на самом почетном в стране посту, не требующем большого напряжения сил. Сессия освободила Громыко от обязанностей министра иностранных дел. На этом посту Горбачеву нужен бы преданный и не очень опытный в этом деле человек. Генсек планировал сам плотно заняться внешней политикой. 16 июля министром иностранных дел СССР утвержден Э.А. Шеварднадзе, оставивший пост Первого секретаря ЦК Компартии Грузии.

21 июля во главе отдела пропаганды ЦК КПСС был поставлен А. Яковлев, известный в узких партийных кругах западническими взглядами.

К тому времени он был уже самым радикально настроенным «либералом» в высшем руководстве КПСС. Если верить воспоминаниям самого Яковлева, в это время он направил Горбачеву записку, в которой предлагал разделить КПСС надвое для создания в стране политической конкуренции. Такое предложение в условиях 1985 г. несло большую опасность для карьеры Яковлева. Неудивительно, что Горбачев не дал проекту ход.

- 27 сентября председателем Совета Министров СССР был назначен Н. Рыжков. Роль председателя Совета Министров была велика, но ее нельзя переоценивать. Некоторые заместители премьера были членами Политбюро и могли проводить свою политику независимо от воли Н. Рыжкова, так как были равны ему по рангу. Заместители курировали различные блоки правительственной деятельности, так что Н. Рыжков первоначально стал лишь «первым среди равных» в правительственном руководстве, ответственным прежде всего за научно-техническую политику.

Следующим этапом кадровых перестановок должно было стать столичное руководство. Снять Гришина было несложно — компромата на него было собрано предостаточно. Но, учитывая роль Гришина в переходе власти к Горбачеву, московскому первому секретарю не вменили в вину злоупотребления в столичной торговле, а обратили внимание на недостатки в области жилищного строительства.

24 декабря 1985 г. на место Гришина руководителем столичного горкома был назначен Ельцин. Сделав этот тактический ход, Горбачев вывел в первые ряды партии своего будущего преемника. Возможно, он не исключал, что этот рьяный руководитель когда-нибудь сменил его на посту лидера страны. Но в то время никто и близко не мог угадать обстоятельств, при которых это произойдет.

Теперь команда Горбачева была вполне сформирована. Но она оказалась неоднородной. Говоря о расстановке сил в ней, Горбачев вспоминает: «В том, чтобы накопившуюся энергию общественных ожиданий направить в русло “наведения порядка”, не ломая существующих институтов, был, естественно, заинтересован партийный и государственный аппарат. В руководстве выразителями этих настроений были Лигачев, Соломенцев, в какой-то мере Чебриков, Воротников. Акцент на научно-техническом прогрессе делали Рыжков, Маслюков, Талызин, за которыми стоял корпус хозяйственных руководителей — министров, директоров предприятий. Ну а за неолужное преобразование экономических отношений в руководстве выступали Медведев и Яковлев». Однако последние два руководителя занимали еще довольно слабые позиции, а разногласия двух первых группировок были минимальны — идеи «наведения порядка» и «научно-технического прогресса» не противоречили друг другу. Таким образом, в руководстве преобладали «пуритане», и команда Горбачева продолжала андроповский курс.

Первые меры Горбачева

16 мая были приняты постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения», а также Указ Президиума Верховного Совета

СССР «Об усилении борьбы с пьянством», предусматривающий административные и уголовные наказания за нарушение правил торговли алкоголем и распитие спиртных напитков в общественных местах и по месту работы. Продажа винно-водочных изделий осуществляется отныне только в специализированных магазинах и обособленных отделах продмагов; в рабочие дни вино и водка продаются только с 14 часов. За изготовление самогона была предусмотрена уголовная ответственность. Эти документы положили начало антиалкогольной кампании в Советском Союзе.

Позднее, когда антиалкогольная кампания подверглась жесткой критике, Горбачев так разъяснял свои «резоны»: «А между тем ситуация создалась катастрофическая. В стране насчитывалось 5 миллионов только зарегистрированных алкоголиков. По данным Института социологии АН СССР, ежегодный ущерб народному хозяйству от пьянства оценивался от 80 до 100 миллиардов рублей. Выпивали в чистом алкоголе 10,6 литра на душу населения, включая грудных младенцев! (В 1914 году, когда в России ввели “сухой закон”, — 1,8 литра, после Великой Отечественной войны — 2 литра.) В 1984 г. на улицах страны было задержано (“подобрано”) 9,3 миллиона пьяных».

Горбачев признает, что антиалкогольная кампания привела к «перегибам», в которых винит исполнителей: «Взявшись за дело с неумным рвением... довели все до абсурда. Требовали от партийных руководителей на местах, министров, хозяйственников “перевыполнить” план сокращения производства спиртного и замены его лимонадом. Устраивали жесткие разносы “отстающим”, вплоть до снятия с работы и исключения из партии. Свертывалось производство сухих вин, что не было предусмотрено постановлением. Приобретенное в Чехословакии дорогостоящее оборудование по производству пива ржавело и гнило. Массовый характер приобрело самогоноварение. Из продажи начал исчезать сахар; его нехватка потянула за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских изделий. Потом с прилавков начали исчезать недорогие одеколоны, употреблявшиеся вместо алкоголя. А использование всевозможных “заменителей” привело к росту заболеваний... Людей все больше раздражали многочасовые очереди, униженные ожидания в надежде приобрести бутылку водки или вина по случаю какого-либо торжества. Как только

ни ругали начальство, а больше всех доставалось генсеку, которого по традиции принято было считать ответственным за все. Так я получил кличку «минеральный секретарь». Однако с самого начала было очевидно, что бюрократическая машина и не может проводить запретительные мероприятия иначе.

К началу кампании СССР был не самой пьющей страной мира. На душу населения в 1985 г. потреблялось 7,2 литра абсолютного алкоголя. В Австрии — 11,2, в США — 8,3. Однако качество алкогольных напитков в СССР было значительно худшим, чем на Западе, и влияние их на организм было разрушительнее. Антиалкогольная кампания преследовала цель ограничить потребление всех спиртных напитков, не давая альтернативы. В 1988 г. потребление алкоголя в СССР составило уже 3,7 литра на душу. Однако это не значит, что пить стали меньше. Снизил потребление спиртного малопьющие, а семьи, которые пили много, не могли немедленно, по велению партии и правительства, стать трезвенниками. Рост наркомании, алкогольных психозов и «теневой торговли» был вполне предсказуем, так как «партия и правительство» не оставили пьющим людям никакой альтернативы.

Производство спиртного было значительным источником бюджетных поступлений, так как разница между себестоимостью и продажной ценой здесь была очень велика. Почти вся стоимость проданного алкоголя поступала в доход государства. В 1980 г. было произведено спиртного на 71 млрд рублей. В 1985 г. эта цифра снизилась до 60,7 млрд, в 1986 г. — до 36,8 млрд, и в 1987 г. до 36,5 млрд, то есть почти вдвое по сравнению с 1980 г. Заткнуть столь значительную дыру, как доход от производства алкоголя, было не легко. Антиалкогольная кампания способствовала финансовой дестабилизации. В то же время показатели преступлений в нетрезвом состоянии снизилось с 533 555 человек в 1985 г. (30,9 % от общего числа преступлений) до 415 384 (24,3 %). В 1984—1985 гг. число погибших в дорожно-транспортных происшествиях снизились с 46 726 человек до 41 337. В 1986 г. — до 39 012. После прекращения кампании в 1988 г. количество погибших снова возросло до 47 197. Таким образом, с антиалкогольной кампанией связано спасение тысяч жизней.

В 1988 г. антиалкогольная кампания практически сходит на нет. Прямые потери бюджета от кампании составляли около 25 млрд руб.

в год. Когда об этой бюджетной «пробоине» говорят как об одной из причин разорения СССР, нужно помнить, что оплачивали эти деньги. Сравнивая динамику потребления алкоголя и связанной с ним смертности в 1980—2000 гг., Б. Немцов делает вывод: «Во время антиалкогольной кампании и благодаря ей сохранили жизнь более 1 миллиона человек». Сравнение этого результата с «упущенной выгодой» столь же «морально», как оправдание голода 1932—1933 гг. полученной прибылью от проданного в это время за рубеж продовольствия. К тому же неудачная инвестиционная программа «ускорения» была больше.

* * *

22 ноября был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об изменениях в системе органов управления агропромышленным комплексом». В соответствии с ним создавался Госкомитет по агропромышленному комплексу (Госагропром), заменивший министерства сельскохозяйственного профиля.

Указ предусматривал объединение в единый агропромышленный комитет (Агропром) министерств сельского хозяйства, плодоовощного хозяйства, сельского строительства, пищевой промышленности, мясной и молочной промышленности и госкомитета по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства, а также ряда подразделений смежных ведомств. Внешне Агропром выглядел всемогущим гигантом. Коллегия Госагропрома была слишком неповоротлива и собиралась «не реже двух раз в год», оперативные вопросы она решать не могла. Создание Агропрома должно было сопровождаться внушительным сокращением кадров. Около года чиновники, сетуя на этот «агропогром», пересаживались с места на место, что разрушало систему ведомственного управления сельским хозяйством. Реальная власть в Агропроме сосредотачивалась на местах — прежде всего в районных агропромышленных объединениях (РАПО) и райкомах партии, контролирующих райисполкомы. Предприятия перерабатывающей промышленности, производившие заветные дефицитные продовольственные товары, переходили под контроль местных партийных структур. Это давало местной элите власть в

распределении дефицитной продовольственной продукции, тем более что вышестоящие органы были дезорганизованы всеобщим слиянием. Горбачев оправдал доверие региональных кланов, существенно потеснив ведомственную бюрократию. Но эти административные перетряски не улучшили ситуацию с производством продовольственных товаров. В 1989 г. без лишнего шума Госагропром бы упразднен, а сельскохозяйственные ведомства восстановлены.

Чистилище при дверях реформ

В 1983—1986 гг. социальная политика государства и кадровое противоборство еще сохраняли жесткие формы уголовного преследования. Начатая Андроповым и продолжавшаяся при Черненко волна борьбы с коррупцией и хищениями и при Горбачеве набирала обороты, вовлекая в свои жернова все большее количество чиновников и служащих низового звена. Если в 1980 г. было выявлено 6024 взятки, а в «андроповском» 1983 г. — 8568, то в 1985 г. — уже 10 561, а в 1986 г. — 11 408. В 1987 г. происходит снижение этого количества до 7848.

Если проследить эти показатели по республикам, коррупция в которых оказалась позднее в центре общественного внимания, то цифры окажутся довольно скромными. В 1985 г. в Узбекистане было зафиксировано 759 фактов взяточничества, в Казахстане — 609, в Грузии — 208, в других южных республиках — и того меньше. Коэффициент преступности Узбекистана на 100 тыс. человек по взяточничеству составлял 4,2, а России — 4,1. В 1986 г. этот показатель Узбекистана даже снизился до 4,0, после чего «наиболее коррумпированную» республику обогнали Россия, Казахстан, Грузия и Молдавия.

Центральная номенклатура не могла смириться с тем, что средства, предназначенные для общегосударственных задач, уходят в карманы подчиненных. Обозначившееся в период брежневского правления стремление номенклатуры перекачать власть в собственность противоречило устремлениям правящей олигархии, распоряжавшейся народным козьяством в целом.

Коррупция действительно представляла собой серьезную проблему для СССР, но методы борьбы с ней в первой половине 80-х гг.

не позволяли эту проблему решить. Речь не шла о преодолении социальных причин коррупции, прежде всего — монополизма бюрократии, широких полномочий чиновника при принятии решений. Политика «борьбы с нарушениями социалистической законности» была призвана нанести выборочные удары по отдельным звеньям системы коррупции (иногда второстепенным) с тем, чтобы умерить аппетиты остальной части аппарата. При этом жертвы выбирались достаточно произвольно, и не всегда из числа тех людей, которые действительно играли значительную роль в коррупционной сети. Массовые репрессии прокатились по сфере обслуживания, где врачам, электрикам, продавцам и т. п. было принято «доплачивать за качество» подарками от «благодарного клиента».

Коррупция в СССР была развита везде и опиралась на разветвленную систему приписок, ставшую своего рода реакцией общества (в том числе и руководящей элиты) на оторванные от жизни экономические планы. Приверженный политике локальных экспериментов, Андропов и в этой области решил выбрать образцово-показательный полигон. Им стал Узбекистан.

В Средней Азии (и не только в Узбекистане) коррупция была вплетена в систему традиционных отношений, что придавало всей конструкции не только всеобъемлющий, но и почти легальный характер. Без взятки многие чиновники и хозяйственники просто не могли работать, взятка считалась нормальной доплатой, молчаливо санкционированной сверху.

Борьба с коррупцией в Средней Азии позволяла «убить двух зайцев». С одной стороны, ослабить и припугнуть консерваторов и коррупционеров в СССР в целом, а с другой — проводить образцово-показательные чистки вдали от центра, удовлетворяя справедливый гнев населения и не очень нервирова центральную бюрократию.

В апреле 1983 г. с ареста начальника ОБХСС УВД Бухарского облисполкома А. Музаффарова началась операция по искоренению коррупции в Узбекистане. К делу подключилась союзная прокуратура. В сентябре 1983 г. группу прокуратуры СССР, расследующую дело о коррупции в Бухарской области, возглавил старший следователь по особо важным делам Т. Гдлян.

Одновременно с началом работы группы Гдяна развернулась масштабная операция против приписок и взяточничества в хлопководстве. Здесь удар пришелся по базису и среднему звену пирамиды коррупции. Волна арестов захватила массу рядовых взятодателей и взяточников. А вот группу Гдяна интересовали «верхи» коррупционного механизма. Перед ней стояла трудная задача. По словам начальника управления по борьбе с организованной преступностью МВД СССР В. Гурова, «каждому юристу известно, что доказать взятку “постфактум” практически невозможно. Нужно либо “выбивать” чистосердечное признание, либо находить еще какие-то доказательства. Мне запомнились слова одного профессионального работника БХСС МВД СССР М. Аверкова (Аверков сейчас возглавляет одно из управлений МВД РФ), который сказал: “Я с Гдяном работать отказался, и не потому, что побоялся чего-то, а просто не привык издеваться над людьми”».

Если верить материалам проверки Прокуратуры СССР 1989—1990 гг., Гдян и Иванов пошли по пути, который, как казалось, мог бы существенно «ускорить» их работу, повысить «производительность труда». Для этого на вооружение была взята «царица доказательств», выражаясь словами Вышинского, — признание обвиняемого. По утверждению проверяющих, Гдян начинал не с обысков, а с арестов подозреваемых, а затем добивался признания с помощью различных методов, среди которых специалисты комиссии, проверявшей деятельность группы, называют избивания, угрозы преследования родных (многие из них также арестовывались), обман, издевательства рецидивистов и т.д. Следователи добивались от обвиняемого показаний на него самого и «лиц наверху», постепенно выстраивая нужную руководству из ЦК КПСС «пирамиду», в которую включались все более высокопоставленные руководители республики. Группе под руководством Гдяна была доверена миссия нанесения сокрушительного удара по узбекскому чиновничьему клану.

Следователей интересовали только люди, которые могли вывести их на ЦК КПУ, который они сочли «штабом мафии». В этом выводе была своя логика, естественная для человека, воспитанного в СССР: за все в республике должен отвечать ЦК Компартии. ЦК — организатор всех социальных явлений. Если социальное явление признано законом преступным, значит, преступен ЦК КПУ. Теперь оставалось

только найти доказательства. Для этого нужно было «пройти» цепочку от уже арестованных людей до руководства Узбекистана.

В Москве не могли не видеть, куда метит Гдлян, но ЦК КПСС дало следователю широкие полномочия. Пока Гдлян работает, никто в Узбекистане не станет перечить реформаторам.

Усиливалось давление на узбекскую парторганизацию и по партийной линии. По инициативе завсектора среднеазиатских республик Г. Смирнова и с одобрения Андропова Лигачев провел жесткую беседу с Ш. Рашидовым. Через два месяца, 31 октября 1983 г., хозяин Узбекистана скоропостижно скончался.

Репрессии в Узбекистане не сбавили обороты и после смерти Андропова. Черненко лично «дал добро» на арест бывшего первого секретаря Бухарского обкома КПСС А. Каримова.

К концу следствия по делу бывшего первого секретаря Бухарского обкома КПСС Каримова в июле 1986 г. у него (и его родственников) было изъято более 6 миллионов рублей (основная часть — в золотых монетах). Эта сумма была для подавляющего большинства жителей СССР совершенно запредельной, не укладывающейся в сознании. После работы следственных групп в Бухарской области 11 первых секретарей райкомов были исключены из партии и в большинстве своем отправлены на скамью подсудимых, 5 чиновников разного уровня, в том числе первый секретарь обкома, — приговорены к расстрелу. По утверждению Т. Гдльяна, «за четыре года, с июня 1984-го по сентябрь 1988-го, в многострадальном Узбекистане смещены 58 тысяч ответственных работников».

Следственные действия подкреплялись решительными действиями по партийной линии. В июне 1984 г. Лигачев провел съезд республиканской компартии, «обновив» ее кадры. Новый первый секретарь КП Узбекистана И. Усманходжаев не стал оказывать сопротивления следственной группе.

* * *

Добиваясь расширения масштабов расследования, Гдлян и Иванов в марте 1986 г. нарушили субординацию и обратились с докладной запиской о масштабах приписок хлопка в Узбекистане непосредственно к

Горбачеву. По мнению самих следователей, такой шаг «в чиновничьем мире является непозволительной дерзостью, тяжким грехом». Однако этот «грех» не вызывал никаких репрессий со стороны Горбачева. Напротив, руководство КПСС решило, что служебное рвение следователей надо поощрять и дальше, используя группу в качестве тарана не только против узбекского клана, но и против неугодных лиц в Москве. В июле 1986 г. следователи направили Горбачеву новую записку, в которой критиковали Главного прокурора Рекункова и его заместителя по следствию Сороку, а также жаловались на угрозы руководства прокуратуры отстранить их от дела в ответ на отказ подчиниться указанию ограничить масштабы дела уже арестованными чиновниками. Горбачев, судя по всему, и на этот раз «прикрыл» следственную группу — увольнений не последовало. Однако следствие, вышедшее из-под контроля прокуратуры, теперь велось под бдительным контролем руководства ЦК КПСС. По воспоминаниям Ю. Чурбанова, «тот же Гдлян ничего не скрывал и хвалился, что его инструктирует чуть ли не сам Горбачев, что они постоянно бывают в “Большом доме” (так в просторечии называют ЦК КПСС), что там кому-то докладывают и получают новые указания».

В мае 1986 г. прошел процесс над группой работников Бухарского УВД, в том числе над Музаффаровым, с ареста которого началась кампания разоблачений в Узбекистане. У обвиняемых было конфисковано около 6 млн руб. (впоследствии часть осужденных и подозреваемых утверждали, что эти деньги «собирали по родственникам», чтобы вернуть в казну и таким образом смягчить наказание). Следователи прокуратуры Т. Гдлян и Н. Иванов продолжали наступление на «штаб мафии», которым считали ЦК КП Узбекистана. В декабре им удалось добиться ареста бывшего второго секретаря ЦК Т. Осетрова.

В августе на скамье подсудимых оказалась вся коллегия министерства хлопкоочистительной промышленности УзбССР во главе с министром В. Усмановым. Всего по «хлопковому делу» было привлечено к уголовной ответственности около 20 тыс. человек.

В своем последнем слове один из обвиняемых, Усманов, закричал: «Как же прокурор может требовать мне смертной казни, если главный взяточник в республике — Усманходжаев — первый секретарь ЦК?!»

Политбюро было склонно поддерживать «массовидность террора» в Узбекистане, где удары по местной элите доказывали серьезность намерений горбачевского руководства. Разоблачения коррупционеров в других республиках, включая южные регионы России, не приобрели такой известности.

Подследственные часто использовали методы 30-х гг. для саботажа следствия — они начинали оговаривать всех и вся в надежде, что абсурдность показаний обратит на себя внимание Москвы. Результат был тем же, что и во времена Сталина, — следствие только расширялось к удовольствию следователей. Так продолжалось до тех пор, пока это было необходимо высшему руководству страны.

* * *

В 1985—1986 гг. перед командой Горбачева стояла задача добиться пропагандистского успеха, удовлетворить «пуритан» и поставить среднеазиатские республики под полный контроль. В целом это удалось — на несколько лет кадры, пришедшие на место репрессированных, станут наиболее преданной опорой Горбачева на различных конференциях и съездах. Подбор кандидатур на место арестованных чиновников осуществлялся новым руководством. При этом каждый из среднеазиатских чиновников (и не только узбекских, так как чистки прокатились и по другим республикам) знал, что он связан с теми, кто уже сел. До 1988 г. именно руководство КПСС решало — «раскручивать» дело дальше или нет.

Укрепилось и положение Горбачева в высшем руководстве. Консервативные кадры побаивались перечить новому лидеру, опасаясь расширения чисток на центральные районы страны. Но в то же время они видели, что Горбачев отводит активность «пуритан» от центрального аппарата. Сами «пуритане» также были солидарны с Горбачевым в том, что в центре репрессии должны носить скорее пропагандистский характер и не дезорганизовывать работу.

В ЦК КПСС считали, что «процесс находится под контролем» и готовились вывести «узбекское дело» на московский уровень, санкционировав начало «разработки» зятя Брежнева Ю. Чурбанова.

Привлечение к «узбекскому делу» московских чиновников стало в 1989—1990 гг. кошмаром высшего партийного руководства. Но первый шаг в этом направлении был плодом очередного компромисса правящих группировок в 1985 г. Ритуальный характер акции требовал соответствующей фигуры для жертвоприношения. Поэтому главной жертвой в Москве стал человек, уже отстраненный от работы, но продолжающий символизировать «эпоху застоя» из-за своих родственных связей, — Ю. Чурбанов. Арест Чурбанова согласовывался в верхних эшелонах власти более года.

Т. Гдлян и начальник следственной части Прокуратуры СССР Г. Каракозов после ареста в 1987 г. заявили Чурбанову, «что судить будут не его, что это будет процесс над бывшим секретарем ЦК КПСС, над его памятью. Вот этому и было все подчинено». Гдлян откровенничал: «Если бы вы не были зятем, вы бы нас не интересовали».

Несмотря на рыночные авансы партийного руководства, в 1985—1987 гг. продолжает нарастать и количество зафиксированных преступлений, характеризующихся как спекуляция (перепродажа по более высокой цене). Пик количества преступлений здесь приходится на 1988 г., когда рыночный социализм стал официальным лозунгом КПСС.

Удар по мелким собственникам в преддверии великого похода бюрократии за собственностью был вполне логичен — чиновничество избавлялось от конкурентов. Но полуполюгальный бизнес времен «застоя» не исчез. Он был загнан в подполье и попал под контроль криминального капитала.

Известия о борьбе с коррупцией вызывали одобрение у большинства граждан, которым с детства объясняли, что социализм — это общество социальной справедливости, в котором нет места делению на бедных и богатых. Но в реальности социальное расслоение (далекое, впрочем, от уровня 90-х гг.) существовало, а удары по коррупции носили выборочный характер, — в обществе стало расти разочарование. Одних разоблачают, а остальные чиновники продолжают пользоваться привилегиями, путать государственный и собственный карман. Демократическо-уравнилельные настроения усиливались, выливаясь в требование чистки бюрократии. Горбачев, заинтересованный в росте своей популярности и нейтрализации консервативной бюрократии, поощрял надежды на чистку, тем

самым усиливая ожидания (а значит, и разочарование, когда Генсек не оправдает надежд на пришествие строгого, но справедливого судь). Неудивительно, что большой резонанс вызвала статья Т. Самолис «Очищение. Откровенный разговор», опубликованная в «Правде». Она живо обсуждалась читателями в «курилках» и на «кухнях».

В статье говорилось: «Поперек дороги стояли и будут еще стоять ретрограды и пустозвоны, бюрократы и лихоимцы... Партия будет только крепнуть, очищая свои ряды от случайно затесавшихся в них негодяев и бездельников... Партия проводит сейчас огромную работу, в том числе и по очищению своих рядов».

Статья «прощупывала почву» для нового этапа кадровых чисток. Она вызвала сочувствие широкой публики, в том числе и демократической. Хотелось, чтобы «карающий меч справедливости» перешел со стрелочников на «зажравшиеся верхи». Но путь широких репрессий против центральной номенклатуры практически исключал решение вставших перед страной экономических проблем и был чреват ожесточенным сопротивлением бюрократии. Так что Горбачев предпочел продолжать андроповскую политику выборочных расправ.

Процессы в Узбекистане шли один за другим. В мае 1987 г. А. Каримова приговорили к смерти, но вскоре заменили расстрел тюремным заключением. Ему еще предстояло выступить свидетелем на процессе Чурбанова.

Поиски «социальной справедливости», которые вели репрессивные органы в 80-х гг., успехом не увенчались. Тысячи людей, отправленные за колючую проволоку, были настолько же виновны в коррупции, как и те, кто затем строил «демократию» вместе с Гдьяном. После распада СССР и создания капиталистического общества коррупция лишь усилится. Общество еще не дозрело до понимания того, что системную коррупцию и привилегии не устранить арестами и увольнениями, «перетряской кадров». Для этого нужны преобразования, изменения структуры общества. Причиной коррупции являются возможности для произвола чиновника, широта и неопределенность его полномочий, особенно в отношении частного предпринимательства. Пока действуют социальные причины коррупции, на место арестованного чиновника всегда найдется новый коррупционер. Реформы, предполагавшие развитие рыночных отношений, не-

избежно вели к росту коррупции, которая затем могла преодолевать-ся путем как можно более четкого определения и разведения полномо-чий государственных и частных организаций. Понятно, что и но-менклатура, и порожденный ею бюрократический капитал сделали все, чтобы этого не произошло. Чистки 80-х гг., таким образом, не могли победить коррупцию и преследовали политические цели.

* * *

На XIX партконференции вопрос о коррупции снова обрел яно-вую силу — были обвинены четыре делегата от Узбекистана. 19 ок-тября был арестован Усманходжаев, который вскоре дал показания на нескольких московских чиновников, включая Лигачева. Но через неделю он взял свои слова назад.

5 сентября 1988 г. начался основной процесс по «Узбекскому делу», который стал началом конца чисток 1983—1988 гг.

Процесс должен был стать апогеем «борьбы с коррупцией» бреж-невских времен. Дело рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР. На скамье подсудимых оказались бывший первый замест-итель министра внутренних дел СССР, зять генерального секретаря ЦК КПСС А. Брежнева Ю. Чурбанов, министр внутренних дел Узбе-кистана Х. Яхъяев, заместители министра Т. Кахраманов и П. Бегель-ман, начальники УВД С. Сабиров (Хорезмская область), Д. Джамалов (Ташкентская область), Х. Нортубаев (Кашкадарьинская область), Я. Махамаджанов (Наманганская область), М. Норов (Бухарская об-ласть). На первом же заседании Бегельман полностью признал себя виновным, Яхъяев и Кахраманов полностью отвергли обвинение, Чур-банов признал свою вину в злоупотреблении служебным положени-ем, остальные признали вину частично. Готовивший обвинительное заключение и проводивший следствие Т. Гдлян был национальным героем, итогов процесса ждала вся страна. Большую известность при-обрел и защищавший Чурбанова адвокат А. Макаров. Процесс про-должался до 30 декабря. Чурбанова осудили к 12 годам заключения, хотя суд счел доказанными только три эпизода с получением взяток в общей сложности на 90 964 руб. (инкриминировалось 1,5 млн руб.). Прокурор рассуждал о «непомерной жадности» и «родственных свя-

зях» Чурбанова. Другие фигуранты также получили меньшие сроки, чем требовало обвинение. Х. Яхъяев и вовсе был полностью оправдан.

Процесс показал, что методы следствия, применявшиеся при Андропове и в начале горбачевского правления, не выдерживают юридической критики в суде времен «правового государства». Но следователи, а за ними и общественное мнение объясняли частичный провал обвинения «происками замешанного в коррупции высшего руководства страны». Реформаторы и консерваторы в ЦК КПСС уже поняли, что популистское стремление к расправе над «высокопоставленными ворами» не успокаивает толпу, а распялет ее, несет угрозу всей системе. Горбачев перестал поддерживать кампанию чисток. Это знамя быстро перехватили «демократы». Сомнительные результаты процесса Чурбанова, оппозиционные высказывания Гдяна—Иванова и странное поведение их подследственных, которые то давали показания, то отказывались от них, — все это заставило Генерального прокурора наконец лично заняться проверкой методов работы «прославленных» следователей. 8 апреля 1989 г. Сухарев сам допросил Усманходжаева, который заявил, что по требованию Гдяна и Иванова оговорил честных людей. 12 мая кандидат в депутаты Н. Иванов выступил в эфире ленинградского телевидения и заявил, что в коррупционных делах фигурирует Романов и «замелькали» Лигачев и Соломенцев. При этом проводится «политика полного сворачивания борьбы с организованной преступностью». С этого момента «дело Гдяна — Иванова» становится одним из центральных пунктов политической борьбы «коммунистов» и «демократов».

Глава 3 КОММУНИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Новое лицо

Выступая с «инаугурационной» речью, Горбачев провозгласил свое внешнеполитическое кредо, которое окажется не пустой декларацией, а действительным планом действий: *«Никогда прежде над*

человечеством не нависала столь страшная угроза, как в наши дни... Мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле». Речь шла, таким образом, о резком сокращении ядерных вооружений в обмен на отказ от программы СОИ. Переход к новому курсу во внешней политике СССР сопровождался заверениями, которые должны были пока успокоить отечественный ВПК: «Мы и впредь не будем жалеть усилий, чтобы Вооруженные Силы СССР имели все необходимое для надежной защиты нашего Отечества, его союзников, чтобы никто не мог заставить нас врасплох».

Однако кадровые перестановки открывали несчастливую эру в истории отечественного ВПК. Его покровитель Г. Романов был отправлен в отставку («горе побежденным»), а стародавний партнер А. Громыко — перемещен на почетный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Горбачева не устраивал консервативный дипломатический стиль Громыко. Время политики «семь раз отмерь, один раз отрежь» прошло. Требовались перемены на внешнеполитическом фронте.

1 июля министром иностранных дел СССР был назначен Э. Шеварднадзе. Дипломатического опыта он не имел, но, как сказал Горбачев, рекомендуя его на этот пост, «этот участок работы должен быть непосредственно в руках партии. Поэтому необходим товарищ из руководства». Горбачев сказал также, что Шеварднадзе «сумел справиться с труднейшей ситуацией в Грузии», что ему «присущи чувство нового, смелость, оригинальность подходов». Предложение назначить Шеварднадзе на этот пост вызвало в МИДе шок. И в первую очередь это касалось Громыко, который был готов уйти из министров, но полагал, что Генсек, обязанный избранием ветерану дипломатии, хотя бы посоветуется с ним. «Толя, в своей жизни я давно не испытывал такого удивления, а затем раздражения, как от решения Горбачева о новом министре иностранных дел. Сначала я не поверил своим ушам, спросил Горбачева, не ослышался ли... Я понял, что Горбачев про себя этот вопрос решил окончательно, он со мной не советовался, а просто просил поддержать замену... В то же время я считал, что Шеварднадзе не подготовлен к тому, чтобы професси-

онально вести работу министра иностранных дел», — говорил Громыко сыну.

В 1985 г. отсутствие дипломатического опыта у Шеварднадзе вполне устраивало Горбачева, которому на этом посту нужен был исполнитель — Генеральный лично собирался руководить этим направлением. «Нет опыта? — говорил он Шеварднадзе накануне назначения. — А может, это хорошо, что нет? Нашей политике нужны свежесть взгляда, смелость, динамизм, новаторские подходы...»

Теперь Советскому Союзу предстояло открыть миру свое новое лицо.

Как растопить лед? Внешнеполитическая хроника

27 июля — 3 августа в Москве под девизом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу» состоялся 12-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов, собравший до 40 тыс. участников и гостей из 150 стран.

29 июля Горбачев выступил с заявлением о введении Советским Союзом одностороннего моратория на испытания ядерного оружия (с 6 августа 1985 г. по февраль 1987 г.). Правительство США не присоединилось к советской инициативе.

2—5 октября Горбачев находился с официальным визитом во Франции. Этот визит стал крупнейшим прорывом Горбачева на международном фронте в 1985 г. Генсеку удалось очаровать французскую публику своей непривычной для советского лидера живостью. Перед французами предстал человек, разительно контрастировавший с предыдущей генерацией советских руководителей, напоминавший своей словоохотливостью и искренней убежденностью в торжестве социализма не столько Брежнева и даже Андропова, сколько Фиделя Кастро.

Ключевым понятием нового европейского курса, предложенного Горбачевым, стал «общий европейский дом». С этой темой он выступил перед французскими телезрителями: «Мы с вами живем в этой Европе... Мы живем в одном доме, хотя одни входят в этот дом с одного подъезда, другие — с другого подъезда. Нам нужно сотруд-

ничать, налаживать коммуникации в этом доме». Горбачев мог гордиться этой красивой идеей, но права авторства тут же были оспорены французским телеведущим: «Голлистский подход?» Горбачеву также бы задан вопрос о 4 миллионах политических заключенных в СССР. Абсурдность такого утверждения позволила Генсеку скомпрометировать саму тему политзаключенных в СССР: «Это напоминает, знаете ли, геббельсовскую пропаганду.... Это абсурд».

Несмотря на эти неприятные вопросы, главное было сказано — мы хотим дружить с соседями по дому в то время, как этому дому угрожают чужаки из-за океана. Продолжая повторять, что «наши страны... исповедуют каждая свою идеологию» (как будто во Франции, да и в СССР тоже существовало только по одной идеологии), Горбачев не упускал шанса поагитировать французов за социализм: «Исторический опыт убедил нас: народы России сделали правильный выбор в 1917 году, совершив революцию, уничтожив эксплуатацию, социальное и национальное угнетение». Но в ответ получил вопрос о судьбе евреев, а также о Сахарове и Щаранском. Ответ Горбачева «на скользкий вопрос» был резким и неубедительным для западной общественности: «Я бы сказал так: давайте мы будем в Советском Союзе сами управлять своими делами, а вы во Франции управляйте своими».

Горбачев нашел взаимопонимание с президентом Ф. Миттераном в вопросе о СОИ. Французский лидер прямо заявил: «Что касается Франции, то я уже сказал: она не участвует в этом, она не стремится к этому, она хочет посвятить себя мирным исследованиям космоса». Однако отмежевываться от позиции США по ракетам среднего радиуса действия Миттеран не стал.

В ходе визита были подписаны соглашения об экономическом сотрудничестве СССР и Франции на период 1985—1990 гг. и об уступлении двойного налогообложения доходов.

Но преодоление «холодной войны» зависело не от Франции, а от того, удастся ли растопить лед в отношениях с США.

19—21 ноября в Женеве состоялась первая встреча М. Горбачева и президента США Р. Рейгана.

Два лидера безуспешно пытались агитировать друг друга каждый в пользу своей идеологии. Они не смогли договориться также по

важнейшему вопросу о СОИ. Идея создания совместной советско-американской космической противоракетной системы была отброшена Горбачевым без обсуждения. В центре переговоров по-прежнему оставалась проблема ракетно-ядерного разоружения, и они не хотели покинуть Женеву, не подписав хотя бы декларацию по этому поводу. Разногласия рабочих групп не позволили согласовать текст итогового коммюнике к последнему дню переговоров. В итоговом заявлении провозглашалось, что ядерная война никогда не должна быть развязана, что обе стороны стремятся к 50 %-ному сокращению ядерных вооружений, к запрещению химического оружия. Американская сторона согласилась включить в совместное заявление и положение, воспроизводящее советско-американское заявление от 8 января 1985 г., относительно предмета и целей женевских переговоров: предотвратить гонку вооружений в космосе и прекратить ее на Земле, ограничить и сократить ядерные вооружения и укрепить стратегическую стабильность. Это означало важный моральный успех советской стороны, увязавшей разоружение на Земле с отказом от военно-космических программ. В ответ Горбачев также был готов идти на уступки в «мелочах». Когда переговоры утром все же зашли в тупик из-за разногласий в формулировках чиновников Госдепа и МИДа, Горбачев приказал мидовцам снять возражения. Заявление было подписано. Также в ходе встречи министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и государственный секретарь США Дж. Шульц подписали 21 ноября общее соглашение об обменах и контактах в области науки, образования и культуры между СССР и США. Были восстановлены рейсы Аэрофлота в США в полном объеме.

В результате встречи в Женеве впервые после нескольких лет конфронтации появилась надежда на улучшение советско-американских отношений.

Красногвардейская атака на мир капитала

1986 год начинался очень оптимистично. Казалось, вот-вот начнется новая «разрядка». С большевистским радикализмом Горбачев шел в мирное наступление на мир капитала.

15 января Горбачев выступил с заявлением, в котором выдвинул программу поэтапной ликвидации ядерного оружия до 2000 г. Горбачев заявил: «Советский Союз предлагает, действуя поэтапно и последовательно, осуществить и завершить процесс освобождения Земли от ядерного оружия в течение ближайших 15 лет, до конца нынешнего столетия». План ставил сенсационную планку: «К концу 1999 года на Земле больше не останется ядерного оружия. Вырабатывается универсальная договоренность о том, чтобы это оружие больше никогда не возродилось».

В ответ Горбачев надеялся на отказ американцев от планов СОИ, возводя их на высоту галактической ответственности: «Человечество находится на ответственном этапе новой космической эры. И пора отказаться от мышления каменного века, когда главной заботой было обзавестись дубинкой побольше или камнем поувесистей. Мы против оружия в космосе. Наш материальный и интеллектуальный потенциал обеспечивает Советскому Союзу возможности создания любого оружия, если нас к этому вынудят. Но мы понимаем всю меру ответственности перед нынешним и грядущим поколениями. По нашему глубокому убеждению, не с программой “звездных войн” надо идти в третье тысячелетие, а с масштабными проектами мирного освоения космоса силами всего человечества. Мы предлагаем практически заняться разработкой и осуществлением таких проектов».

Предложения Горбачева были настолько радикальны, что в США не верили в их искренность.

Помощник Горбачева А. Черняев пишет о настроениях шефа в это время: «Его раздражала и удивляла вялая и подозрительная реакция Запада на его смелые и искренние инициативы. Но она же и подзуживала его, заставляла наращивать свое личное “мирное наступление”, которое не было совсем уж бесплодным, особенно с точки зрения изменения общественной атмосферы в мире».

В апреле — июне отношения между СССР и США резко ухудшились. СССР поддержал Ливию в ее конфликте с США. Американский флот вторгся в территориальные воды СССР в Черном море. США отказались соблюдать договоренности по ОСВ, которые выполнялись даже в период конфронтации 1980—1984 гг. Это был последний всплеск «холодной войны». Но уже летом обе стороны

стали зондировать возможности для проведения «второй Женевы». Ни Горбачев, ни Рейган не желали упускать открывшиеся в Женеве возможности.

В 1986 г. произошли события, на которые большинство советских людей не обратили внимание. Закончился период агрессивного руководства ЦРУ У. Кейси, администрация США отказалась от фронтального наступления на СССР, которое закончилось неудачей. Одновременно закончилась нефтяная «ценовая встряска». Доходы СССР уменьшились, но это уменьшение было компенсировано в связи с введением в строй первой нитки газопровода в Западную Европу в 1987 г. Рост дефицита бюджета СССР происходил прежде всего по другим причинам: попытка модернизации машиностроения, антиалкогольная кампания, Чернобыльская катастрофа. Так что у Горбачева были мотивы стремиться к снижению военного бремени в ближайшие годы.

Были такие мотивы и у США. Экономический кризис в СССР был настолько же неочевиден, как и стабилизация американской экономики. Разорить СССР извне не получилось, а ввод газопровода ставил на этих планах крест. Популярность Горбачева росла даже в Америке, не говоря о Европе. Игнорируя призывы Горбачева к новой «разрядке», можно было столкнуться с домашними проблемами политического характера. Окружение Рейгана пришло к выводу, что лучше создавать политические проблемы в стане противника, причем не на периферии, как в начале 80-х гг., а в самом центре. Для этого следовало пойти навстречу «разрядке». Агрессивное давление со стороны США сменилось новой стратегией, которую можно оценить и как свертывание «холодной войны», и как «удушение в объятиях». Все эти тактические шаги были подступом к сближению с США.

Рейкьявик

Горбачев предложил Рейгану встретиться в Рейкьявике — на равном удалении от двух стран. Планы Горбачева в Рейкьявике строились в прежнем стиле «красногвардейской атаки». Больше агитации в мировом масштабе, меньше — позиционной борьбы вокруг

деталей: «Опыт Женевы, Стокгольма и других переговоров показал, что товарищи часто утыкаются в детали, спорят с пустяками, забывая о том, что речь идет о судьбах человечества. Мало ли у нас нерешенных проблем с Америкой? Да черт с ними! Нужно всегда видеть главное». Горбачев намеревался «ошеломить Рейгана смелостью». При этом Горбачев надеялся на маленькую хитрость, которая затем и обвалит переговоры: *«В отличие от прежних наших позиций не надо сразу же и в этом пункте обуславливать это сокращение договоренностью по космосу. Иначе — опять тупик»*.

11 октября президент и генсек приехали в Исландию.

Переговоры начинались беспорядочно. Рейган предпринял собственную пропагандистскую атаку, поставив проблемы Афганистана и эмиграции из СССР. Горбачев как ни в чем не бывало перешел к главному — своей программе широкомасштабного сокращения вооружений, выдвинутой в январе: каждый из элементов триады стратегических вооружений (наземного, морского и авиационного базирования) сократить наполовину. Горбачев даже в принципе согласился с «нулевым» вариантом по ракетам средней дальности. Рейгану пришлось возражать против собственной идеи ликвидации ракет средней дальности в Европе: у стран Варшавского договора слишком много войск в Европе. Горбачев согласился их радикально сократить. Рейган не понимал, что происходит, — Горбачев повторяет пропагандистские предложения на закрытых переговорах: «Я и Джордж не верили своим ушам и с изумлением выслушивали согласие на договоренность». А если взять и тоже согласиться?

Зная, как Горбачев относится к СОИ, Рейган также решил предложить некоторые уступки: со временем обе сверхдержавы смогут пользоваться СОИ совместно, когда она будет разработана. Горбачев в это не верил и возражал — его СОИ не устраивала вовсе. В крайнем случае — лабораторные исследования.

Рейган вспоминает: «Уже после того, как все или почти все, как мне казалось, было решено, Горбачев выкинул финт. С улыбкой на лице он произнес: *“Но все это, конечно же, зависит от того, откажется ли вы от СОИ...”* Я был сильно обманут в своих надеждах и очень разозлен». Горбачев потребовал отказаться от разработки космических вооружений на 15 лет. «Этим он просто убивал

СОИ», — говорил Рейган, и в его словах чувствовалась обида ребенка, у которого отнимают любимую игрушку. *«Всего один шаг отделял от триумфального конца, но камнем преткновения стала СОИ»*, — считает Горбачев.

Рейган считал, что от СОИ нельзя отказываться, потому что «именно СОИ заставила СССР и в Женеве, и в Исландии вернуться к переговорам по ограничению вооружений». Он ошибался. Для Горбачева СОИ была делом принципа, он связал свое имя с этим пунктом и не мог уступать по политическим причинам. Но при этом советские военные специалисты смогли его «убедить в том, что у нас есть «ответ на СОИ» в неожиданном для них варианте». Можно спорить, хорош ли был придуманный в СССР ответ, но ведь американцы также были бесконечно далеки от успеха по СОИ. Горбачев в принципе не боялся СОИ и так далеко зашел в планах разоружения по другим направлениям, что даже подумывал: «Может, перестать бояться СОИ?.. Конечно, не может быть безразличия в отношении к этой опасной программе. Но все-таки надо избавиться от комплекса. Ведь ставка делается как раз на то, что СССР боится СОИ — в моральном, экономическом, политическом, военном плане. Поэтому на нее и нажимают, чтобы нас измотать. И мы решили сказать: да, мы против СОИ, потому что она делает мир еще более неустойчивым. Но для нас это проблема не боязни, а ответственности, ибо последствия будут непредсказуемыми». Поэтому Горбачев был готов принять решения по сокращению вооружений только в едином пакете с отказом от СОИ. Рейган не уступал, Горбачев не соглашался «развязать пакет». Тема переговоров была исчерпана.

12 октября Горбачев сказал Рейгану на прощание: «Господин президент, Вы упустили уникальный шаг войти в историю в качестве великого президента, который открыл дорогу ядерному разоружению». Рейган угрюмо ответил: «Это относится к нам обоим».

Но Горбачев почувствовал, что Рейган стремится все же достичь договоренности. Просто он еще не был готов к радикализму Горбачева и не мог поступиться своей любимой идеей СОИ. На итоговой пресс-конференции Горбачев отказался от резких выпадов против Рейгана. Помощник Горбачева А. Черняев вспоминал: «После Рейкьявика он среди своих о Рейгане как о человеке говорил уже не так,

как до Рейкьявика. Теперь уже не могло быть такого, как незадолго перед поездкой в Исландию, когда в ответ на реплику одного видного западного государственного деятеля — мол, что Рейган дурак и клоун — М.С. заметил: беда, что такой человек — во главе сверхдержавы. Больше я уже не слышал заявлений вроде того, что в лице администрации США «мы имеем дело с политическими подонками, от которых всего можно ожидать». На пресс-конференции Горбачев стремился представить Рейкьявик победой: «При всем драматизме Рейкьявик — это не поражение, это прорыв, мы впервые заглянули за горизонт». Сначала американцы были настроены более пессимистично, но и они не хотели выглядеть проигравшими. Вскоре комментарии Рейгана и Шульца стали более оптимистичными.

Радикальные предложения и неуступчивость в главном раздражали лидеров Запада, но делали Горбачева героем западной общественности. В смысле популярности Горбачев стал лидером человечества: если бы выборы президента земного шара состоялись в этом году, на них победил бы Горбачев. Но дальше так продолжаться не могло. И в СССР, и за его пределами от Горбачева требовали конкретных сдвигов, которые должны были следовать за громкими словами. Ставкой стало прекращение «холодной войны».

Возвращение Сахарова

Серьезным препятствием на пути сближения с США было преследование диссидентов, которые воспринимались Западом как союзники, а отчасти и представители западного общества в СССР.

Выезжая в страны Запада, где Горбачев надеялся удивить граждан и лидеров своей открытостью, новым «человеческим лицом» социализма, Генсек неизменно получал вопросы о Сахарове и других диссидентах. Ответы несут следы раздражения: «Теперь насчет политзаключенных. У нас их нет. Как нет и преследования граждан за их убеждения. За убеждения у нас не судят.

Но всякое государство должно защищать себя от тех, кто покушается на него, призывает к его подрыву или уничтожению, кто, наконец, шпионит в пользу иностранных разведок. Эти действия по нашим законам квалифицируются как государственные преступления

ния. В последнее время, как меня информировали, в СССР за все виды такого рода преступлений отбывают наказание немногим более 200 человек.

О Сахарове. Мне уже приходилось отвечать на подобный вопрос. Поэтому буду краток. Как известно, с его стороны были допущены противоправные действия. Об этом не раз сообщалось в печати. В отношении него были приняты меры в соответствии с нашим законодательством.

Фактическое положение дел в настоящее время таково. Сахаров живет в Горьком в нормальных условиях, ведет научную работу, остается действительным членом Академии наук СССР. Состояние его здоровья, насколько мне известно, нормальное.

Жена его недавно выехала за границу для лечения. Что же касается самого Сахарова, то он по-прежнему остается носителем секретов особой государственной важности и по этой причине за границу выехать не может». Понятно, что такие ответы могли удовлетворить только членов компартий или людей, мало что слышавших о Сахарове.

Нельзя забывать, что и после прихода к власти Горбачева в СССР сохранялся авторитарный режим, преследовалось инакомыслие. Еще 18 ноября 1986 г. начался процесс над диссидентом П. Проценко, работником киевской областной библиотеки. Он обвинялся в распространении религиозной литературы. Последнее в истории СССР дело по распространению «тамиздата» и «самиздата» завершилось приговором — 3 года лагерей общего режима. Но уже в 1987 г. П. Проценко был выпущен на свободу. Переломным оказался декабрь 1986 г.

22 октября Сахаров написал Горбачеву письмо, в котором просил вернуть его из ссылки. Там, в частности, говорилось: «Я повторяю свое обязательство не выступать по общественным вопросам, кроме исключительных случаев, когда я, по выражению А. Толстого, не могу молчать».

1 декабря по предложению М. Горбачева Политбюро ЦК КПСС приняло решение о возвращении академика А.Д. Сахарова из горьковской ссылки в Москву. Горбачев сказал: «Пусть Марчук (президент Академии наук) поедет к нему в Горький, пусть скажет ему:

хватит валять дурака, вся страна в работе, нужны все патриотические силы. Надо, чтобы все включились в работу, приезжайте, мол, в Москву. Обе квартиры и дача за вами. Если еще что-то нужно, сделаем. И пусть Марчук скажет ему, что, мол, советовался в ЦК... Сахаров пока ничего плохого не сказал. Другое дело, что в вопросах разрушения у него путаница. Даже американцы стали его за это критиковать...»

Освобождение ускорила трагедия — 8 декабря при выходе из голодовки умер диссидент А. Марченко. 16 декабря М.С. Горбачев связался по только что установленному в квартире академика телефону с А.Д. Сахаровым и сообщил ему, что он может вернуться из горьковской ссылки в Москву. На Курском вокзале соратники и единомышленники устроили Сахарову торжественную встречу.

А. Сахаров вспоминал: «23-го утром мы вышли на перрон Курского вокзала, запруженного толпой корреспондентов всех стран мира... Около 40 минут я медленно продвигался к машине в этой толпе... ослепляемый сотнями фотовспышек, отвечая на непрерывные беглые вопросы в подставляемые к моему рту микрофоны. Это неформальное интервью было прообразом многих последующих, а вся обстановка — как бы “моделью” или предвестником ожидающей нас беспокойной жизни». Впрочем, до второй половины 1988 г. Сахаров хранил свое обещание об отказе от активной общественной деятельности. Он работал в Физическом институте им. П. Лебедева, на публичных мероприятиях выступал лояльно.

Освобождение Сахарова стало первой ласточкой массового освобождения политзаключенных. В январе 1987 г. было досрочно освобождено 7 человек, в феврале — уже 60, в марте — 66. В 1987 г. от них еще требовали подписку об отказе от оппозиционной деятельности. Но и те, кто не соглашался на это, оказались на свободе. В 1988 г. за решеткой оставили только тех, кто был виновен в применении насилия, например — угонщиков самолетов.

Освобождение диссидентов стало началом конца этого движения. Многие, устав от борьбы, отошли от активной деятельности, став уважаемыми ветеранами борьбы с тоталитаризмом. Иные эмигрировали, чтобы насладиться радушием западных союзников. И лишь

ПАРАДОКСЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

единицы продолжили политическую деятельность, став частью неформального и затем общедемократического движения.

Отказ от уголовного преследования за инакомыслие стал постепенно менять ситуацию в общественной жизни СССР. По-прежнему человека за высказывание «неверных» взглядов могли выгнать с работы или из института (это характерно и для многих «демократических» стран Запада), но все же новое поколение оппозиционеров — неформалы — уже могло шаг за шагом разворачивать полулегальную, а затем и легальную политическую структуру гражданского общества.

Часть II АПОГЕЙ РЕФОРМ

Глава 4 МОДЕЛЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

Съезд реформ

К концу 1985 г. руководители КПСС осознали, что на следующем — XVII съезде КПСС предстоит существенно дополнить концепцию авторитарной модернизации. Наряду с ускорением предстояло выдвинуть вперед модель перестройки, то есть реформ, преобразований социальной системы.

Съезд открылся 25 февраля. Это был один из немногих случаев, когда съезда партии ждала вся страна. Очень многое в докладе Генсека XXVII съезду было традиционно. Проклятия в адрес империализма, который обвинен в «монополистическом тоталитаризме» (используем против оппонента его же лексику). Уверенность в победе коммунизма и даже хрущевское «догнать и перегнать», выраженное в описании грандиозных экономических рубежей, достижимых, по мнению составителей речи, к 2000 году. Горбачев верит, что ему удастся восстановить сталинско-хрущевские темпы экономического роста: «Если до войны и в первые послевоенные годы уровень экономики США казался трудно достигаемым, то уже в 70-е годы по научно-техническому и экономическому потенциа-

лу мы существенно приблизились к нему, а по производству некоторых важнейших видов продукции — превзошли». Отступление от традиции на XXVII съезде было точно дозировано. Но каждый намек, каждый новый лозунг чутко улавливались обществом. Потом именно эти фразы о «перестройке», «реформе» будут развиваться в тысячах речей, толковаться на множество ладов и воплощаться в жизнь. Идея «ускорения» по-прежнему являлась одной из ключевых в докладе Горбачева, но она трактовалась в реформистском ракурсе. «Что мы понимаем под ускорением?» — задавался вопросом Горбачев и тут же отвечал: «Прежде всего повышение темпов экономического роста. Но не только. Суть его — в новом качестве роста: всемерной интенсификации производства на основе научно-технического прогресса, структурной перестройки экономики, эффективных форм управления, организации стимулирования труда». Повышение темпов — результат перестройки. Формула следующего этапа реформ.

Для технической модернизации хозяйства нужны были огромные средства. «Предусмотрено направить на реконструкцию и техническое перевооружение производства свыше 200 миллиардов рублей капитальных вложений — больше, чем за предшествующие десять лет». Где взять эти средства? Те статьи экономии, на которые рассчитывал Горбачев (оборона, сокращение управленческого аппарата и др.), еще не были получены. Горбачев не располагал и ресурсом, который в свое время позволил Сталину осуществить модернизацию, — массой дешевых рабочих рук разоренного крестьянства.

Экстенсивный путь развития был невозможен. Опыт развитых стран Запада показывал, что новый этап экономического развития связан с интенсификацией, применением новых технологий, преобладающей ролью качества продукции над ее количеством. Это теории КПСС поняли. Но они не заметили, что на Западе стали вызревать принципиально новые постиндустриальные отношения, новая социально-технологическая инфраструктура, основанная на массовой компьютеризации, сетевых коммуникациях, гибких отношениях на производстве. Не металл, а информация теперь определяли экономическое могущество. Для производства информации нужна благоприятная социальная среда. По мере «торможения ускорения» Горбачев все острее чувствует эту связь между технологическим

прорывом и преобразованием общества. Но направление преобразования осознается пока смутно.

Горбачев обращается к психологии людей, обещая им, что совместными усилиями жизнь станет лучше, что «человеческий фактор», то есть активизация усилий каждого человека, улучшит жизнь каждого. Но как поднять отученный от инициативы народ на «трудовые свершения»? Ведь известно, что в СССР «инициатива наказуема». «Советские люди должны в короткие сроки почувствовать результаты...». Важнейшей задачей признается активизация интеллигенции, которую предполагается заинтересовать с помощью ограниченной свободы слова (гласность).

Но главное — не духовная, а материальная заинтересованность: «Все усилия по совершенствованию распределительных отношений окажутся малоэффективными... — провозглашает Горбачев, — если мы не сумеем насытить рынок разнообразными товарами и услугами». Ставится цель перейти от распределительной экономики к обществу потребления.

Горбачев ставил перед реформой следующие задачи:

1) усилить эффективность централизованного руководства экономикой, производством и сбытом продукции;

2) изменить роль центра в пользу стратегического планирования и ослабить вмешательство центральных органов в повседневный экономический процесс;

3) установить прямую зависимость материального вознаграждения от эффективности работы;

4) перейти к экономическим (то есть не административным, а финансовым. — *А.Ш.*) методам руководства на всех уровнях хозяйства, для чего перестроить материально-техническое снабжение, усовершенствовать систему ценообразования, финансирования и кредитования, выработать действенные противозатратные стимулы;

5) создать комплексы взаимосвязанных отраслей, научно-технических межотраслевых центров, разнообразных форм хозяйственных объединений, территориально-производственных образований;

6) обеспечить оптимальное сочетание отраслевого и территориального управления хозяйства, комплексное экономическое и соци-

альное развитие республик и регионов, налаживание рациональных межотраслевых связей;

7) осуществить всестороннюю демократизацию управления, повысить в нем роль трудовых коллективов, усилить контроль снизу, подотчетность и гласность в работе хозяйственных органов.

Это — контуры нового социализма. Результат конвергенции различных коммунистических и социалистических моделей. Огромный потенциал СССР, как казалось, разворачивается в сторону сбалансированной модели социально-экономического устройства, в котором работники свободно принимают хозяйственные решения в соответствии со своими производственными потребностями, коллективы взаимодействуют на регулируемом рынке, центральные органы определяют стратегические приоритеты и балансы экономики и общественных потребностей, а затем мягко направляют хозяйственный поток в выгодном всему обществу направлении с помощью экономических рычагов. Общество имеет возможность свободно обсуждать приоритеты центра, что позволяет снижать издержки бюрократической замкнутости центральных органов, а со временем демократизировать их. Управление компактно и опирается на саморегулируемые территориальные и отраслевые комплексы. Есть возможность хорошо заработать и получить на полученные от собственного труда деньги полноценные качественные продукты и услуги.

В этой социальной модели чувствуются противоречия, истоки будущих разочарований. Реформаторы не учитывали противоречия интересов бюрократического центра, регионов и предприятий; отсутствия культурных предпосылок для цивилизованного рынка, применения правовых и экономических рычагов, адекватного планирования. Они исходили из абстрактного понимания демократии и самоуправления (пока формами политического самоуправления считаются партия и советы). Решение этих проблем переносится в будущее, когда движение по пути реформ поставит их более четко и ясно. Но не будет ли тогда поздно?

В докладе Горбачева на съезде КПСС сформулированы основные направления того курса, который действительно будет проводиться в стране. Несмотря на корректировки, неизбежные при проведении любого курса, уже в 1986 г. были заложены все мины за-

медленного действия и освободительных прорывов будущих нескольких лет. За этот доклад голосовали люди, которые позднее будут обвинять Горбачева в предательстве или непоследовательности. Эти обвинения несправедливы. Они поддержали именно ту перестройку, которую потом получили. Единогласно.

Модель грядущего социального устройства — всегда утопия и всегда — элемент реального будущего. Из наших иллюзий и стремлений складываются будни следующего поколения. Конечно, лучше, когда социальный план реалистичен, непротиворечив и гуманен. Это снижает издержки страны и человечества при его достижении. Но случаи, когда план выполняется полностью, — исключительны.

Колебания. Чем плох китайский путь?

XXVII съезд анонсировал реформы, вызвав у значительной части населения, вероятно у большинства, оптимизм и ожидания. Но после съезда наступила длительная пауза. Реформы продвигались еле заметным темпом.

Вскоре появятся подозрения: а желают ли руководители КПСС проводить реформы на практике, или дело в саботаже преобразований реакционерами в этом руководстве. Может быть, Горбачев просто не знает, куда ему двигаться. В любом случае, это означает, что реформаторам надо помочь — надавить на реакционеров, подсказать следующий шаг. Давление снизу будет расти — реформы перерастать в революцию.

Но это произойдет позднее, уже в 1987—1988 гг. А в 1986 г. население недоумевало. Горбачев ездит по стране, много говорит, возмущается положением трудящихся, призывает менять жизнь... Но пока почти ничего не меняет.

Потом времени на реформы уже не хватало. Чем была вызвана эта пауза, которая затем загнала Горбачева в состояние цейтнота? Горбачев утверждает, что пауза была вызвана именно саботажем реформ со стороны бюрократии: «Вроде бы никто не против, все “за”, но ничего не меняется».

Однако какие меры саботировала бюрократия? Призывы лучше работать и внедрять передовую технику? Основные меры, которые

можно было бы «саботировать», еще не были приняты. Так что в картине «саботажа реформ» в 1986 г. есть значительная доля лукавства. В 1986 г. направление и темпы реформ все еще зависели от Горбачева, а он продолжал колебаться, теряя время. 1986 год — это год колебаний. И мифический «саботаж реформ» здесь ни при чем. Причиной паузы является тупик авторитарной модернизации. Весь 1986 г. Горбачев разрывается между курсами авторитарной модернизации и демократического рыночного социализма. Демократический социализм, в общих чертах нарисованный на съезде, представлял собой не что иное, как выход из кризиса авторитарной модернизации.

Задним числом, уже после распада СССР, многие политические мудрецы недоумевали, почему Горбачев не избрал китайскую модель реформ. Для державников и коммунистов «китайский путь» является альфой и омегой утерянных возможностей СССР. Но и либеральные авторы подчас также недоумевают: Казалось бы, китайский пример должен был привлечь внимание советского руководства. Если экономические реформы не задались в СССР в 1985—1986 гг., почему в 1987 г. нельзя было пристально посмотреть на успешные преобразования в стране со схожей организацией собственности и социальных отношений?

Парадокс заключается в том, что советское руководство пыталось идти по китайскому пути, но сам СССР физически не мог этого делать.

Разница между китайским и советским обществом носит качественный характер, причем не только в социально-культурных стереотипах двух народов, но, что в данном случае важнее, — в стадии развития двух обществ. Они как раз и не имели «схожих» социальных отношений в главном факторе модернизации — соотношении индустриального и аграрного секторов.

Дело в том, что Китай во второй половине XX в. решал задачи индустриальной модернизации, перехода от аграрного к индустриальному обществу. СССР в основном решил эту задачу уже в 50-е гг., а во время перестройки должен был преодолевать кризис самого индустриального общества. Большинство жителей СССР жили в городах уже в начале 60-х гг. Китай только в начале XXI в. завершает решение задачи индустриальной модернизации. Но и сейчас аграрное

население еще численно преобладает в этой стране, составляя 800 млн человек. Излишняя рабочая сила в деревне оценивается в 100—200 млн человек. Это огромный резервуар дешевой рабочей силы, которая мигрирует между городом и деревней. Этим ресурсом экстенсивного роста могли пользоваться Мао Цзэдун и Сталин, Дэн Сяопин и Хрущев, но не Горбачев. Этот ресурс не помогает перейти от фордистской индустрии к гибкой постфордистской организации труда — для этого нужен слой высокообразованных творческих работников, чувствующих свою политико-правовую защищенность и заинтересованность в результатах труда. «Китайский путь» пока не показал больших успехов в преодолении «постфордистского» научно-технического и культурно-политического барьера, в который уперся СССР в 80-е гг. Более того, китайская модель привела к частичной демодернизации Китая, к превращению его экономической культуры «в структуру легкопромышленного типа, что подходит для первичной модернизации страны Третьего мира (особенно в условиях глобализации), но совершенно не для научно-технического рывка, который был необходим СССР в 80-е гг.

Таким образом, китайская модель реформ была бы уместна в СССР во времена нэпа и Хрущева, когда завершалось создание индустриального общества и социального государства. Горбачеву достались задачи совершенно иного этапа общественного развития, когда индустриальное общество уже прошло апогей своего развития. Не мог рассчитывать Горбачев и на такие качества китайской культуры, как почтение к старшим (в том числе начальству) и трудолюбие. Отечественная культура больше склонна к творчеству, чем к аккуратному воспроизводящему труду.

Главная причина быстрого роста китайской экономики (несмотря на ряд срывов) — эффект индустриальной модернизации, когда в промышленное производство втягиваются новые массы трудящихся из села, когда растущие города обеспечивают постоянный рост рынков сбыта, когда рабочая сила и изголодавшиеся потребители малотребовательны к качеству товаров и условиям труда. Индустриальное производство стандартизирует труд, работник должен быть послушным и трудолюбивым, творчество ему противопоказано. Это как нельзя лучше соответствует национально-культурным стереоти-

пам Китая. На соответствующем этапе исторического развития, в 30—60-х гг., в СССР тоже наблюдался быстрый индустриальный рост.

Если считать формулой китайской модели управляемый государством рынок плюс авторитарный режим коммунистической партии или, иными словами, переход к рынку без приватизации и демократизации, то СССР шел этим путем до 1987 г. Более того, «китайский путь» был лишь вариантом советского, но более раннего. Китайские товарищи развивали советский опыт нэпа и затем экономических экспериментов 50—80-х гг., которые в Китае проводились более решительно.

Только в некоторых случаях (ропуск колхозов, допуск иностранного капитала) реформаторы СССР не решились воспользоваться опытом китайских коллег. Но это объясняется не идеологическими ошибками Горбачева, а различием социальной почвы двух стран и трудностями, с которыми шли реформы в КНР. Именно в 1987—1992 гг. китайские реформы не были успешными, переживали тяжелый кризис. Происходил бурный рост цен, нарастали диспропорции, социальные волнения. В 1988 г. в Китае началось частичное свертывание рыночных отношений, в 1989 г. разразился тяжелый социально-политический кризис. Преодолевая его, китайские реформаторы использовали часть методов, опробованных именно в период перестройки в СССР (например, государственный контроль качества, своего рода «госприемка»). Вообще, преувеличивать успехи китайских реформ не стоит — уровень жизни в КНР лишь по оптимистичным оценкам только сейчас (а не в 1987 г.) приблизился к уровню жизни СССР 80-х гг. Сохраняются серьезные экономические и территориальные диспропорции. Не приближается ли Китай к своей перестройке? Если так, то нужно подождать, насколько китайские коллеги Горбачева смогут учесть его опыт.

Если очистить миф о «китайском пути» для СССР от преувеличений успехов КНР, вынести за скобки ресурсы китайского успеха, которых в СССР не было, и те меры, которые проводились в обеих странах и которые в России дали негативные результаты, остается ядро этой идеи — авторитарная модернизация с ограниченным использованием рыночных отношений.

Реформы в СССР начались именно с авторитарной модернизации, то есть с «китайского пути», насколько он вообще был возможен в нашей стране. Андропов и Горбачев «выжали» из авторитарной модернизации все, что можно. Формула «управляемый государством рынок плюс авторитарный режим коммунистической партии» сохранялся в СССР до 1988 г. В 1985—1986 гг. не задались реформы как раз китайского типа, и китайский опыт не мог помочь Горбачеву выйти из тупика, в котором оказалась в 1986 г. андроповская реформа.

Весь 1986 г. Горбачев пытался совмещать полюбившийся ему метод авторитарной модернизации с новым ресурсом демократии, который должен был мобилизовать творческую активность интеллигенции и хозяйственную заинтересованность работников. Символом провала технологического «ускорения» стала Чернобыльская катастрофа. Символом наступающей перестройки стали гораздо более скромные меры, то и дело перемежавшиеся авторитарным нажимом.

Хроника реформ 1986 года

1 февраля — постановление о мерах по развитию потребительской кооперации. Кооперативы можно создавать для улучшения снабжения населения, то есть фактически — в ограниченных масштабах разрешена негосударственная торговля.

21 марта — образован Госкомитет по информатике и вычислительной технике. Но ему не удалось преодолеть отставание в этой области.

27 марта — постановление Совета Министров СССР «О переводе объединений, предприятий и организаций отдельных министерств и ведомств на материально-техническое снабжение в порядке оптовой торговли». Это была первая реформа, а не экспериментальная мера, направленная на создание рыночной инфраструктуры. Вместо директивного распределения по фондам материально-техническое снабжение частично заменяется оптовой продажей. Правда, цены все равно определялись директивно, и пока оптовый рынок существовал на бумаге.

12 мая — постановление Совета Министров «Об утверждении Положения о Государственной приемке продукции в объединениях и предприятиях». Госприемка была одной из последних мер авторитарной модернизации. Вводился контроль за качеством продукции со стороны государственных контролеров качества, независимых от администрации предприятий. Без их одобрения произведенная продукция не могла покинуть пределы предприятия.

Но работники госприемки обычно не обладали достаточными знаниями предприятия, и местные работники находили возможности обойти этот контроль. В других случаях с «госприемщиками» удавалось договориться. Широко разрекламированная кампания по внедрению госприемки тихо сошла на нет в 1989 г.

15 мая — постановление Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами». Понятие «нетрудовые доходы» трактовалось расширительно. Фактически под новую кампанию попали люди, которые поняли рыночные выступления партийного руководства как объявление нового нэпа и попытались продавать свои услуги. Частное предпринимательство, которое чуть стало показываться из подполья под видом кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности (термин войдет в официальный обиход уже в конце года), теперь, как и во времена Андропова, подверглось разгрому и ушло, под крыло криминальных групп.

16 июня — Пленум ЦК, посвященный задачам XII пятилетки. Горбачев выступает за «новые методы» хозяйствования. Маятник колебаний снова склоняется от авторитарной модернизации к реформам. После пленума на совещании с секретарями и заводцами ЦК Горбачев высказал идею «малой революции» в партии. Она начнется в январе 1987 г.

14 августа — постановлением Совета Министров СССР при местных Советах разрешено организовывать кооперативы по сбору и переработке вторичного сырья.

19 ноября — принят Закон СССР об индивидуальной трудовой деятельности, легализовавший кустарей-частников и разрешивший создание кооперативов в сфере мелкого производства, торговли и услуг населению.

Очевидно, что колебания между авторитарной модернизацией и демократическим рыночным социализмом вели не только к потере времени, но и к взаимному разрушению, компрометации большинства мер власти. Только наиболее авантюрные предприниматели могли решиться создавать свое дело даже под флагом кооперации, когда бушевала кампания борьбы с «нетрудовыми доходами». Так формировался будущий российский капитал — полутеневой, ориентированный на быструю прибыль, запасающийся партийной или правоохранительной «крышей».

Вывод реформ из тупика авторитарной модернизации планировался на двух направлениях — политическая демократизация и хозяйственная реформа. Каждому из них планировалось посвятить по Пленуму ЦК (в реальности на обоих пленумах обсуждалась и хозяйственная реформа, и демократизация, но с акцентом на одну из проблем). Первым был проведен пленум по кадрам. Это породило версию о том, что «выбор был сделан в пользу приоритетного решения политических проблем». Из этого также вытекают обвинения Горбачева в недооценке экономических проблем. Но этот вывод не следует из последовательности пленумов. Экономические реформы начались задолго до 1987 г., хотя и шли медленно. Но политические реформы отставали даже от этого черепашого темпа — до 1987 г. никакой демократизации не происходило. В 1987 г. Горбачев просто несколько ускорил политическую реформу, но экономическая все равно шла впереди. В 1987 г. только начались осторожные политические эксперименты, в то время как было принято решение о полномасштабной экономической реформе, стартовавшей с января 1988 г. — за год до первых альтернативных выборов в масштабах СССР.

Итоги авторитарной модернизации противоречивы. Она не поправила положение в хозяйстве страны. Массированные инвестиции в машиностроение, которые не могли принести быстрой отдачи, антиалкогольная кампания, агропром — все это ухудшило финансовое положение СССР в большей степени, чем падение цен на нефть. К началу экономических реформ 1987 г. дефицит бюджета состав-

лял около 60 миллиардов рублей (еще 21 миллиард покрывали кредиты). Но нет худа без добра. Многие созданные тогда станки работают до сих пор. К тому же авторитарная модернизация, раскачав лодку государственной экономики, обусловила необратимость преобразований. Вернуться назад теперь было очень сложно.

Глава 5 ЧЕРНОБЫЛЬ И КРИЗИС ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Авария века

Ход истории необратим. Ах, если бы знать, где упадем — сколько бы соломы настелили. Но не хватает соломы. Уже двадцать лет говорят об уроках Чернобыля. Но атомный комплекс расширяется, Россия готова ввозить отработанное ядерное топливо из-за рубежа. Будто не было массивного удара по здоровью людей в целых регионах. Будто не заплатило наше общество за «самую дешевую» электроэнергию 14 миллиардов рублей (еще тех, соотносимых с долларом) на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии. Но журчит агитационный поток: «Чернобыль был исключительной случайностью. Он не может повториться».

Случайность — это событие, возникающее на стыке разных наук. С точки зрения одной из них — событие непредсказуемое. Так и с Чернобылем. Для физиков-атомщиков — непредсказуемая случайность. В закономерный физический процесс вмешались живые люди. Дети эпохи со своей психологией. С точки зрения историков — не могли не вмешаться. Не могло не состояться воздаяние за атомную гордыню, веру в покорение сил природы. Не случайно о звезде «попынь» («чернобыль» по-украински) еще у св. Иоанна сказано.

Что конкретно произошло 25—26 апреля 1986 г. на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС? И почему именно в это время?

Перед большими праздниками (майскими на этот раз) станцию собирались ставить на плановый ремонт. В такие дни энергопотреб-

ление ниже (выходные) — к ним и приурочили. А еще в праздники у нас было положено рапортовать об успехах. А какие успехи в это время особенно ценились? Вспомним, что за эпоха. Ускорение и Престройка. Поезд идет быстрее, но при этом и рельсы ремонтируют. Со всех трибун говорят о необходимости научно-технического прорыва. Поскольку средств на технологическую модернизацию немного — большая надежда на смелые научные эксперименты. За них и награды, и почет с карьерой.

Программа смелого эксперимента на Чернобыле была санкционирована главным инженером АЭС. Ни директор В. Брюханов, ни контролирующие инстанции о нем ничего толком не знали. А если бы знали, то запретили бы? Но подобные опыты здесь проводились и ранее, и ничего «криминального» в программе эксперимента не было. При остановке станции предполагалось испытать один из турбогенераторов «на выбег», то есть на способность за счет собственной инерции поддерживать напряжение в цепи в случае аварийного отключения станции и разрыва трубопровода, то есть прекращения водяного охлаждения. Как видим, эксперимент проводился «в интересах безопасности». Какие только трагедии не начинались с заботы о безопасности. Остановкой станции воспользовалась и другая группа исследователей, проводившая эксперимент с вибрацией турбины. Так что на станции плюнуть было некуда — попадешь в экспериментатора. И не только на Чернобыльской. Вся страна экспериментировала. Просто «случайность» на АЭС стоила дороже других «случайностей».

Эксперимент планировался днем. Но тут вмешалось «Киевэнерго», которое приказало задержать вывод АЭС из эксплуатации. Здесь сыграли роль другие интересы — станция должна была давать ток как можно дольше. Только в 23.10 было дано разрешение на остановку реактора. Времени оставалось мало. Но психологический настрой на эксперимент сохранялся, что вполне естественно. Уже была заблокирована система аварийного отключения реактора (ведь моделировалась именно аварийная ситуация). Началось ускоренное снижение мощности реактора. В результате образовалась так называемая «йодная яма» (резкое увеличение концентрации йода, а затем ксенона-135, который поглощает нейтроны и таким образом гасит ядерную реакцию), и реактор почти заглох. Чтобы поднять мощность

реактора до уровня, необходимого для проведения эксперимента (с 30 до 200 МВт), из активной зоны реактора вывели почти все регулирующие стержни (они также поглощают нейтроны). Мощность поддержать удалось, но управляемость реактором была потеряна. Не были продуманы изменения в системе водяного охлаждения. В 1 час 23 минуты 4 секунды оператор закрыл заглушку турбогенератора — эксперимент начался. Он дал неожиданный результат уже через 40 секунд: оказалось, что при таких колебаниях мощности и парового давления в реакторе РБМК (стоявшем на АЭС) возникает эффект положительной реактивности — мощность реактора начинает неуправляемо расти. Рост мощности приводил к росту объема пара, а тот в свою очередь — к росту мощности. Выделялся взрывоопасный водород. Станция пошла «вразнос». Экспериментаторы попытались срочно опустить стержни в реактор и таким образом заглушить его. В создавшейся ситуации движение стержней привело к росту давления в системе и дополнительному выделению пара. К тому же, возможно, стержни заклинило. Рост давления пара и водорода шел неуправляемо. Произошел газовый взрыв — радиоактивный пар с кусками реактора и частью радиоактивного топлива вырвался наружу. По мнению некоторых специалистов, имела место также цепная реакция, то есть «ядерный взрыв реактора со слабообогаченным топливом». Очевидцы увидели «сначала черное облако, потом голубое свечение, потом белое облако, которое поднялось и закрыло луну».

* * *

Таким образом, авария, с точки зрения физика, стала результатом труднопредсказуемого сочетания конструктивных особенностей реактора РБМК, ошибок персонала и действий «Киевэнерго». А с точки зрения историка, авария стала результатом стремления к экономическому росту (экономия на времени ремонта, поиск «дешевых технических возможностей»), характерного для индустриального общества непонимания управляющими и управляемыми мотивов друг друга (персонал АЭС, руководство АЭС, диспетчер «Киевэнерго»), карьеризма («провести смелый эксперимент», отли-

читься), слепой веры в рациональный разум. Увы, это сочетание трудно признать случайным и неповторимым.

Сегодня опасность повторения такого сочетания факторов ничуть не стала менее вероятной. Добавились и новые факторы угрозы. Терроризм, например. Описанная выше последовательность «случайных» событий может быть воспроизведена с теми или иными вариациями группой боевиков, в составе которой будет один грамотный инженер-ядерщик. Конструктивные особенности любого реактора позволяют вывести станцию в режим неуправляемого роста мощности. Те же предпосылки для атомного взрыва сохраняются и при «случайных» природных катаклизмах, которые чисто статистически рано или поздно должны произойти со значительной частью регионов, в которых построены АЭС, — сдвиг почвы может разрушить защитные системы, разгерметизировать реактор, изменить направление циркуляции воды...

Вероятность атомных аварий будет сохраняться, пока будут сохраняться сами станции. История и геология всегда будут преподносить атомщикам сюрпризы, на которые реакторы не рассчитаны. Собственно, мелкие аварии продолжают — как последние предупреждения. Авария — вечный спутник техногенной цивилизации. Но последствия атомных аварий по своим масштабам беспрецедентны. В этом смысле «мирный атом» всегда несет угрозу.

Ликвидация последствий

28 апреля в 11 часов дня члены Политбюро ЦК КПСС собрались для обсуждения ситуации с чернобыльской аварией. Партийное руководство понимало, что если немедленно сообщить о смертельной опасности, угрожающей миллионам людей, это вызовет разрушительную панику. Да и не было еще уверенности в такой опасности. «Специалисты» успокаивали.

29 апреля была образована Оперативная группа Политбюро ЦК КПСС по вопросам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В этот же день в советской прессе опубликовано первое официальное сообщение о произошедшей тремя днями ранее катастрофе. Тон документа в 19 строк будничным и спокойным:

«...авария произошла в одном из помещений 4-го энергоблока... привела к некоторой утечке радиоактивных веществ... три остальные энергоблока остановлены, исправны и находятся в эксплуатационном резерве... два человека погибли.... приняты первоочередные меры... радиационная обстановка на электростанции и прилегающей местности стабилизирована, пострадавшим оказывается необходимая медицинская помощь...»

Чтобы не вызвать паники, 1 мая, несмотря на повышенный вследствие Чернобыльской катастрофы радиационный фон, в Киеве была проведена традиционная Первомайская демонстрация, хотя и в укороченном варианте. Первый секретарь ЦК КПСС Украины В.В. Щербичкий, прекрасно знавший об опасности, прибыл на демонстрацию с семьей, включая внуков.

4 мая к работе приступил корпус ликвидаторов аварии в составе 2 тыс. военнослужащих и 650 единиц техники. В июле на развалинах трудились уже 4,8 тыс. человек. Техника то и дело отказывала, и радиоактивные обломки часто разбирали вручную.

12 дней после аварии из реактора вырывалась мощная струя радиоактивных газов и пыли. Затем разрушенный блок удалось засыпать теплопоглощающими и фильтрующими материалами. Блок изолировался также снизу. Проводилась дезактивация.

Уже 4 мая у впадения реки Припять в Киевское водохранилище было обнаружено повышение радиации в 2—3 раза по сравнению с естественным фоном. Был введен запрет на использование питьевой воды, начато окружение реки валами.

К этому времени было госпитализировано 1882 человека. Общее число обследованных достигло 38 тыс. человек. Было выявлено 204 человека, пораженных лучевой болезнью различной степени сложности, в том числе 64 ребенка. В тяжелом состоянии находилось 18 человек. В Политбюро понимали, что это — только начало. Было принято решение о выделении для пострадавших 3100 койкомест. В дальнейшем число госпитализированных стремительно росло. Уже 5 мая их было 2557 человек. 8 мая число лиц, находящихся на стационарном лечении, составило 5415 человек, из которых 1928 детей. Диагноз лучевого поражения зафиксирован у 351 человека. 11 мая на лечении находилось 8137 человек. Йодной профилактикой было

охвачено 5 млн 365 тыс. человек, в том числе 1 млн 694 тыс. детей.

Суммарная доля радиационного облучения, полученная населением к 8 мая, когда уровень радиации стал снижаться, составила в Киеве — 0,1, Брагине — 3,9 и Полесском — 1,8 рентгена. В зоне аварии зашкаливали все принятые ранее нормативы, и 8 мая Минздрав решил увеличить «допустимые» нормы с 0,5 бэр в год до 5 бэр в год: «Данный норматив при особых условиях (аварийные ситуации) может устанавливаться в 25 бэр». В условиях, когда люди работали на крыше реактора практически без защиты, даже эти чудовищные нормы не соблюдались. 12 мая Политбюро даже приняло решение «обратить внимание гг. Силаева, Герасимова, Ляшко, Майорца, Щепина на недопустимость неоправданного переоблучения людей». К этому времени наиболее тяжелые и опасные работы были уже проведены. Можно было проявить гуманизм, упрекнуть «стрелочников».

14 мая, когда комиссия ЦК собрала достаточные материалы, прояснявшие сложившуюся обстановку, Горбачев впервые выступил по радио и телевидению с информацией о чернобыльской аварии и мерах, принимаемых по ликвидации ее последствий. Горбачев сообщил, что в результате аварии погибли 9 человек и 229 были госпитализированы с диагнозом лучевой болезни. Горбачев не упомянул, что на стационарном лечении и обследовании находятся 9733 человека, в том числе 4200 детей.

Выступая по Центральному телевидению, Генсек признал: «Для Советского Союза непререкаемый урок Чернобыля состоит в том, что в условиях дальнейшего развертывания научно-технической революции вопросы надежности техники, ее безопасности, вопросы дисциплины, порядка и организованности приобретают первостепенное значение». Он призвал к серьезному углублению международного сотрудничества в рамках МАГАТЭ. Горбачев, однако, упрекнул западных партнеров: «Но нельзя оставить без внимания и политической оценки, и то, как встретили событие в Чернобыле правительства, политические деятели, средства массовой информации некоторых стран НАТО, особенно США. Они развернули разнужданную антисоветскую кампанию. О чем только ни говорилось и ни писалось в эти дни — о “тысячах жертв”, “братских могилах погибших”, “вымершем Киеве”, о том, что “вся земля Украины отрав-

лена», и т.д. и т.п.» Горбачеву было что ответить на это. «У всех в памяти то, что американским властям понадобилось десять дней, чтобы проинформировать собственный конгресс, и месяцы, чтобы поставить в известность мировое сообщество о том, какая трагедия произошла на АЭС “Тримайл айленд” в 1979 году».

В результате аварии радиационному воздействию подверглось более 659 тысяч человек, в том числе — свыше 284 тысяч ликвидаторов (из них 66 752 военнослужащих). Это привело к росту онкологических заболеваний и снижению иммунитета жителей севера Украины, востока Белоруссии, запада Грузии, Молдавии, Брянской, Тульской, Смоленской и Калужской областей России. Радиоактивное облако обошло мир.

* * *

По стратегии авторитарной модернизации Чернобыль нанес смертельный удар. Во-первых, он отнял у «ускорения» остатки денег. Продолжать модернизацию техники, и без того обескровившую бюджет, теперь и вовсе было не на что. Во-вторых, Чернобыль ударил в самую философскую основу «ускорения», в технократический подход к обществу. Чернобыль подорвал веру в решение социальных проблем средствами технологии, показал, насколько технологическое развитие зависит от «человеческого фактора» и насколько технологи слабо контролируют индустриальную машину.

Горбачев распекал ученых-атомщиков: «Мы 30 лет слышим от вас — ученых, специалистов, министров, что все тут надежно. И вы рассчитывали, что мы будем смотреть на вас, как на богов. От этого все и пошло. Потому что министерства и все научные центры оказались вне контроля. А кончилось провалом. И сейчас я не вижу пока с вашей стороны, чтобы вы задумывались над выводами. Больше все констатируете факты, а то и стремитесь замазать кое-какие...» В известном споре физиков и лириков Чернобыль нанес по авторитету физиков непоправимый удар.

Узкое технократическое мышление, презиращее идеологии и связанные с ними поиски стратегии социальных перемен, уповающее на чисто технические решения, было скомпрометировано и воз-

родилось лишь в середине 90-х гг., в период посткоммунистической борьбы с «любими идеологиями».

В 1986 г. ослабление технократов сказалось в усилении внимания государства к вопросам экологии.

19 июля 1986 г. Совет Министров СССР принял принципиальное решение об отмене работ по «повороту северных рек». Официально оно было утверждено 14 августа совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек». Так закончился многолетний изнурительный спор между сторонниками и противниками «проекта века».

16 января 1988 г. в СССР было создано специальное ведомство, занимающееся вопросами охраны природы, — Государственный комитет по охране природы. Советский Союз вступил в круг цивилизованных стран, признающих важность целенаправленной работы по сохранению природной среды. В России Госкомприрода превратилась даже в Министерство экологии, но затем его «понизили» до уровня госкомитета, а в 2000 г. и вовсе упразднили. Видимо, экологические проблемы в XXI веке признаны российским руководством неактуальными.

* * *

15 ноября 1986 г. взорванный реактор был закрыт железобетонным «саркофагом». По прошествии 10 лет саркофаг начал быстро ветшать. Чернобыль не перестает угрожать человечеству и поныне.

«Стрелочников» осудили 29 июля 1987 г. Директор В. Брюханов, главный инженер Н. Фомин, его заместитель А. Дятлов получили десять лет лишения свободы, еще три сотрудника — от двух до пяти лет.

ЧАЭС продолжала работать до конца столетия. Вокруг станции была установлена 30-километровая зона отчуждения. Население было отселено из нее. Опубликованная через несколько лет карта загрязнения показала, что загрязнение долгоживущими радиоактивными материалами значительно шире и затрагивает несколько областей трех республик. Уже 22 мая 1986 г. Политбюро знало: «Зона существенного загрязнения (с уровнем радиации более 5 мр/час)

простирается на запад на удаление 75 км, на север — 60 км от АЭС, ее площадь составляет около 3000 квадратных километров... Основными компонентами загрязнения являются изотопы йода-131, теллура-132, стронция-89, нептуния-239, рутения-103, стронция-90. В первые недели особую опасность представляет изотоп йода-131 (содержание 10—50 %), легко попадающий в организм человека с пищей (особенно с молоком), затем изотопы стронция-89 (период полураспада 2 месяца), стронция-90 (28 лет) и цезия-137 (30 лет).

Особую опасность при попадании в легкие представляет изотоп плутония-239.

Повышение уровней загрязнения (выше фоновых в 10—50 раз) наблюдалось практически по всей юго-западной части европейской территории СССР. Площадь с уровнем радиации более 0,2 мр/час превысила 200 тыс. квадратных километров.

Небольшое количество радиоактивных продуктов ветрами распространилось на территории Румынии, Польши, Болгарии, Югославии, Скандинавских стран. Уровень радиации на границе с Румынией и ПНР не превышал 0,15—0,2 мр/час... Территории с уровнем радиации более 5 мр/час на 10 мая 1986 г. признаны опасными для проживания населения, требующими временного выселения (площадь такой территории составляет 2900 квадратных километров). На территории с уровнем радиации менее 5 мр/час требуется введение жесткого контроля за радиоактивностью продуктов питания, особенно молока.

Территории с уровнем радиации более 20 мр/час признаны непригодными для проживания и ведения сельского хозяйства (даже вахтовым методом)».

Таким образом, государство решило экономить на здоровье граждан, отселяя их только из относительно небольшой зоны. Люди оставались жить на территории с повышенным облучением, которое теперь было признано «неопасным». Но и переселение людей из 30-километровой зоны потребовало уже 26 мая выделения 26,5 тыс. квартир, домов и мест в общежитиях. Было эвакуировано 116,9 тыс. человек, вывезено на летний период в санатории и пионерские лагеря 258 200 детей и 3426 беременных женщин.

Потерявшим имущество была выплачена компенсация в 900 млн руб. С 1 октября началась реэвакуация, то есть возвращение временно эвакуированных жителей в зараженные районы, где можно было получить дозу до 10 рентген в год.

К концу года умерло 30 человек, но диагноз «острая лучевая болезнь», который получили 237 человек, означал медленную смерть. К 1988 г. только от лучевой болезни умерло еще 28 человек. Но точная оценка количества людей, умерших в результате Чернобыльской катастрофы, вряд ли возможна. Десятки тысяч людей стали неизлечимо больными. По секретным оценкам, подготовленным для Политбюро, жертвы Чернобыля должны были рождаться и умирать еще несколько десятилетий: «В течение 70 лет ожидается возникновение дополнительно 600 лейкозов, что приведет к повышению их обычного уровня на 10 %. За этот же период возникнет дополнительно примерно 4000 других раковых заболеваний со смертельным исходом, что увеличит их обычный уровень на 3 %. Указанное повышение онкологической заболеваемости ожидается через 10—15 лет. Наряду с этим в течение 70 лет можно ожидать дополнительно рождение около 3000 детей с врожденными пороками развития, что на 2 % повысит обычный уровень этой патологии.

Прогноз для 75 млн человек, проживающих на европейской территории СССР, где наблюдалось повышение радиационного фона, показывает, что в течение 70 лет дополнительная смертность составит 40 тысяч случаев (в том числе 5 тысяч за счет лейкозов). Из них за счет внешнего облучения — 5000, за счет внутреннего облучения щитовидной железы — 2000 случаев и за счет внутреннего облучения всего тела цезием-137 — 33 000 случаев. Дополнительный выход врожденных пороков развития может составить 23 тысячи случаев, что на 0,3 % повысит обычный уровень их проявления. Дополнительный выход онкологических заболеваний с летальным исходом повысит их обычный уровень на 0,4 %, или 8 случаев на 1 млн человек в год». По понятным причинам в дальнейшем атомщики и их союзники оспаривали эти данные в сторону уменьшения. Тем не менее другие исследования показывают, что даже низкие облучения, меньшие, чем официально установленные пороги, чреватые ростом заболеваемости.

Катастрофы и достижения

1986—1987 гг. стали временем не только катастроф, но и своего рода вершиной технического прогресса СССР. Символ этого — освоение космоса. 20 февраля состоялся запуск орбитальной станции «Мир» — базового блока для построения многоцелевого, постоянно действующего пилотируемого комплекса со специализированными блок-модулями. «Мир» летал до 2001 г. На его борту побывали около полусотни основных экспедиций и полтора десятка экспедиций посещения, 103 космонавта. Зарубежные контракты на посещение «Мира» принесли СССР, а затем России почти миллиард долларов.

Научно-техническое ускорение позволило быстро достичь пика возможностей индустриальной системы. Но Чернобыльская катастрофа стала если не первым, то наиболее очевидным сигналом, что индустриальная машина подходит к пределам своего роста. Сложноорганизованный технологический организм таких размеров просто не может существовать без полной автоматизации. Накапливаются человеческие ошибки. Человек не может работать как механизм, сколько ни «закручивай гайки» и ни ужесточай дисциплину.

Пытаясь форсировать НТР и дальше, руководители КПСС не понимали, что она предполагает перестройку системы коммуникаций между людьми. Эта перестройка и пошла, но только в социальной сфере. Вместо центрального управления дальнейшее развитие НТР требовало самоуправления работников, развития горизонтальных сетевых связей, вместо директивности — самоорганизации. Но вся технологическая система СССР была настроена в соответствии с прямо противоположными принципами.

Достигнув максимума своего развития, технологическая структура СССР стала буксовать, а затем, лишившись инвестиций, и распадаться. Но этот процесс нарастал медленно. Однако в эпоху гласности информация о катастрофах обрушилась на жителей лавиной, создавая впечатление, что гибнет мир.

80-е гг. стали пиком индустриального общества в СССР. Система достигла пределов своего роста и стала крошиться. Чтобы обновлять технологии, нужно было затрачивать ресурсы, которых у индустриальной системы больше не было. Можно было биться об эту

стену в кровь, завинчивать гайки до срыва резьбы. Можно было начать переход к принципиально новым информационным сетевым отношениям. Но переход к ним был серьезным испытанием и чреват развалом старой системы до создания новой. В этот критический момент лидеры страны пришли к выводу, что для решения технологических проблем необходимо «открыться миру». «Мир», т.е. глобальные финансовые и политические центры, распорядился недостроенной системой по-своему, определив ее обломкам сырьевое место в международном разделении труда. Место концентрации передовых технологий глобальный рынок определил в других странах.

Глава 6 НАЧАЛО ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

Январский пленум

Логика событий буквально выталкивала Горбачева из тупика авторитарной модернизации в сторону демократизации. Причину «пробуксовки» своей политики Горбачев видел не в собственных колебаниях между авторитарной модернизацией и демократическим социализмом, а в сопротивлении бюрократии и пассивности народа. Поэтому, прежде чем всерьез браться за экономическую реформу, он решил припугнуть кадры и заинтересовать население, прежде всего интеллигенцию, политическими переменами. На этот раз речь шла не об очередной чистке, а о всеобщей проверке номенклатуры на способность общаться с населением. Предстояли выборы. О том, что коммунистические штабы скоро окажутся под «огнем» избирателей, Горбачев сообщил на январском Пленуме ЦК. Руководители должны подстраиваться под настроение населения, четко выполнять порученное дело, действовать строго в рамках закона, уважать права других, а значит — и свои права. Горбачев устал от раболепства, тем более что в России за ним часто кроется готовность к перевороту. Более гибкий и демократичный аппарат должен был найти общий язык с интеллигенцией, что имело ключевое экономическое значе-

ние. Именно интеллигенция должна была, по мысли Горбачева, обеспечить техническую модернизацию. Демократизация становилась платой за НТР. Демократизация оплачивала все счета: и за техническую модернизацию, и за прекращение «холодной войны», и за снятие напряжения между населением и элитой. Ценой становился отказ от системообразующего принципа прежней системы управления — назначения всех чиновников сверху. Горбачев позднее даже утверждал, что «это означало конец номенклатурному подходу». Это — несомненное преувеличение. Номенклатура — система назначения кадров вышестоящими партийными организациями и возникший в результате слой чиновничества. Полный отказ от номенклатурного принципа мог быть обеспечен только всеобщими и свободными выборами всех руководящих работников. Ничего подобного не предполагалось, и номенклатура продолжала удерживать власть еще долго, воспроизводя себя. Январский пленум был заявкой на ограничение номенклатурного подбора кадров, допущение также и выборов. Но партия еще не собиралась делиться властью, а значит, сохранилась и номенклатура.

Ис внутри партии был поставлен вопрос об альтернативных выборах первых секретарей. Это пробудило карьерный интерес вторых секретарей и других претендентов на партийную власть. В партийной структуре создавалась новая конкурентная среда.

В этот момент демократизация виделась «золотым ключиком», открывающим все двери не только Горбачеву, но и его более консервативным коллегам. Лигачев надеялся, что она остановит «широкое проникновение в нашу жизнь буржуазной идеологии».

* * *

· 27—28 января 1987 г. прошел Пленум ЦК КПСС, вошедший в историю как «январский». М.С. Горбачев выступил с докладом «О перестройке кадровой политики партии», который стал одним из наиболее радикальных выступлений Генерального секретаря.

Горбачев был вынужден признать «опасность нарастания кризисных явлений в обществе». Их причина — «механизм торможения социально-экономического развития» — сложившаяся в 30-е гг. си-

стема, корни которой лежат в инерции, «консервативном механизме управления». Таким образом «негатив» 70-х гг. увязывался со становлением «социализма» в 30-е гг. Горбачев взял курс на преодоление системы, существовавшей с 30-х гг., т.е. фундамента современного советского общества. Горбачев трактует перестройку как «слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения...». Несмотря на то, что слово «ускорение» еще присутствует в речи, контекст уже новый: сначала замена социального механизма, а потом — ускорение. Это идея модернизации не одновременно с реформами, а в результате реформ. Причем реформ демократических, проведенных с «опорой на живое творчество масс». Демократизм был объявлен сутью перестройки.

На пленуме возникла дискуссия о гласности. Делегаты И. Полозков и В. Голубева выступили против концентрации прессы и литературы на критике. «Надо же утверждать идеалы», — говорил Полозков. «Идет смакование недостатков, мало освещается положительная сторона опыта», — продолжала его мысль ткачиха В. Голубева. Горбачев увидел в этом сопротивление «партийной верхушки». Но это были первые признаки более широкой общественной реакции на критический напор прессы и литераторов. Если все так плохо, дайте и соответствующую по объему и ясную информацию об альтернативе. Но альтернатива пока вырисовывалась очень неконкретно, критика явно опережала конструктив, создавая ощущение (лишь ощущение) свободы: «Время винтиков прошло, и это прекрасно», — говорил на пленуме актер М. Ульянов, защищая «непричесанную гласность». Люди переставали быть винтиками прежней системы, но не имели ясного представления о новой, что несло угрозу разрушения без созидания. Следующий пленум был призван восполнить пробел конструктивной программы реформ.

Влияние реформистов в руководстве партии возросло, но в нем произошло новое размежевание. Большинство «пуритан» по мере развития реформ стало переходить с умеренно-реформистских на консервативные позиции. Но один из видных представителей «пуританского» течения — Б. Ельцин — взял на себя функции лидера реформистов в номенклатурной среде.

«Рыночный социализм»

Реформаторы во главе с Горбачевым пытались решить проблему, над которой уже больше века бились социальные мыслители и преобразователи — сочетание личного и общественного интереса. Сама по себе эта проблема не была «подброшена» реформаторам идеологическим противником, а вытекала из реального развития разных моделей общества в XX в.

Работая на себя, человек должен помогать развитию всего общества, а общественные структуры должны обеспечивать возможности для развития каждой личности. Стоит уклониться от этого идеала в сторону индивидуального интереса, и он начинает разрушать социальное равноправие, разделять людей на более успешных и менее успешных, причем подчас независимо от их творческих талантов и способности качественно трудиться. Уклон в сторону преобладания «общества» в обмен на социальную опеку государства подчиняет личность бюрократии и гасит у человека стремление к творчеству и труду. Первый путь представляет рынок, второй — социальное государство, известное в СССР под псевдонимом «реальный социализм». Равновесие, которое теоретически может дать синтез свободы и равноправия, гражданской и правовой защищенности, — это рыночный социализм. Но сочетание «всего хорошего» может обернуться или «конвергенцией» всего плохого, либо просто распадом несовместимого.

Социалистическая мысль в общем плане определила, при каком условии общество может двигаться к социализму. Это — равновесие интересов общества (при условии реальной демократии от его имени может выступать социальное государство), работников (организованных в социальные профсоюзы и органы самоуправления) и администрации предприятий (предприниматели и директора). В общем плане Горбачев был в курсе этих идей, но более конкретно разработки социалистов были неизвестны ни ему, ни его советникам. Попытки неформалов-социалистов восполнить этот пробел были высокомерно отвергнуты. Реформаторы глядели в сторону Швеции и не замечали, что в СССР главной проблемой является сдерживание стремления управленцев стать капиталистами. В общем плане рефор-

ма 1987 г. учитывала эту угрозу, планируя систему сдержек и противовесов.

1. Предприятие должно получить самостоятельность от ведомства, что должно было помочь развить его инициативу.

2. Директор должен избираться коллективом, что защищало бы его от ведомства и сплачивало с работниками, снижая уровень противоречий на предприятии.

3. Коллектив должен создать свой орган самоуправления, который контролирует администрацию, защищая коллектив от произвола директора.

4. Предприятие должно действовать на рынке, что дисциплинирует и директора, и работников, зарплата которых привязана к коммерческому успеху предприятия. В этих условиях главным контролером является покупатель.

5. Государство, сохраняя господствующие финансовые позиции, направляет работу предприятий своими заказами и кредитами, а также с помощью законодательства. Это позволяет сохранять высокие темпы научно-технического прогресса и избежать нарушения социального равновесия.

Эта архитектура имела один, но существенный недостаток. Стоило одной колонне оказаться слабее других, и все здание накренится, а затем рухнет. План был продуман в общем, но реформаторы не желали вникать во все детали. Как заставить бюрократию действовать в интересах общества? Большой ошибкой было намерение «открывать здание», пока недостроена главная «колонна» — рынок. К тому же, недоусвоив теорию рыночного социализма, реформаторы путали «рыночность» и западный опыт частнособственнического рынка.

25—26 июня прошел Пленум ЦК КПСС, который принял основные решения по экономической реформе. Горбачев заявил в своем докладе: «Разрешается делать все, что не запрещено законом». Поскольку закон был еще очень несовершенен, образовывалось множество брешей и лазеек, через которые государственные ресурсы уходили в частные карманы.

Пленум одобрил проект закона о государственном предприятии. Закон был принят 30 июня.

В Законе указывалось, что «деятельность предприятия строится на основе государственного плана экономического и социального развития как важнейшего инструмента реализации экономической политики Коммунистической партии и Советского государства», и в то же время, что «предприятие действует на принципах полного хозяйственного расчета и самофинансирования».

Доходы, остающиеся у предприятия после расчета с бюджетом и кредиторами, могли использоваться им по своему усмотрению. Некоторое регулирование соотношения фондов предприятия можно было обойти. Это значило, что надежды на рывок научно-технического прогресса никак не обеспечивались законом. Ничто не заставляло предприятие направлять средства именно на модернизацию. Это зависело от доброй воли руководства предприятия.

Концепция реформы исходила из того, что как только люди почувствуют себя хозяевами предприятия, они начнут активнее работать на его (а значит, свое) преуспевание. Но предприятие оставалось государственным, а не коллективным или частным. Это порождало противоречия трех претендентов на собственность, представленных министерством, коллективом и администрацией. По мнению реформаторов, равновесие этих трех сил должно было обеспечить эффективное развитие как предприятия, так и экономики в целом. Но обеспечивал ли принятый Закон искомое равновесие?

Отныне государство должно было использовать не прямое управление предприятиями, а лишь экономические «рычаги»: государственный заказ, нормативы на производство продукции, лимиты на получение ресурсов, конкурсы на выгодные заказы, кредиты, налоги, регулирование цен. Правда, сначала государственный заказ составлял 85 % продукции. Так что «рычаги» оставались вполне бюрократическими. Но часть заказа формировалась по заказам смежников предприятия. В дальнейшем прямые связи между предприятиями должны были стать преобладающими.

Авторы реформы учитывали опыт 60-х гг. и справедливо опасались бесконтрольности руководителей предприятий. Сами руководители должны были избираться трудовыми коллективами на 5 лет и могли сменяться, если их работа будет неэффективной и отрицательно скажется на заработках работников. В 1988 г. прошла волна

перевыборов. Часть коллективов «прокатила» своих директоров и поддержала «варягов», как правило, предложенных министерствами. В других случаях директора смогли убедить работников в том, что «коней на переправе не меняют». В любом случае, директора стали фактически самостоятельными от министерского руководства и даже партийных органов. Теперь их могли сменить только коллективы. Поэтому в дальнейшем директора были заинтересованы в отмене процедуры перевыборов, что делало их и вовсе бесконтрольными.

Чтобы директор не превратился в совершенно неконтролируемую фигуру, создавались также органы самоуправления — Советы трудового коллектива (СТК). Реформаторы исходили из верной предпосылки приобщения людей к принятию решений, которые их касаются, что позволило бы заинтересовать работников в результатах труда, привлечь дополнительный интеллектуальный потенциал к модернизации, поставить администраторов под контроль. Самоуправление должно было превратить работников в хозяев предприятий, заинтересовать их в самоотверженном труде и в то же время обеспечить хозяйствование именно на благо самих работников. Но самоуправление не состоялось.

СТК избирались прямым голосованием работников и могли решать вопросы структуры управления предприятием, оплаты труда работников, использования фондов предприятия и др. Это были широкие полномочия, но неорганизованность трудовых коллективов в большинстве случаев позволила администрации поставить СТК под свой контроль и таким образом освободить себя от контроля со стороны работников.

Неформалы предлагали избирать СТК не напрямую, а в соответствии с принципом делегирования. Если бы СТК предприятия комплектовались из представителей цехов, а советы цехов — из делегатов бригад, то они могли бы осуществлять задачи координации работы подразделений и отражали бы реальные интересы, существующие на предприятии. На практике выборы проводились как разовое мероприятие администрации. В результате отчуждение работников от участия в принятии решений сохранилось почти повсеместно. Обратной стороной этого стала экономическая безответ-

ственность как администрации, так и коллектива. В результате вместо производственной демократии получился производственный популизм. Директор мог не согласовывать свои решения ни с кем, а только наращивать выплату зарплаты, откупаться от коллектива, чтобы у того не возникла мысль о переизбрании начальства. Если бы в стране работал свободный рынок, это было бы невозможно. Но введение рынка откладывалось, и экономический популизм разорял производство.

Таким образом, директора смогли избавиться от любого контроля за своими действиями и сверху, и снизу. Это имело драматические последствия. Собственность на предприятия оставалась государственной, но ее функции реально оказались в руках директоров. Для части директората это было сигналом к перекачке ресурсов предприятия в подконтрольные хозяйственные структуры. Для этого как нельзя лучше подходили кооперативы.

В СССР произошла так называемая революция менеджеров — отделение управления от формальной собственности. Однако дальнейшее развитие событий превратило эту революцию в основу для разрушительного для экономики процесса передела собственности.

* * *

Не решаясь запустить рынок в основном массиве хозяйства, реформаторы продолжали строить рынок «рядом». Чтобы поставить предприятия-монополисты в условия конкуренции и тем самым сбить цены и заставить работников предприятий работать более эффективно, в 1986—1988 гг. реформаторы разрешили развитие негосударственных промышленных и торговых предприятий. Считалось, что это не нарушает принципы коммунистической идеологии, так как новые частные предприятия назывались кооперативами. Но в действительности кооперативами такие организации были только первоначально, когда право собственности и участие в производстве продукта не разделялись. Законодательство не защищало прав работников кооператива, и, накопив средства, хозяева кооперативов нанимали работников и превращались в обычные капиталистические предприятия.

Первоначально кооперативы имели преимущество над обычными предприятиями, так как не были скованы множеством инструкций. Это вызывало возмущение работников, но не кооперативами, а бюрократией, которая обещает экономические свободы, но не дает их. Как писал сталевар М. Коптев, «ни один завод прав, подобных кооперативам, не имеет». Все расходы расписаны, СТК бесправен.

Формирование легального советского капитала развернулось в 1987 г. сразу по нескольким направлениям. Кооперативам предоставлялись льготные кредиты и удерживались налоги до 10 % от прибыли. Но прибыль было легко спрятать. Зато бесконтрольная администрация государственных предприятий могла организовать кооператив при своем производстве, обеспечив своему кооперативу идеальные возможности получения прибыли за счет государственных ресурсов.

Другим отрядом предпринимателей были участники индивидуальной трудовой деятельности. После того как 1 мая в силу вступил Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», 9 мая вышло постановление Совета Министров СССР «О предоставлении кредитов гражданам, занимающимся индивидуальной трудовой деятельностью». Зарегистрированные «индивидуалы» привлекали к работе не только членов своей семьи, но и нелегальных наемных работников.

В 1987 г. началось создание совместных предприятий с иностранными фирмами. Эта инициатива пока не вызвала бурного отклика, поскольку иностранный капитал не видел достаточных гарантий для своих капиталов в СССР.

* * *

Решениями июньского Пленума завершился длительный процесс, начавшийся еще в период андроповских экспериментов. Если раньше на хозрасчет переводились отдельные предприятия и отрасли, то в 1988—1989 гг. вся экономика должна была перейти на полный хозяйственный расчет. Но без рынка. Предприятиям будут определяться основные показатели планов, лимиты ресурсов и другие основные данные. Каждое предприятие должно выполнить госзаказ, но остальная продукция может быть реализована по усмотрению

предприятия по установленным сверху ценам. Получив рыночные полномочия в распоряжении ресурсами, администрация предприятий не несла ответственности и перед рынком, так как без колебаний цен он просто не мог начать действовать вне бюрократической сферы. Проблема цен стала одним из камней преткновения реформы. В 1987 г. договориться о принципах нового ценообразования не удалось. Горбачев и его окружение исходили из того, что какое-то время придется сохранять административный характер определения цен, но совершенствовать способ их определения, вводя такие таинственные показатели марксистской экономической науки, как «общественно необходимые затраты». И еще — качество продукции. Кто его будет определять, если не рынок? Тот же чиновник на глазок или в соответствии с договоренностями между ним и предприятием на взаимовыгодной основе. Накануне пленума Политбюро вынуждено было признать, что «переход придется вести в старых ценах». Корабль реформ был спущен со стапелей, но в сухой док и стал разваливаться прежде, чем встретился с волгами.

Не отпускать цены было нельзя, но и отпускать в сложившихся условиях — тоже. Ведь значительная часть продукции производилась предприятиями-монополистами, которые в условиях «свободного рынка» могли поднимать цены произвольно, не опасаясь конкурентов. Этого не захотели учитывать реформаторы 1992 г., отпустившие цены. Но и реформаторы 1987 г., вопреки формальным декларациям, не собирались бороться с монополизмом. Напротив, закон поощрял его: «Для дальнейшего повышения уровня концентрации производства предприятия, объединения и организации могут включаться в состав крупных организационных структур — государственных производственных объединений». Монополии ГПО оказывались совершенно бесконтрольными — и со стороны государственных органов, и со стороны собственных работников, и со стороны рыночной конкуренции.

Не легче обстояло дело и в сельском хозяйстве, где сверхмонополия Агропрома не добилась больших успехов. Введение рынка на селе связывалось со снижением дотаций — выплывайте сами. При этом нужно учитывать, что в СССР продовольствие дотировалось на 45 %. Снятие этих дотаций могло спровоцировать неуправляемую инфляцию.

Социальная опасность рыночной инфляции привела к тому, что руководители страны долго не решались на это и «рыночный социализм» существовал без реального рынка.

Июньский Пленум поручил Политбюро разработать предложения по ценам. Но разработка эта затянулась и не поспела к началу реформы.

Между тем началась дезорганизация потребительского рынка. Поскольку изменять цены на конкретные виды продукции было запрещено, получившие самостоятельность предприятия просто переставали производить дешевую продукцию и переключались на более доходную. Таким образом, вымывание дешевого ассортимента, начавшееся еще в конце 70-х гг., ускорилося. Вкупе с ростом зарплат это вело к росту дефицита товаров.

* * *

Первоначально рыночные реформы оживили экономическую жизнь. Уровень рентабельности, который в 1980—1985 гг. упал с 12,2 % до 11,9 %, к 1988 г. вырос до 13,5 % (при оценке этих данных нужно учитывать приписки). На прилавках появились более дорогие, но и более качественные товары. Однако в конце 1988 г. резко обострился дефицит товаров. Затраты в расчете на рубль товарной продукции в 1988—1989 гг. впервые выросли, что свидетельствовало о значительном снижении эффективности. Уровень производства в ряде отраслей стал падать.

Значит ли это, что сама идея реформы 1987 г. была ошибочной? Скорее наоборот — уязвимая сторона реформы заключалась в том, что декларированные задачи были осуществлены лишь отчасти, причем как раз в той части, которая соответствовала чаяниям номенклатуры по преодолению ее отчуждения от собственности.

Модель 1987 г. не была запущена целиком. Во-первых, не был запущен рынок. Во-вторых, самоуправление в большинстве случаев оказалось чисто формальным, что стало следствием как недоработанности его механизма в законе, так и отсутствия рыночного стимулирования коллективов. В-третьих, директорат получил явное преимущество по сравнению с министерствами и коллективами, равно-

весия не получилось. В-четвертых, полномочия различных субъектов были разграничены нечетко, что облегчило перекачку ресурсов из государственных карманов в частные.

Когда в 1990 г. кресло под Горбачевым зашаталось, реформы были очищены от последних следов самоуправленческого социализма — СТК были лишены полномочий. Это значит, что социалистические реформы 1987 г. потерпели поражение, победили менеджеры и номенклатура.

Произошло сращивание капитала кооператоров (отчасти криминализованного) с возможностями бесконтрольного директорского корпуса и коррумпированной части бюрократии. Через частные организации стали перекачиваться финансовые средства государственных предприятий и ведомств. Таким образом, развитие бюрократического рынка в государственный и частный «карманы» не было разделено, что приводило к разворовыванию государственной собственности и экономическому обескровливанию государственных предприятий. Бюрократическое регулирование рынка было неэффективным в силу некомпетентности и коррупции. Постепенно консервативная часть чиновников, не готовая работать в новых условиях, стала выступать за прекращение рыночных реформ. Но те слои бюрократии, которые уже обрели заинтересованность в начавшемся разделе государственной собственности, продолжали настаивать на углублении преобразований, грозивших гибелью старой партийной номенклатуре. Однако до 1990 г. процесс обескровливания государственной экономики шел медленно, и только в 1990 г. начался обвал. Как мы увидим, причины этого экономического обвала крылись не только в незавершенности реформы 1987 г., но и в процессе региональной суверенизации.

Реформа легализовала кризис, но не вызвала его. Кризис углублялся, способствуя регионализации, стремлению регионов «выплыть поодиночке», раз уж центр не справляется. В 1990 г. регионализация спровоцировала кризис на новый виток.

Пределы гласности

Опыт Хрущева доказал, что при проведении реформ нельзя долго опираться только на бюрократию. После брежневской стабильности

Горбачев мог некоторое время использовать противоречия в элите, но лояльность чиновников имела свой предел прочности, и Горбачев стремился расширить свою опору в элите. У него не было возможности опереться на маргинальные слои, образовавшиеся в ходе разрушения традиционного общества, как у Сталина в 30-е гг., и на новую буржуазию, как у Ельцина в 90-е гг. Первое уже исчезло, второе — еще не возникло. И Горбачев, и первое время его оппонент Ельцин могли опереться только на средний класс советского общества — служащих, прежде всего интеллигенцию. Поскольку интеллигенция работает с информацией, то ее симпатии можно было получить, продвигаясь к свободе слова. Но свобода слова — угроза любому авторитарному режиму, тем более с таким кровавым прошлым, как у коммунистического. Поэтому расширение сфер, доступных для обсуждения в официальных СМИ (а других не было), происходило постепенно. Это постепенное продвижение к свободе слова, ограниченная свобода обсуждения некоторых общественных и политических проблем получили наименование «гласность». Горбачев определил границы гласности формулой «социалистический плюрализм мнений». То есть мнения могли быть разными, но не «буржуазными».

Содержательная сторона сенсационных публикаций того времени сегодня уже не представляет интереса — «белые пятна» истории закрашены, обо всем, что в 1987 г. было загадкой, сегодня можно прочитать даже в школьном учебнике. Наступило время интерпретации фактов, а тогда, в 1987—1989 гг., интерпретация следовала впереди фактов. Последовательность оглашения фактов истории должна была помочь обоснованию идеологии «либеральных коммунистов».

Разумеется, Горбачев пока не собирался отказываться от цензуры. Официальным изданиям было разрешено критиковать Сталина и Брежнева, в политике которых было решено видеть истоки нынешних трудностей. Можно было обсуждать поведение отдельных руководителей, но не КПСС и ее лидеров.

Для более гибкой информационной политики требовались иные кадры. В 1986 г. произошла смена руководства ряда центральных изданий. Консервативные борцы за идейную коммунистическую чистоту были заменены либерально-коммунистическими «шестидесят-

никами» — либерально настроенными интеллигентами, политические взгляды которых сформировались в период «оттепели». Особенно активно за углубление перестройки, разоблачение сталинизма и «застойных чиновников» выступала газета «Московские новости» во главе с Е. Яковлевым и журнал «Огонек» во главе с В. Коротичем. Публикации в этих и других изданиях вызывали большой интерес граждан СССР. Несмотря на ограниченность гласности, подписка на либеральные издания значительно возросла. На январском пленуме Горбачев констатировал, что тиражи периодических изданий выросли на 14 миллионов экземпляров. Миллионы людей ходили смотреть фильм грузинских кинематографистов «Покаяние», который сравнивал сталинскую политику с нацистской. Культурный уровень многих советских граждан помогал им «читать между строк» и делать более последовательные выводы из фактов, которые сообщала официальная пресса. Это в свою очередь вызывало недовольство консервативно настроенных людей, которые осуждали «очернительство» советской действительности и ее прошлого.

Реформистское руководство КПСС сдерживало «гласность», осуждая радикальные публикации, выходявшие (впрочем, недалеко) за ее рамки. Горбачев возмущался: «Определенные люди подбрасывают нам ценности, подсовывают идеи, которые ставят под вопрос наш социалистический выбор. И тут нельзя занимать аморфные позиции. И вот Сергей Павлович [Залыгин], я его очень уважаю. Но что получается: один за другим вылезает в его журнале то Попкова со своим «господством рынка», то другой [Шмелев], предлагающий нам безработицу. Если Сергей Павлович против социализма, то нам не нужен такой редактор. Критерий тут может быть только один: все, что укрепляет социализм, ко всему этому мы будем прислушиваться и будем считаться. Но когда нам пытаются подсунуть вместо социализма капитализм, буржуазную идеологию — это совсем другое. Так дело не пойдет. Но я против замены редакторов. Товарищи здесь предложили такую меру. Подобным решением мы дали бы ложный сигнал».

Горбачев не без оснований опасался, что «либеральные коммунисты» превратятся из сторонников демократического социализма в обычных либералов, сторонников капитализма. К тому существовали и интеллектуальные, и социальные предпосылки (см. главы 13, 19).

Первоначально Горбачев надеялся ограничить сферу гласности брежневским периодом, в котором и найти все истоки нынешних трудностей. Но логика реформ требовала распространения критики на сталинский период — ведь именно тогда сформировалась система управления экономикой, которую сейчас предстояло менять.

Горбачев тем не менее как мог сопротивлялся выходу гласности на антисталинские рубежи, и на то были свои причины: «“Сталинизм” — понятие, придуманное противниками коммунизма, и широко используется для того, чтобы очернить Советский Союз и социализм в целом». От критики сталинизма с его поражающими воображение преступлениями открывалась прямая дорога к отказу от модели «реального социализма». А этого Горбачев не желал.

Он предпочел пока упираться на объективную обусловленность тех форм, которые приняла социальная система СССР. Как говорят сейчас, уже в XXI веке, — на неизбежные последствия форсированной модернизации. Однако такая логика совершенно не годилась для «шестидесятников», воспитывавшихся в условиях хрущевской «оттепели». Эта логика вообще была несовместима с демократизацией и гласностью, и раз уж авторитарная модернизация зашла в тупик, то и разговора о Сталине избежать было нельзя.

Интеллигенция стала активно «проталкивать» обсуждение проблемы сталинизма, развернув наступление через «толстые журналы» и кинематограф. Нашумевшие фильмы, относящиеся, собственно, к периоду перестройки, — это прежде всего политические памфлеты, своим острием направленные против бюрократии. 7 октября 1987 г. на Всесоюзном кинофестивале зрелищных фильмов «Одесская альтернатива» главный приз — «Золотой Дюк» — был вручен фильму Э. Рязанова «Забытая мелодия для флейты».

Несмотря на ослабление цензуры, эпоха шедевров не началась. Режиссеры и актеры пошли в политику. Кинопроизводство имеет длительный цикл, и к моменту, когда режиссеры вернулись к своему делу, заказчиком стал уже не коммунистический режим, а «новый русский» капитал с его специфическими «чернушными» вкусами. Маститые режиссеры не возражали. Им, как повзрослевшим детям, нравилось делать то, что раньше запрещала не столько идеологическая, сколько «пуританская» моральная цензура государства.

Но пока режиссеры перестраивались, зритель не скучал. Было принято решение о выпуске в прокат так называемых «полочных» фильмов — лент, не прошедших идеологическую цензуру в предыдущие годы. Вскоре зрители увидели «Проверку на дорогах» А. Германа, «Комиссара» А. Аскольдова и др.

* * *

В 1987 г. фронт умолчания был прорван, поток критической информации о Сталине и его соратниках «вышел на оперативный простор». В 1987 г. «Новый мир» опубликовал повесть Д. Гранина «Зубр» о судьбе ученого в условиях тоталитаризма (само слово еще не употреблялось), а «Знамя» — поэму А. Твардовского «По праву памяти». Оба произведения были написаны давно, и только теперь «вынуты из ящика стола». Лидером продаж в 1987 г. стал роман А. Рыбакова «Дети Арбата» — картина советского общества 1934 г., кануна убийства Кирова, с которого, по мнению «шестидесятников», стали наступать «черные времена». Роман выдержан в классических рамках идеологии XX съезда. Главные герои романа — молодые коммунисты, их антитеза — Сталин, который готовит расправу над честными коммунистами Кировым, Орджоникидзе и др. Читатели должны были как бы «примерить эпоху на себя» и сделать все, чтобы не допустить повторения сталинизма.

Писатели-шестидесятники продвигались и дальше в историю. 30 ноября 1987 г. в театре им. Е. Вахтангова состоялась премьера спектакля «Брестский мир» по пьесе М. Шатрова. Зрители жадно всматривались в действие, на сцене кипели политические страсти, а действующими лицами были основатели советского государства. В каждом слове искали намек на современность. А Шатров уже публиковал новую пьесу, где ленинизм прямо противопоставлялся сталинизму: «Дальше... дальше... дальше». Пьеса вызвала полемику — в «Советской России» вышла статья В. Горбунова и В. Журавлева с критикой пьесы. Авторы утверждали, что у партии в 30-е гг. не было другой альтернативы, «кроме как в сжатые сроки буквально пробежать расстояние от отсталости к развитой индустрии и кооперированию сельского хозяйства». При всей спорности этой мысли, сей-

час, в XXI веке, она вполне укладывается в рамки академической полемики. А тогда статья в «Советской России» разделила читателей на тех, кто был возмущен ею, и тех, кто горячо поддерживал позицию критиков Шатрова. История стала полем актуальной политики, потому что в ней содержались уроки для реформаторов.

С марта 1987 г. в возглавляемом Ю. Афанасьевым Историко-архивном институте начались чтения «Социальная память человечества», посвященные прежде всего проблеме сталинизма. Лектории историков-неформалов информировали слушателей о преступлениях сталинизма, включая коллективизацию и Пакт Молотова—Виббентропа. Публицистические выступления Ю. Афанасьева вызвали полемику с участием коммунистического официоза — «Правды». Это было невиданно — «Правда» уже не выносила приговор, а была равноправным участником споров.

* * *

Хотя тиражи толстых журналов резко возросли, все же они не могли соперничать с телевидением. Однако воздействие печатного слова на умы в 80-е гг. было гораздо сильнее, чем в 90-е. Публицистический блок советского телевидения был предназначен прежде всего для трансляции официальной точки зрения. Для идеологической борьбы в условиях конкуренции с другими идеологиями требовались принципиально иные методы. Реформаторы стали экспериментировать и в этой области, допустив несколько передач, которые в поздний час могли позволить себе обратиться к «новым сюжетам».

Наибольший резонанс вызывала информационно-публицистическая передача, которая стала выходить 2 октября 1987 г. и предназначалась для молодежной аудитории. Позднее она получила название «Взгляд». Он балансировал между официальной линией ВЛКСМ и стремлением не растерять юных зрителей и демократическую аудиторию. Взглядовцы выпускали оппозиционных неформалов в эфир, что тогда вообще было новым словом, но в полемике стояли на стороне КПСС и ВЛКСМ. «Взгляд» стал окном в эфир для многих рок-групп, прививая это направление официальной эстраде.

Постепенно руководители и часть ведущих «Взгляда» перешли на демократические позиции, и в январе 1991 г. при очередном политическом «похолодании» передача была закрыта.

В декабре 1987 г. на ленинградском телеканале вышел в эфир первый выпуск информационной программы «600 секунд». Ее символом стал телеведущий А. Невзоров (другие ведущие программы, в том числе С. Сорокина, тогда были менее популярны). Программа выступала не с либеральных, а с «пуританских» правоохранительных позиций, предвосхищая нынешние передачи на криминальную тему. Но по своему стилю это была типичная западная передача. Своим обличительным «чернушным» стилем она способствовала и вестернизации телевидения, и его модернизации, и падению авторитета режима. Натуралистичные видеокадры, составлявшие «визитную карточку» передачи, повергали зрителей в шок, но мастерство репортера надолго приковало всеобщее внимание к программе. В январе 1991 г., когда в эфире действовало уже множество передач «нового типа», Невзоров открыто перешел на консервативные позиции, резко выступив против демократов и сепаратистов. Программа была закрыта в ходе переворота 1993 г.

Важной чертой гласности стала постепенная легализация тех направлений культурной жизни, которые прямо не бросали вызов КПСС. 1987 г. отличился «рок-революцией». Началось формирование «открытой миру», вестернизированной культурной среды советского человека, общества зрелища.

СССР постепенно открывался миру. 23 мая 1987 г. было прекращено глушение передач радиостанции «Голос Америки» на языках народов СССР. 30 июля введен в действие новый порядок выезда советских граждан в социалистические страны. Процесс оформления документов значительно упрощен. Путешествия за рубеж теперь не сопровождались униженным контролем со стороны «старшего группы». На советских путешественников заграница производила шокирующее впечатление. Супермаркеты казались чем-то вроде Выставки достижений народного хозяйства. Только немногие замечали странную особенность — сами жители «общества благоденствия» постоянно жаловались на нехватку денег. Эта особенность станет понятней россиянам в 1992 г.

Итоги идеологической «борьбы под ковром» должен был зафиксировать доклад Горбачева на юбилейном пленуме ЦК, посвященном 70-летию Великого Октября. Объявив новую «генеральную линию», Горбачев должен был показать, каковы границы гласности. Накануне последовали обнадеживающие сигналы — грядет официальное осуждение Сталина и реабилитация его «антипода» Бухарина. 28 сентября было принято постановление Политбюро ЦК КПСС «Об образовании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930—1940-х и начала 1950-х годов». Председателем Комиссии был назначен председатель Комиссии партийного контроля М. Соломенцев, которого в октябре 1988 г. сменил А. Яковлев. Именно с 1988 г. реабилитация стала массовой. А вот доклад Горбачева в 1987 г. вызвал разочарование.

2 ноября состоялось торжественное заседание ЦК КПСС и Верховных Советов СССР и РСФСР, посвященное 70-летию Октября. С докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается» выступил М. Горбачев. Генеральный секретарь заявил: «КПСС не сомневается в будущем коммунистического движения — носителя альтернативы капитализму... Мы идем к новому миру — миру коммунизма. С этого пути мы не свернем никогда!»

Горбачев подверг критике Сталина и его окружение «за допущенные массовые репрессии и беззакония», но тут же перешел к похвалам «вождя народов» — возглавляемое им руководящее ядро партии «отстояло ленинизм в идейной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства, получило одобрение со стороны большинства членов партии и трудящихся». Общую линию политики партии (то есть Сталина) Горбачев оправдывал необходимостью модернизации.

«Шестидесятники» и неформалы, которые прекрасно знали, каким образом Сталин получал поддержку «большинства трудящихся», были разочарованы — они ожидали реабилитации Бухарина и одобрения его курса в противовес сталинскому. Это открывало бы дорогу к идеологическому обоснованию демонтажа всей системы

управления, созданной в 30-е гг. Казалось, реформаторы не решились на этот шаг. В действительности, эти пределы гласности оказались непрочными и в 1988 г. ожидания конца 1987 г. оправдаются.

1 ноября, накануне доклада, Горбачев презентовал книгу «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Книга была предназначена прежде всего для читателей не в стране и не во всем мире, а в странах Запада. Горбачев сам пишет о своем главном читателе: «Мы хотим быть понятыми... на Западе, включая США, перестройку истолковывают по-разному...» Горбачев хочет, чтобы на Западе перестройку истолковывали так, как ее понимает советский лидер.

Большинство людей не занимаются профессиональным изучением философии и социальных наук. Их представление о мире описывается более простыми моделями, чем требует наука, — образами мифов и схемами легенд. Миф лишь частично совпадает с теми истинами, которые известны науке. И дело не только в том, что миф должен быть проще и ярче, чтобы его могли усвоить широкие массы. От содержания господствующих мифов и легенд зависит поведение людей, их восприятие «исторического опыта». Это очень важно, поскольку коллективный опыт народа — модель общественного поведения людей, на основе которого следует искать дорогу в будущее. Легенды индустриального общества, в отличие от традиционного, — это не передача традиции, а подкрепление идеологии.

Мифы, господствующие в СССР в начале 80-х гг., сформировались еще в сталинские времена и были отредактированы идеологической машиной Суслова в 70-е гг. в сторону вымарывания наиболее «неудобных» эпизодов сталинского правления. После начала Первой пятилетки история в этой редакции превращалась в поступательное развитие экономики и победы времен Второй мировой войны. В остальном это была даже не интерпретация событий, а сплошное белое пятно.

Как только гласность «копнула» «белые пятна», стало ясно, что сталинско-брежневская схема опыта XX века может быть легко разрушена. Господствующие позиции при переделке мифа имели «шестидесятники», лучше всего владевшие пером среди тех, кто имел

право тиражировать мысли многомиллионными тиражами. Ю. Афанасьев, Г. Попов, Н. Шмелев, А. Нуйкин и др. получили возможность опубликовать в ведущих изданиях страны статьи, которые сейчас выглядят наивными или банальными, но тогда благодаря своему отклонению от официальных догм делали этих авторов властителями дум миллионов людей. Ведь любое новое слово впервые произносилось в массовой аудитории. По названию газетной рубрики известных публицистов и руководителей с либерально-коммунистическими взглядами стали называть «прорабами перестройки».

В 1987—1988 гг. была оглашена мировоззренческая схема «прорабов перестройки», и при всех их различиях имела общий каркас, который состоял из ряда тезисов.

1. Причина неудач советского общества — это подчинение личности государству и обществу, административно-командная система, которая не позволяет развиваться рынку.

2. Соответственно, в сочетании с «разумным» и незначительным государственным регулированием развитие рынка даст огромный эффект в увеличении количества и качества продукции.

3. Административно-командная система активно сопротивляется внедрению рынка. Она была создана Сталиным вопреки усилиям Ленина и его идейного наследника Бухарина. Ленин и Бухарин владели секретом равновесия разумного государственного регулирования и рынка. Это равновесие было выражено в нэпе, который был искусственно сломан Сталиным. Разоблачение сталинизма и отстранение от власти его «наследников» позволят отключить «механизм торможения» экономики и общества.

* * *

Когда закончилась гласность? Ответ прост — с падением контроля режима над СМИ. В начале 90-х гг. ей наследовала свобода слова, но к середине 90-х гг. установилась финансовая цензура по формуле «кто платит — тот и заказывает музыку». Плюрализм мнений в СМИ сменился плюрализмом различных оттенков либеральной и консервативной мысли. Остальные направления мысли были вытеснены в малотиражные издания и Интернет.

В 1989—1990 гг., с развитием независимой прессы, когда самиздат стал выходить многотысячными тиражами, гласность сменяется свободой слова на уровне многотиражных изданий. В конкуренции с неформальной прессой и популярные партийно-государственные издания стали обращаться к таким «неудобным» для КПСС темам, как конфликты между коммунистическим режимом и народом, не социалистический характер советского общества, преимущества западного общества над советским, злоупотребления и неэффективность нынешнего государственного руководства и т.д. В 1990—1991 гг. КПСС стала терять контроль над телевидением и радио, где возник плюрализм политических направлений. Но здесь до свободы слова не дошло — и коммунистические, и демократические электронные СМИ сохраняли строгую внутреннюю цензуру в пользу своего направления. После распада СССР в России сохранилось сосуществование свободы слова на уровне малотиражек, плюрализм крупных СМИ, в каждом из которых допускается своя степень гласности, как правило, — меньшая, чем в 1989 г.

Глава 7 СПЕКТР НЕФОРМАЛОВ

В 1985 г. СССР в политическом отношении напоминал снежную пустыню, посреди которой возвышался ледяной монолит КПСС. Диссидентское движение было подавлено, и только глубоко под снегом журчали незримые ручейки. Уже через пять лет на этом пространстве расцветали тысячи цветов самых разных расцветок. В стране возникло то, что называется гражданским обществом — система самостоятельных от государства и капитала общественных структур. Эту работу проделали неформалы.

Три волны освободительного движения

От Горбачева и других реформаторов в этом процессе зависело только одно — не мешать. В декабре 1986 г. по внешнеполитическим соображениям было принято политическое решение отказаться от

уголовного преследования оппозиции. Разумеется, это не предоставляло инакомыслящим каких-либо политических свобод и даже гарантии от преследования в будущем.

Казалось, настал звездный час для диссидентов. Они выходили из лагерей и тюрем. Но диссидентское движение не восстановилось — большинство его лидеров уже слишком устали от борьбы. К тому же борцы за права человека получили достаточную известность на Западе, чтобы сменить полную опасностей и невзгод жизнь в СССР на спокойную и комфортную старость за рубежом. После 1986 г. диссидентское движение было обескровлено эмиграцией, но и оставшиеся в стране столпы правозащиты, такие как А. Сахаров, нуждались в длительном отдыхе и в большинстве своем не вели активной политической деятельности. Исключение составили несколько активистов (В. Новодворская, А. Тимофеев и др.), которые включились в неформальное движение либо благодаря своему статусу и позиции смогли получить доступ к официальным изданиям (Р. Медведев, И. Шафаревич и др.).

Парадоксальным образом точку в истории диссидентского движения поставило прекращение их преследования. Изменился климат, и динозавры вымерли. Началась гегемония неформалов в общественном движении.

Первоначально неформалами называли широчайший спектр неконтролируемых партией и государством общественно-культурных молодежных инициатив и течений — от филателистов и рокеров до панков и хиппи. В дальнейшем на авансцену общественного движения вышла политизированная часть неформального мира, и слово «неформалы» относилось уже к ним. В дальнейшем мы будем говорить об общественно-политических неформалах.

Еще в конце 50-х — начале 60-х гг. возникли недиссидентские общественные движения, существующие до сих пор и считающиеся классическими образцами неформальных, — экологическое (дружины охраны природы) и педагогическое (коммунары). Длительность существования неформального движения (как минимум с конца 50-х гг.) заставляет предположить, что неформалы — это не просто поколение общественного движения, которое было преобладающим в 1986—1990 гг., а более широкое социально-политическое явление.

Диссиденты, неформалы и демократы представляют собой три волны общественного движения, которые характеризуются различными чертами. Диссидентов отличал приоритет правозащитной тематики и табу на сотрудничество с властями и применение насилия. Демократов характеризовал гораздо более широкий спектр политических интересов и ориентация на сотрудничество и даже подчинение той части правящей элиты, которая публично разделяла идеологические постулаты демократии (часто негативные — антибюрократические и затем антикоммунистические, антишовинистические). Несмотря на первоначальную нелюбовь к насилию, демократы быстро избавились от унаследованных со времен начала перестройки ненавистственных «предрассудков» и довольно активно поддержали показательную стрельбу по зданию Верховного Совета в 1993 г.

Неформалы, если рассматривать их как явление в целом, обнаруживают очень мало табу и ограничителей. Несмотря на то что каждая неформальная группа имела свои мифы, стереотипы и табу, общего идеологического контура практически не существовало (за исключением общих с диссидентами принципов ненасилия, разделявшихся большинством). В неформальной среде довольно спокойно общались «демократы», «патриоты», анархисты, монархисты, коммунисты, социал-демократы и либерал-консерваторы различных оттенков. Иногда и группирование неформалов происходило совсем не по идеологическим принципам, а по направлениям деятельности — защитники памятников, педагоги, экологисты и др.

Особенностью неформального движения является социальное творчество, самоуправление, горизонтально-сетевая корневая структура, ориентация на сотрудничество, конкретное социальное «делание» при радикализме идей. Такая среда могла возникнуть (и возникла) сразу после отказа власти от тотального контроля за обществом (то есть в 50-е гг.). Неформальное движение для большинства участников было «хобби», а не профессиональной деятельностью. Движение развивалось «в рамках сферы свободного времени и интеллигентно-молодежной среды». После того как в 90-е гг. исчезло характерное для советского общества обилие свободного времени при гарантированности заработка, значительная часть актива неформальных движений профессионализировалась в качестве работников общественных организаций и СМИ.

Новым явлением 80-х гг. стало появление политического неформалитета, так как ранее политизация неизбежно превращала неформала в диссидента, а с началом перестройки можно было сохранять неформальный стиль, переходя в оппозицию.

Неформалы могут существовать, не бросая вызов власти и другим официальным институтам. Даже бросив этот вызов, они могут не идти на конфронтацию (что тоже не исключается), а «разъесть» враждебные институты извне и изнутри. Первыми акциями политических неформалов в 1986 г. были кампании за «реформу» (фактически — дезинтеграцию) ВЛКСМ, сбор «социальных инициатив» (то есть социальных проектов, в том числе и оппозиционных), защита памятников культуры в Москве и Ленинграде.

Понятно, что такая среда может играть решающую и наиболее заметную роль в начальные периоды революционного развития — социальное изменение началось, востребуются идеи, широкие социальные слои еще только втягиваются в политическую жизнь, но уже готовы поддерживать локальные социальные инициативы. Ранее неформалы предпочитали действовать «не высываясь», позднее — их оттесняют «перестроившиеся» правящие элиты и массы, ориентированные на вождя (что для неформалов неприемлемо).

Психология первого поколения политических неформалов была сформирована в условиях поэтапного выхода из подполья в 1986—1988 гг., постепенного расширения сферы политических и гражданских свобод. Эти свободы достигались путем постепенного самозащита, когда оппозиция постепенно прощупывала, в какой степени власти готовы уступить.

Мир неформальных организаций представлял собой своего рода модель демократического общества, в котором участники «играли в большую политику», растрачивая энергию на борьбу за места в «координационных органах», отстаивая каждый пункт политических программ с таким жаром, будто работали над проектом судьбоносного закона. Конечно, и в этом был смысл, поскольку неформалы вскоре научились выводить на улицы нешуточные толпы, а их издания превратили гласность в свободу слова. Но и внутриполитические страсти «игрушечной политики» неформалов имели большое значение. Это был беспрецедентный «тренинг», когда сотни будущих

политических лидеров, журналистов, общественных активистов за считанные годы освоили политическую культуру обществ с давними политическими традициями.

Качественным отличием этой политической среды от партийной жизни грани XX—XXI вв. заключается в бесплатности всей работы. Современным российским депутатам, функционерам и пиарщикам трудно понять, каким образом можно «пахать» не за деньги, а за идею. Не было это понятно и функционерам КПСС. В итоге к 1989 г., когда КПСС столкнулась с манифестациями, в которых участвовали сотни тысяч людей, оппозиция сформировала организационные структуры и подробно разработанные программы переустройства общества. Демократические движения 1988—1990 гг., к которым в 1989 г. присоединилось и организованное рабочее (прежде всего шахтерское) движение, восприняли лозунги небольших «разночинных» организаций.

Первое поколение политических неформалов

Особую роль в становлении политического неформального движения сыграл **Клуб социальных инициатив**, созданный несколькими оппозиционно настроенными социалистами (Г. Пельман, Б. Кагарлицкий и др.) и бывшими диссидентами (В. Игрунов и Г. Павловский). КСИ начал работу как общество добровольных социологов, разбиравших письма, пришедшие в адрес «Комсомольской правды». Через эти письма и старые контакты по диссидентскому движению «ксишники» целенаправленно искали социально активные общественные группы и знакомили их между собой. Эта работа получила поддержку со стороны членов Советской социологической ассоциации во главе с академиком Т. Заславской, которая обеспечила КСИ официальное прикрытие. КСИ установил контакты с несколькими неформальными организациями: «Перестройкой», «Общиной», Клубом социально активных людей (КСАЛ), Заочным социально-политическим клубом (ЗСПК). Это привело к формированию целой сети контактов между неформалами.

Весной 1987 г. в КСИ подспудно стало нарастать противоречие между плюралистическим подходом Г. Пельмана (КСИ должен объе-

динять максимально широкий круг социальных инициатив) и стремлением Б. Кагарлицкого сделать клуб более монолитной (в идейно-политическом плане) организацией. Кагарлицкий создал группу по работе со ФСОК «Социалистическая инициатива», которая затем превратилась в самостоятельное формирование. С февраля 1988 г. КСИ был сообществом лидеров, работавших в других организациях. К осени 1988 г. КСИ фактически распался, выполнив свою миссию установления контактов между «социальными инициативами».

Важную роль в становлении политического поля сыграл клуб «Перестройка», у которого было хорошее помещение для дискуссий, и публика сама «слеталась на огонек». «Перестройка» возникла на заседании клуба друзей «ЭКО» (экономический журнал, пользовавшийся популярностью у либерально-коммунистической интеллигенции) в феврале 1987 г., в котором приняли участие сотрудник Центрального экономико-математического института В. Перламутров, экономист-коммунист Е. Гайдар, П. Филиппов, В. Монахов и др. В. Перламутров договорился о предоставлении помещения для клуба в его институте, и ЦЭМИ стал одним из центров общественной жизни. «Первоначально казалось, что дискуссии “Перестройки” будут лишь публичным продолжением академических споров» — вспоминает один из ее активистов В. Игрунов. Но публика не собиралась удерживаться в академических рамках. Ведь она получила место, где можно говорить, что наболело. Гайдар охладел к клубу, другие видные либерально-коммунистические деятели заходили на заседания как почетные гости, но именно гости, а не руководители. Из участников дискуссий сформировалось организационное ядро клуба, в которое помимо Перламутрова вошли О. Румянцев, А. Фадин, П. Кудюкин и др. Одновременно с москвичами действовали и ленинградские «друзья ЭКО». П. Филиппов и В. Монахов инициировали в мае 1987 г. создание «Перестройки» в Ленинграде.

Важную роль в становлении неформальной политики играли идеологические группы, такие как «Община» и «Демократия и гуманизм». Историко-политический клуб «Община» стал ведущей неонароднической организацией времен перестройки. Знамя Лаврова и Бакунина подняла группа студентов МГПИ им. Ленина. Первоначальное ядро клуба (А. Исаев, А. Шубин и В. Гурболиков) в 1985—1986 гг. разра-

ботало концепцию «общинного социализма», близкую народничеству и синдикализму. А. Исаев привлек часть актива подпольного Оргкомитета Всесоюзной марксистской рабочей партии (В. Губарев, А. Василевецкий), и все они вместе принялись агитировать студентов истфака. Используя начавшуюся в декабре 1986 г. «комсомольскую кампанию», «общинные социалисты» вышли за пределы факультета, привлекли в свою группу более широкий круг студентов и установили контакт с КСИ и окружающим неформальным политическим полем. 8 мая 1987 г. было провозглашено создание клуба, который летом стал одним из центральных игроков в московской неформальной политике. Они не примкнули ни к марксистам, ни к либералам, агитируя за новый социализм, основанный на самоуправлении.

В 1987 г. несколько бывших диссидентов создали правозащитный семинар «Демократия и гуманизм». Он собирал около 30 человек. Лидером семинара стала В. Новодворская. «Демократия и гуманизм» стал основным наследником диссидентского движения в неформальной среде. Несмотря на участие в семинаре группы молодых «младомарксистов» (А. Грязнов, А. Элиович и др.), основное направление пропаганды семинара было либеральным. Летом 1987 г. участники семинара попробовали провести несколько уличных акций. Но они были малочисленными (10—20 участников), либо напоминали прогулки по Тверскому бульвару, либо пресекались милицией. Как правило, в присутствии милиции Новодворской и ее товарищам удавалось агитировать прохожих лишь несколько минут. В 1988 г. «Демократия и гуманизм» стал организационным ядром «Демократического союза» (ДС), который унаследовал идеологию и тактику семинара.

Если КСИ и «Перестройка» строили сеть контактов оппозиционеров из столиц, то организаторы **Заочного социально-политического клуба (ЗСПК)** выстраивали сеть провинциальных инакомыслящих. В августе 1986 г. оренбургский инженер А. Сухарев сумел опубликовать в «Комсомольской правде» приглашение всем желающим обсуждать актуальные социально-политические проблемы по переписке. Через некоторое время А. Сухарев оказался буквально завален письма-

ми со всего Союза, которые ему передавали из редакции газеты. Через несколько месяцев возникла сеть переписки в 50 человек, которая в дальнейшем выросла до нескольких сотен адресов. Переписка была организована таким образом: один излагает свою точку зрения в виде статьи, краткого письма следующему; тот — третьему, и так далее. В результате письмо, пройдя цепочку адресов, превращается в рукописный журнал. Теперь люди могли поделиться идеями, которые вынашивались годами в безнадежном политическом вакууме. Все эти идеи, первоначально удивительно похожие из-за общности марксистско-ленинского источника, столкнулись в острой дискуссии. Образовался Заочный социально-политический клуб. За год «политучебы», притока новой информации и новых людей ЗСПК начал расслаиваться, в нем выделились марксистско-ленинское и социал-демократическое крылья, что в 1988 г. привело к расколу.

Клуб социально активных людей (КСАЛ) был создан рижским психологом С. Игоренком в декабре 1986 г. Начав с расследования педагогических преступлений и критики бюрократизма, клуб затем сосредоточился на правовой помощи рабочим (прежде всего рижскому правозащитнику В. Богданову). Вскоре к клубу присоединились активисты в других городах Прибалтики (в том числе каунасский рабочий и будущий депутат К. Уока). Затем кампания в защиту несправедливо уволенного Богданова нашла поддержку среди нескольких московских интеллектуалов и рабочих «правдоискателей», которые начали создавать Межгородской рабочий клуб. Организационную работу по созданию всесоюзного рабочего движения взял на себя И. Шаблинский. Он связал рабочих активистов со столичными учеными-социологами. КСАЛ связался и с неформалами из КСИ и «Общины», которые приняли участие в создании организации рабочих.

В Ленинграде, городе, перенасыщенном оппозиционно настроенной интеллигенцией, быстрее, чем в Москве, начался характерный для перестройки процесс «размножения делением» организаций. В это время в Ленинграде уже возник крупный неформальный центр — в начале года при литературном Клубе-81 возник Совет по экологии культуры, в котором участвовали культурозащитная группа «Спасение», организовавшая кампанию массовых протестов против сноса гостиницы «Англетер», экологическая «Дельта», редакция самиздатского журнала «Меркурий» и др. «Перестройка» также ста-

ла участвовать в совете, претендуя на политическое лидерство. Однако выяснилось, что вся эта система состоит из людей разных взглядов и темпераментов. В апреле 1987 г. из Совета выделился более политизированный «Эпицентр». «Перестройка» одно время пыталась политически руководить «культурниками», но вскоре выяснилось, что в рядах «политиков» тоже нет единства. Обсуждение консолидации общественного движения в «Перестройке» и вокруг нее кончилось скандалом в конце августа 1987 г. Выделилась более радикальная «Рабочая группа Культурно-демократического движения», которая обвиняла «Перестройку» в соглашательстве. Аналогичный процесс назревал и в Москве.

К осени 1987 г. во всех крупных клубах Москвы (КСИ, «Перестройка», «Община») возникли похожие проблемы. Группы стали уже достаточно многочисленными и деятельными. Им было мало одних дискуссий, количество контактов и людей росло. Группы стали почковаться на секции, занятые «практическими делами». В результате между секциями стало ослабевать взаимодействие, они не очень хорошо знали о работе друг друга и обвиняли друг друга в бездействии. Если КСИ распался тихо, а «Община» после кризиса во время «дела Ельцина» смогла сохраниться, то «Перестройка» шумно раскололась на социал-демократическую «Демократическую перестройку» и более радикальную, преимущественно либеральную «Перестройку-88», выделив при этом в окружающее пространство несколько проектов, ставших самостоятельными организациями. Так начинались общество «Мемориал» и Межклубная партийная группа, к 1990 г. выросшая в «Демократическую платформу в КПСС».

«Мемориал» возник в августе 1987 г. как группа по увековечению памяти жертв сталинских репрессий «Памятник» и первоначально действовал в рамках «Перестройки». Целью организации стало строительство памятника жертвам репрессий (такое решение было принято еще XXII съездом партии, но после свержения Хрущева забыто). Но фактически инициаторы понимали идею шире — нужен комплекс с памятником, библиотекой и архивом. Пикеты группы, где собирали подписи в поддержку идеи памятника, действовали с переменным успехом — их то разрешали, то задерживали. Из бесед с гражданами выяснилось, что название неудачно — «Памятник» напоминает «Память». Клуб переименовали в «Мемориал».

Разногласия по поводу участия в уличных акциях не минули и «Мемориал» — радикалы, затем вошедшие в «Демократический союз», считали, что нужно «оставаться на улице» во что бы то ни стало, но большинство мемориальцев предпочли собирать подписи на мероприятиях перестроечной интеллигенции. Это дало эффект — посыпались подписи известных деятелей (Б. Окуджава, А. Приставкин, Е. Евтушенко и др.), на «Мемориал» обратили благосклонное внимание «прорабы перестройки». Одновременно инициативу «Мемориала» подхватили неформальные группы по всему СССР. Подписная кампания увенчалась успехом — Горбачев предложил все-таки построить памятник.

«Мемориал» тем временем превращался в одно из крупнейших общественных объединений. Для того чтобы придать обществу более respectable вид, было решено создать общественный совет из видных деятелей культуры. 25 августа был образован общественный совет, в который вошли А. Адамович, Г. Бакланов, В. Быков, Е. Евтушенко, Д. Лихачев, А. Сахаров, М. Ульянов и др. 28—29 января 1989 г. прошла учредительная конференция Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». «Мемориал» постепенно вовлек в свои ряды большинство оставшихся в стране правозащитников и стал крупнейшей правозащитной организацией страны. Сопредседателями общества были избраны историк Ю. Афанасьев, писатели А. Адамович и Ю. Карякин. Создание мемориала памяти по-прежнему считалось главной целью организации. В конечном счете политическая, просветительская и правозащитная структура приобрели самодовлеющее значение. «Мемориал» принимал участие в выборах 1989 г., в организации митингов и других мероприятий демократического движения. Идея мемориала отошла на второй план в «Мемориале», и он стал воспринимать свою деятельность как дань памяти жертвам террора. Все же в 1991 г. жертвам был установлен скромный памятник — Соловецкий камень на Лубянской площади.

Особняком стояло «патриотическое» общество «Память», вызывая отторжение других неформалов своими ксенофобскими шовинистическими лозунгами (борьба с «сионо-масонским заговором»

в КПСС и во всем мире). «Память» сформировалась в 1979—1983 гг. как общество книголюбов, с 1983 г. называлось историко-литературное любительское объединение «Память». После прихода к руководству патриотическим объединением «Память» Д. Васильева в конце 1985 г. эта организация стала быстро радикализироваться. Несмотря на заявления о лояльности КПСС во главе с М.С. Горбачевым, разъезжавший по стране Васильев вел агитацию против сионизма, ритуально отмежевываясь от антисемитизма. Магнитофонные записи выступлений Васильева имели успех у антисемитски настроенной публики. Опираясь на «Протоколы сионских мудрецов», Васильев рисовал картину мировой борьбы между сионизмом и патриотическими силами. Перестройку Васильев трактовал как очищение партии и государства от «сионистской агентуры», поддерживал борьбу с «алкоголизацией» страны. Под влиянием этой агитации «Память» стала разрастаться. В феврале на базе части трезвеннического движения возникла сильная организация «Памяти» в Новосибирске.

Всесоюзную известность «Память» приобрела после демонстрации в Москве 6 мая 1987 г. Объединение «Память» стало первой неформальной организацией, которая смогла провести в столице настоящую несанкционированную демонстрацию, хотя и не оппозиционную. Поводом для выступления стало разрушение одного из символов Москвы — Поклонной горы. Там еще при Гришине было решено построить памятник Победы. Грандиозный проект был не только безвкусным и капиталоемким, но и разрушительным. Гора была фактически скрыта под фундамент огромного каменного флага и колоссальных фигур воинов. Защитники памятников культуры выступали с протестами на различных форумах. В итоге было решено объявить конкурс на лучший проект. 15 января в Манеже открылась выставка, на которой были представлены проекты Всесоюзного творческого конкурса на лучший вариант главного памятника Победы на Поклонной горе. Победителя конкурса так и не определили. Памятник потом делал Зураб Церетели.

Но в 1987 г. еще казалось, что вопрос о памятнике может быть решен не кулуарно, а на основе публичного обсуждения. «Память» решила воспользоваться ситуацией для уличного выступления. Были выдвинуты лозунги «Прекратить работы на Поклонной горе!», «Требуем

восстановить Поклонную гору!». Выступавшие поддерживали проект своего товарища В. Клыкова. Другие лозунги рекламировали название объединения: «ПАМЯТЬ народа священна!», «Статус историко-патриотическому объединению “Память”!». В СССР новые общественные организации не имели правового статуса, что затрудняло их работу.

Набрав «критическую массу» в несколько сот человек на Манежной, колонна патриотов и любопытствующих двинулась по ул. Горького к Моссовету. Во главе колонны развевался красный флаг. Милиция получила указание не препятствовать выступлению, движение по улице было перекрыто. Ельцин принял участников демонстрации. Он согласился, что в прежние годы было разрушено множество памятников истории и культуры, но утверждал, что теперь положение изменилось. Обсуждалась необходимость обеспечения конституционного права на митинги и демонстрации (в результате были приняты временные правила о митингах, которые вызвали недовольство неформалов своим авторитарным характером).

После акции началась кампания травли «Памяти» в прессе, которая принесла ей дополнительную известность и популярность в среде националистической общественности.

С 1987 г. стали выходить многочисленные журналы неформалов. В августе 1987 г. участник диссидентского движения А. Подрабинек и его товарищи стали выпускать информационное издание «Экспресс-хроника». Они фиксировали события общественного движения, о которых умалчивала официальная пресса. По стилю «Экспресс-хроника» напоминала «Хронику текущих событий» диссидентских времен. В июле начал выходить самиздатский правозащитный журнал С. Григорьянца «Гласность». В Ленинграде вышел либеральный самиздатский журнал «Меркурий». В сентябре к либеральным изданиям добавилась социалистическая пресса: неонароднический журнал «Община» и затем левомарксистский «Свидетель» (позднее «Левый поворот»). Эти издания содержали не только информацию об общественном движении, но и почерпнутые в спецхранах и другой литературе малоизвестные сведения о борьбе с коммунистическими режимом и

идеологией, проекты преобразований в стране и политическую аналитику. Первоначальные тиражи этих изданий составляли десятки экземпляров, но в 1988 г. машинистки неформалов самоотверженным трудом довели тиражи до сотен экземпляров, так что хватало не только самим неформалам, но и некоторым сочувствующим движению людям. Мечтой неформалов этого времени было получить доступ к типографии, чтобы печатать свои издания хотя бы тысячным тиражом — благо спрос был неограниченным. Острота обсуждения проблем и широта тем неподцензурных изданий были гораздо большими, чем даже у самой «перестроечной» официальной прессы.

«Встреча-диалог»: рождение политического поля

Возникновение и выход из подполья десятков общественно-политических организаций неизбежно вел к возникновению политического поля — системы взаимодействующих политических организаций различных идеологических направлений. Собственно, именно этого поля не хватало в СССР, чтобы возникло полноценное гражданское общество. Его элементы уже существовали, но в единую систему их могло соединить только политическое поле.

20—23 августа в ДК «Новатор» под эгидой Черемушкинского и Севастопольского РК КПСС прошла информационная встреча-диалог «Общественные инициативы в перестройке». Собрались представители 50 клубов из 12 городов — в зале сидело более 300 человек. Все на этой «встрече» (чтобы не называть сборище оппозиционеров конференцией и тем более съездом) было впервые. Участники не знали, повторится ли возможность вот так «вывалить наболевшее» перед публикой, и «несли» кто во что горазд. Несмотря на участие во встрече либеральных партийных аппаратчиков, конференцию вели представители самих неформалов.

«Августовская встреча производила впечатление нереальности того, что происходит. Такого не может быть. Слишком много свободы, люди раскованно говорят», — вспоминает П. Кудюкин. — Интригой первого дня встречи было: давать ли слово Новодворской. Социалисты говорили, что нас всех прихлопнут и закроют. Она же с ее сторонниками — объективные провокаторы. На что мы начали воз-

ражать: “Демократы мы в конце концов или не демократы. Ей нужно дать слово. А как же иначе мы будем с ней спорить”.

Вышла Валерия Ильинична Новодворская и начала гвоздить КПСС... “Что же, мы так собрались и разойдемся? Предоставим возможность партократам поплясать на наших костях? Я предлагаю провозгласить это заседание Учредительным собранием России!” Гриша Пельман, который упрасивал представителей парторганов предоставить под это дело помещение, не знал, куда деваться. Если эта толпа вдруг провозгласит себя учредительным собранием, посадят одного». Несмотря на то что неформалы в большинстве своем не одобряли речи Новодворской, но они голосовали за то, чтобы «экстремисты» продолжали говорить. Это было пока непривычно и потому интересно.

Идею самопровозглашения себя учредительным собранием почти никто не поддержал, но и расходиться просто так неформалы не хотели. Пора было создавать «большую организацию». «Поскольку мнения были самые разные, то решили создать специальную группу для выработки решения. Эта группа скоро распалась на две. Одна — мы с Кагарлицким — решила создать Федерацию социалистических общественных клубов (ФСОК). Мы заготовили резолюцию, частично переписав ее из декларации «Общины». Тактическая часть о КПСС была прописана Кагарлицким», — рассказывает А. Исаев.

Декларация ФСОК стала компромиссом между идеями «общинников» и левых марксистов (прежде всего Б. Кагарлицкого). В Декларации ФСОК множество текстуальных совпадений с декларацией «Общины», но первая более умеренна и не ссылается на народнических авторитетов. Идеологи ФСОК пророчески утверждали: «Вопрос победы перестройки является вопросом жизни и смерти социализма в СССР».

«В то время как “общинники” и часть “ксишников” объединяли всех за социалистическую идею, мы решили, что можно объединить “всех хороших”. Так возникла идея АКОИ (Ассоциация “Кольцо объединенных инициатив”). Загадочное название, рожденное Пельманом, — рассказывает П. Кудюкин о попытке создать структуру, параллельную ФСОК. — ...Вообще в нашем отношении к социализму было больше психологии, чем идеологии. Я был социалистом, но в то же время не хотелось быть очень официозными. Меньше социализма — меньше официоза. На повестке дня стояли (как и сейчас) общедемократические требования. Будут они нормально выполне-

ны, сможем мы и насчет социализма доспорить». Впрочем, АКОИ как структура фактически не функционировала, в отличие от ФСОК». Впоследствии не удавшаяся в 1987 г. модель АКОИ возродилась при создании Московского народного фронта (МНФ) в 1988 г. Но пока социалистическая стратегия неформального движения возобладала.

Встреча завершалась в ощущении изнеможения от наговоренного. «Когда все заканчивалось, вообще все, слово брал Жириновский и при свете гаснущих ламп уходящим людям что-то вещал. И в отличие от нынешних времен мало кто его слушал».

Федерация социалистических общественных клубов (ФСОК)

ФСОК стала первой в стране всесоюзной политической организацией, существовавшей легально. Эта была первая всесоюзная протопартия времен перестройки. Первоначально в нее вошли «Община», КСИ (реально участвовала только группа Кагарлицкого «Социалистическая инициатива»), Московская группа ВСПК, московская и ленинградская «Перестройки» (реально участвовала только небольшая группа московских «перестройщиков»), «Лесной народ» (близкая общинникам педагогическая группа, лидеры которой вскоре присоединились к «общинным социалистам»), «Альянс» (молодежная секция ФСОК, созданная «Общиной»), несколько интернациональных бригад (молодежных групп, специализирующихся на интернациональной работе), педагогическая группа «Юные коммунары-интернационалисты», клубы «Альтернатива» из Архангельска и «Планета» из Оренбурга и еще несколько клубов, позднее фактически не участвовавших в работе ФСОК. До конференции ФСОК был создан оргкомитет федерации, которым фактически руководили Б. Кагарлицкий и А. Исаев. В конце 1987 — начале 1988 г. ФСОК вобрала в себя десятки организаций.

Основная работа ФСОК заключалась в выстраивании своих организационных структур, объединении («собирании») клубов социалистической ориентации и выработке общей для них программы, в распространении идей демократического социализма. ФСОК и ее клубы организовали проведение регулярных лекций, где сообщали шокирующие подробности из истории коммунистического режима

и рассказывали о социалистических идеях, альтернативных марксизму-ленинизму. Для того чтобы проводить организационные мероприятия, ФСОК вступила в контакты с партийными органами, но они выделили для работы с неформалами комсомольский аппарат.

Органы ВЛКСМ, которым было поручено «курировать» неформальные движения, первоначально планировали возглавить всесоюзную конференцию Федерации социалистических общественных клубов (ФСОК). Столкнувшись с «неуправляемостью» лидеров организации Б. Кагарлицкого и А. Исаева, аппарат ВЛКСМ наложил запрет на проведение съезда неформалов-социалистов. В ответ неформалы заявили, что все равно проведут конференцию, хотя бы и в подполье. Возникновение всесоюзного оппозиционного социалистического движения стало бы крупным провалом ВЛКСМ, и в конце концов удалось достичь компромисса — конференция 30—31 января 1988 г. станет региональным московским мероприятием, но зато будет проведена в здании гостиницы «Юность», что позволит привлечь внимание официальных СМИ, включая телевидение. Вечером в другом месте была проведена полулегальная конференция провинциальных клубов, на которой обсуждались возможности взаимодействия неформалов в масштабе страны. Так что фактически конференция получилась всесоюзной.

Несмотря на нападки со стороны комсомольских аппаратчиков, неформалы сумели обсудить свои внутренние вопросы, ознакомить представителей прессы со своими программами и даже подвергнуть острой критике аппаратчика ЦК ВЛКСМ К. Затулина за участие в подавлении проельцинских выступлений в МГУ.

Становление ФСОК завершилось в канун перехода неформалов к активным уличным действиям — на слете 1—2 мая 1988 г. Сюда пришло 118 делегатов из 39 организаций общей численностью свыше тысячи человек. Поскольку в Москве для всесоюзного форума такой организации нельзя было найти помещения, слет прошел в лесу недалеко от г. Дедовска Московской области. Главная задача слета заключалась в том, чтобы принять политическую программу и таким образом окончательно превратить ФСОК в реальную политическую организацию. «Общинники» и марксисты сумели согласовать программные документы. В то же время ни «общинники», ни левые марксисты не считали необходимым вставать в резкую оппозицию к КПСС. Их стратегия заключалась в давлении на КПСС, рассчитан-

ном на поддержку левосоциалистических сил в партии. Поэтому программные документы ФСОК получили название «Обращение к XIX партконференции» и «Возможные предложения перестройки в СССР». Однако издания ФСОК не скрывали, что будут бороться за эти принципы независимо от того, учтет ли их КПСС.

Социалистическим идеологам ФСОК было важно совместить свои социалистические принципы (самоуправление трудящихся, коллективное распоряжение средствами производства, синдикалистский принцип делегирования при формировании системы власти) и возможности создания широкого демократического блока. Программа включала радикально сформулированные требования свободы слова, печати, собраний.

Теперь можно было переходить от теории к практике — к уличным действиям (см. главу 10).

Если считать общесоюзные политические организации времен перестройки партиями, то первая из них сформировалась в период между 28 августа 1987 г. и 1 мая 1988 г. ФСОК отказалась называться партией по принципиальным соображениям — входившие в ее состав «общинники» выступали против как однопартийной, так и многопартийной системы.

Новые политические организации не были партиями в классическом смысле слова, и поэтому их правильнее называть протопартиями. Но и нынешние российские партии серьезно отличаются от классических западноевропейских образцов. И будут ли эти образцы когда-либо достигнуты (скопированы), или Россия пройдет мимо них на пути в будущее?

Социалистической партией ФСОК так и не стала — в конце 1988 г. она раскололась на сторонников «Народного фронта» и неонародников (социалистов-федералистов), в дальнейшем — анархо-синдикалистов.

Социально-экологический союз (СоЭС)

СоЭС стал «протопартией зеленых» и сохраняется до сих пор как международная общественная организация. Создателями СоЭС стали участники и союзники движения Дружин охраны природы (ДОПов).

В 1985—1986 гг. активисты студенческих дружин столкнулись с проблемой: ДОПы теряли связи с бывшими участниками движения после того, как они переставали быть студентами. В августе 1985 г. была создана Группа связи выпускников, которая выработала идею создания общественной организации бывших и нынешних участников ДОП, а также всех людей, озабоченных экологической проблематикой.

3—9 августа 1987 г. в Кавказском биосферном заповеднике Гузепиль прошла конференция 17 делегатов, на которой было провозглашено создание СоЭС и заявлено о подготовке полномасштабной учредительной конференции крупной экологической организации. Во время дискуссии возникли две точки зрения, конфликт между которыми преследовал затем СоЭС на протяжении всей его истории. Часть делегатов (прежде всего «старые доповцы») настаивали, что в экологии разбираются прежде всего специалисты-биологи, они должны осуществлять лоббирование интересов природы в органах власти, осуществлять профессиональную оценку экономических проектов. Этому биолого-экологическому подходу оппонировали сторонники социально-экологического подхода (Б. Склярченко и А. Шпунт), которые доказывали, что решение экологических проблем возможно лишь при условии социальных и политических преобразований, активного участия экологов в политической жизни. Реальным лидером СоЭС стал С. Забелин, маневрировавший между этими двумя точками зрения.

В 1988 г. социально-экологическая точка зрения получила практическое подтверждение — в экологическое движение двинулись массы, причем, как правило, независимо от ДОПов. В апреле над Нижним Тагилом из-за штиля образовался ядовитый смог. 5 апреля десять тысяч жителей вышли на митинг в защиту окружающей среды и против катастрофического состояния экологии города.

В мае — июне группы «Битца», «Тушино» и другие митинговали в центре Москвы против планов вырубке деревьев столичных парков. Группы протестующих против тех или иных экологически опасных объектов возникали на местах десятками. Но только ДОПы имели всесоюзную сеть контактов экологических организаций, и им оставалось только включать в состав движения неопитов. СоЭС установил контакты с широким кругом специалистов-экологов, включая академика А. Яблокова и Н. Реймерса. Было решено создать в

конце декабря объединенную конференцию экологических организаций и движений. Первоначально планировалось создать более широкое Экологическое общество СССР, но лидеры различных экологических течений не смогли договориться, и часть научной экологической общественности не вошла в СоЭС и 24 декабря создала Экологический союз во главе с Н. Реймерсом.

На конференцию, которая прошла 24—26 декабря 1988 г., съехались представители 150 групп из 90 городов страны, которые приняли устав Социально-экологического союза (СоЭС). В него вошли группы, возникшие на волне акций протеста против вредных производств. Костяк организации составили бывшие «дружинники». В кулуарах конференции по инициативе С. Фомичева был создан оргкомитет будущей партии «Зеленых». СоЭС в 1989—1990 гг. сам фактически стал партией «Зеленых» и провел 6 своих членов в депутаты.

Уход части профессионалов усилил социально-экологическое течение в СоЭС. В 1989—1990 гг. организация быстро росла за счет местных «непрофессиональных» групп, и экологическое движение добилось крупных успехов (решения об остановке строительства ГЭС, АЭС и химзаводов, канала Волга — Чограй и др.).

* * *

Когда мы говорим о политическом спектре, который формировали неформалы в 1987 г., речь идет прежде всего о Москве и Ленинграде. Другие регионы России, Украины и Белоруссии (ситуацию в других республиках мы здесь оставляем в стороне) отставали от столиц на несколько месяцев. В 1987 г. в нескольких городах возникли активные неформальные группы, но только в 1988 г. в провинции сформировались свои «политические спектры», в целом соответствовавшие спектру в столицах, хотя и со своими особенностями.

География неформалов. 1987 год

Апатиты

26 июня на базе Полярного геофизического института было создано Добровольное общество содействия перестройке. Первоначаль-

чальная численность — 8 человек, которые пропагандировали общедемократические и социал-демократические идеи. В июле 1988 г. общество попробовало участвовать в местных выборах, с октября — проводило митинги. В 1989 г. при поддержке движения избран депутат СССР А. Оболенский.

Барнаул

Осенью 1987 г. несколько полуподпольных групп приняли участие в инициированной экологами кампании против строительства Катунской ГЭС. Экологи включились в работу СоЭС, а политики создали Политцентр, в который вошли: группа студентов-историков «Устная история», группа «творческой молодежи» «Авангард», «Движение 5 мая» (студенты-экономисты, критиковавшие КПСС с марксистско-ленинских позиций), «Красные неформалы» (сторонники «военного коммунизма»). В 1988 г. Политцентр подключился к кампании «Мемориала» и протестам против номенклатурного подбора кандидатов на партконференцию. Марксисты-ленинцы ушли из Политцентра, создав коммунистическую группу «25 октября». Демократы создали более широкое общедемократическое «Общество активных сторонников перестройки».

Красноярск

В 1983 г. друзья Н. Клепачева, уволенного с работы за критику, стали бороться за его восстановление на работе. В мае 1987 г. они создали «Комитет за реабилитацию Н.А. Клепачева», который в 1988 г. добился победы — Клепачев был восстановлен на работе. Тогда организация была переименована в Комитет содействия перестройке (КСП). Комитет боролся за демократизацию жизни в трудовых коллективах, против злоупотреблений должностных лиц, направлял письма с критикой местных властей, за что подвергся «проработке» в прессе. КСП проводил митинги (первоначально в союзе с экологами, затем — на общедемократической основе). Лидер КСП В. Масанский был исключен из КПСС. Комитет вошел во ФСОК, вместе с политклубом «Отечество» (существовал с 1986 г.) и экологами — в краевую ассоциацию политклубов, затем — в общедемократическое движение.

Набережные Челны

В 1982 г. возникла комсомольская дискуссионная группа (лидер — слесарь В. Писигин), которая принялась искать истоки нынеш-

них социальных проблем. Изучив партийную историю 20-х гг., группа перешла на бухаринские позиции, в апреле 1987 г. выступила с требованием реабилитации Бухарина и создала Политклуб им. Н.И. Бухарина. Клуб занимался не только пропагандистской работой, но и кооперативной деятельностью, претендовал на организацию «политической поддержки кооперативного движения». Активисты клуба заняли видные посты в комсомольском аппарате (включая первого секретаря горкома). В августе 1988 г. клуб организовал конференцию кооперативов (представители 4 тыс. кооперативов из 29 городов), где была создана их федерация во главе с Писигиным. Правда, в 1988 г. устойчивая политическая организация кооперативного движения еще не могла возникнуть — кооператорам были нужны связи с властью, куда неформалы пока не попали.

Пермь

В 1986 г. существовавшая с 1983 г. подпольная «Группа продленного дня» (лидер Б. Ихлов) провозгласила себя Союзом коммунистов (не выходя из подполья). Легально действовал Общественный экологический комитет (с 1987 г.) и «семинар». В начале 1988 г. Союз раскололся на коммунистическое и социал-демократическое крылья (Клуб социальных инициатив). В 1988—1989 гг. Союз коммунистов вместе с «Мемориалом», пермским отделением КСИ и Экологическим комитетом создал клуб «Диалог», а затем участвовал в создании Клуба избирателей. В 1990 г., во многом под влиянием клуба «Рабочий», Союз коммунистов пришел к выводу, что общедемократические структуры, созданию которых он содействовал в Перми, носят «буржуазный характер», комитет избирателей является трамплином к власти «буржуазных демократов», и нужно работать на благо специфических интересов рабочих. В 1991 г. Союз организовал Пермский рабочий союз, придерживавшийся марксистской идеологии и входивший в межрегиональное общественно-политическое объединение «Рабочий».

Свердловск

В декабре 1986 г. студенты-философы и рабочие турбомоторного завода создали дискуссионный клуб «Рабочий», придерживавшийся марксистско-ленинской идеологии. Лидером клуба, разрабатывавшего тему прогрессивности рабочего класса, был Е. Базаров,

затем — рабочий В. Буртник. Постепенно клуб по линии ВСПК и ФСОК установил контакты с аналогичными группами Урала и Поволжья. В 1990 г. было создано региональное общественно-политическое объединение «Рабочий».

Демократическое движение в Свердловске около года представляла группа «Митинг-87» (названа в честь митинга в защиту Ельцина). Объединяла ельцинистов и членов ДС, проводила митинги против сталинизма и произвола номенклатуры КПСС, часто разгонявшиеся. Не входившая в ДС часть членов «Митинга-87» была затем поглощена общедемократическим движением.

Дискуссионной площадкой, аналогичной московской «Перестройке», был клуб «Дискуссионная трибуна», организованный Г. Бурбулисом.

Глава 8 ДЕЛО ЕЛЬЦИНА

Трещина в Политбюро

19 января, при обсуждении доклада Горбачева на приближающемся январском Пленуме, Ельцин выступил с критикой: «оценки состояния перестройки в проекте завышены», «поражены все эшелоны» власти, нужно назвать по именам виновных в доперестроечном руководстве и более критически отнестись к деятельности нынешнего. Что касается «революционной перестройки», то это — сомнительный тезис.

В целом эта критика укладывалась в «андроповскую» линию. Горбачев отверг критику, приводя цитаты из доклада, вполне достаточные, на его взгляд: «Что поражены все эшелоны — согласиться нельзя. Если это так, то надо перетрясти все кадры». Горбачев был обижен, и на следующий день в разговоре с Воронниковым дал волю чувствам: «Методы Ельцина — заигрывание с массами, обещания, перетряска кадров, много слов, мало конкретной работы». Пытаясь справиться с проблемами Москвы административными методами,

первый секретарь постоянно «перетряхивал кадры», что вело к дезорганизации управления. В то же время он демонстративно встречался с населением то в троллейбусе, то в магазинах, тут же «наводил порядок», творя суд над нерадивыми чиновниками и работниками торговли.

23 апреля Горбачев на Политбюро резко критиковал «Московскую правду». Она «разжигает страсти», разоблачая привилегии номенклатуры. Ельцину было указано «разобраться». В августе возникло новое поле напряжения — неформалы требовали обеспечить право на митинги, закрепленное в Конституции. Ельцин поставил Политбюро в известность и приказал исполкому разработать «временные правила о митингах и демонстрациях». В сентябре они были опубликованы и, как мы увидим ниже, вызвали крайнее недовольство неформалов, посчитавших, что конституционные права граждан слишком ограничены. Лигачева правила тоже возмутили, но по прямо обратным мотивам: «принятый Моссоветом порядок беспределен», вопреки поручению Политбюро Ельцин не согласовал окончательное решение Моссовета в партийном ареопаге. Было решено разработать общесоюзный указ. Этот драконовский закон и был принят в августе 1988 г., в разгар кампании митингов.

Обсуждение своеволия с митингами сопровождалось «разносом» Ельцина и по другим вопросам. Через два дня, 12 сентября, Ельцин направил Горбачеву, отдыхавшему в Крыму, письмо, в котором заявил: «Я оказался неподготовленным со всем своим стилем, прямотой, своей биографией работать в составе Политбюро». Уже эта мотивировка показывала, что Ельцин готов остаться, если среда подстроится под него — такого прямого, с такой биографией. До 1985 г. Ельцин подстраивался под номенклатурные правила, а теперь пришло время выбора: или стиль Ельцина, или «застой». По существу, Ельцин потребовал изменения «стиля» Политбюро и особенно Секретариата, то есть Лигачева. Но Лигачев тоже «прямой» и «с биографией», так что Горбачеву нужно выбирать. Впрочем, Ельцин делает и более глубокие выводы о перестройке из этого частного случая: «Задумано и сформулировано по-революционному. А реализация, именно в партии, — тот же, прежний конъюнктурно-местнический, мелкий, бюрократический, внешне громкий подход». Члены ЦК проявили гибкость, «пере-

строились», как удобно Горбачеву. Ельцин не удобен и не хочет «мешать Вам в работе». Вывод — заявление об отставке.

Прочитав такое письмо, Горбачев предложил Ельцину пока подождать. Впереди был «этапный» доклад на 70-летие Октября. Как опытный технолог власти, Горбачев предпочел бы использовать протест Ельцина против консерваторов, чтобы самому остаться «над схваткой».

Октябрьское выступление

21 октября прошел Пленум ЦК КПСС, посвященный предстоящему празднованию 70-летия Октябрьской революции и «гвоздю» юбилея — докладу Горбачева. Член Политбюро Г. Алиев «по болезни» ушел на пенсию (в 1990 г. он вернется к активной политической жизни). Но главным событием стало неожиданное выступление Б. Ельцина. В перестроечном руководстве возникла первая трещина, которая через несколько лет приведет к смене власти.

После того как закончилось выступление Горбачева, прения было решено не проводить. Замечаний по его докладу не было. И тут Ельцин попросил слова: «В первом ряду зала, где сидели кандидаты в члены Политбюро, как-то неуверенно поднял руку Б.Н. Ельцин, потом опустил. Горбачев: “Вот у Ельцина есть вопрос”. Лигачев: “Давайте посоветуемся, будем ли открывать прения?”. Послышались голоса: “Нет!” Ельцин было привстал, потом сел. Вновь подал реплику Горбачев: “У товарища Ельцина есть какое-то заявление”. Тогда Лигачев предоставил слово Ельцину. Вышло все так, будто один раздумывает, говорить или нет, а второй его подталкивает выступить». В других случаях Горбачев «свертывал» обсуждение, предлагая решить «непрофильные» вопросы в частном порядке. Р. Пихоя даже пытается вовсе снять с Ельцина ответственность за выступление: «Его вынудили выступать. Он и выступил». Это, пожалуй, слишком. Никто не заставлял Ельцина тянуть руку. Но очевидно, что Горбачев был заинтересован в том выступлении, как он его ожидал. Но услышал он нечто иное.

Поведение Горбачева наводит на мысль, что первоначально он рассчитывал, что ничего серьезного не произойдет, Ельцин обрушится на консерваторов, консерваторы на Ельцина, и Горбачев подтвер-

дит позицию верховного арбитра. Текст выступления Ельцина почти удерживается в рамках этого сценария, и резкая реакция собравшихся (в том числе либерального крыла руководства) кажется странной. Эта реакция и резкость оценок самого Горбачева показывают — Ельцин не удержался в рамках правил игры. Что же в его выступлении было такого недопустимого?

Выступление Ельцина никем (вероятно, и им самим) не готовилось — и получилось сумбурным. Позднее и Ельцин, и его сторонники вкладывали в его речь смысл принципиальных разногласий с правящей группой. Но главной мишенью Ельцина была не группа, и не Горбачев, а Лигачев, с которым к этому времени возникло множество трений. Ельцин не говорил о принципиальности этих разногласий, скорее — об отсутствии «партийного товарищества». Получалось что-то вроде ленинского «Сталин слишком груб». Ельцин надеялся «свалить» Лигачева, который допускает авторитарный стиль руководства. Понимая, что Горбачев может по своему обыкновению сгладить конфликт, Ельцин подал в отставку — получалось: или Лигачев, или я. Такой «шантаж» не был принят в партии и вызвал ропот в зале, а затем и резкие обвинения в амбициозности.

Ничего антигорбачевского в выступлении сначала нет, напротив, Ельцин ссылается на горбачевские призывы извлечь уроки из прошлого.

Но, как бы распаляясь, Ельцин стал критиковать и ход перестройки, что явно выходило за рамки «сценария»: «Сейчас чувствуем волнообразный характер отношения к перестройке. Сначала был сильнейший энтузиазм — подъем... Затем, после июньского Пленума ЦК, стала вера какая-то падать у людей... Они реально ничего за это время и не получили». Ельцин, таким образом, связал июньский Пленум, то есть провозглашение экономической реформы, с недовольством. Он не предлагал никакой альтернативы, но выступление звучало как критика экономического реформизма со стороны радикала-«пуританина», «тени Андропова». Ельцин заявил, что установление рамок перестройки в 2—3 года ошибочно (в действительности Горбачев о таких рамках не говорил), что партии не хватает «революционного напора» в проведении перестройки. Вернувшись к вопросу о ситуации в руководстве, Ельцин раскритиковал славословие

в адрес Горбачева, косвенно выступив и против самого Генсека, — если есть славословие, значит, Горбачев его поощряет.

В конце выступления Ельцин констатировал, что не может работать в составе Политбюро, прежде всего из-за «отсутствия некоторой поддержки со стороны особенно товарища Лигачева», и подал в отставку.

Поведение Горбачева в начале и конце выступления Ельцина показывает: он рассчитывал, что Ельцин будет просто критиковать Лигачева, и если критика не возымеет действия, то после ноябрьских праздников попросит перевести его на другую работу. Если бы Ельцин просто развел эти два действия — критику и требование отставки, все было бы иначе. Но он смешал два эти компонента, и получился взрыв. Он собрался уйти, хлопнув дверью. Так его и поняли.

Заявление Ельцина вызвало шквал выступлений, и ни один из выступавших не поддержал «бунтаря». Члены ЦК давно ждали повода, чтобы ударить по амбициозному политику. В начале обсуждения Горбачев, уже недовольный Ельциным, еще пытался повернуть ситуацию на запланированные рельсы. Ему пришлось суммировать сумбурное выступление Ельцина. Во-первых, нужно активизировать работу партии, начинать с ЦК и конкретно — Секретариата. Замечания высказаны Лигачеву. Во-вторых, Ельцин критиковал сроки перестройки в 2—3 года. Но такие сроки никто не ставил. В-третьих, не созданы механизмы, «которые исключали бы повторение серьезных ошибок».

Но члены ЦК не собирались держаться в рамках этих пунктов, они припомнили Ельцину и амбиции, и радикализм, и стремление к чисткам. Рыжков обвинил Ельцина в «политическом нигилизме», Чебриков — в подыгрывании Западу. Реформаторы тоже выступили против него. «Выступление ошибочно политически и несостоятельно нравственно», — констатировал Яковлев. Ельцин сдал назад, тут же начал каяться. Он говорил, что имел в виду не всю партию, а только Москву и свою работу. Это по его вине ослабла поддержка перестройки в Москве. Однако отступление Ельцина уже не было оценено. Когда он пытался смягчить свою критику славословий в адрес Горбачева, тут уже Генсек не на шутку обиделся, поняв это как аналогии с культом личности (обсуждавшимся как раз накануне в связи с юбилейным докладом): «Ведь известно, что такое культ лич-

ности... Ты что, настолько политически безграмотен, что мы ликбез этот должны организовать здесь?» Ельцин: «Нет, сейчас уже не надо». Ельцин уколол Горбачева в самое чувствительное место, в его «недоурегулированные» отношения со Сталиным. И обидел. Горбачев назвал выступление Ельцина «выходкой», продиктованной «гипертрофированным самолюбием». Ельцин уже откровенно каялся: «Кроме некоторых выражений, в целом я с оценкой согласен. То, что я подвел Центральный комитет и Московскую городскую организацию, выступив сегодня, — это ошибка». И тут Горбачев задал неожиданный в этой обстановке вопрос: «У тебя хватит сил дальше вести дело?» Зал, распаленный избиением, возопил: «Не сможет он! Нельзя оставлять на таком посту!» Но Горбачев настаивает: «Подождите, подождите, я же ему задаю вопрос. Я бросил ему “спасательный круг” — предложил ему еще раз подумать и снять заявление об отставке». Последний шанс? Ловушка — попроси пощады, а потом все равно снимем? Но уже после праздника. Ельцин снова попросил отставки. «Замылить» вопрос не удастся. Праздник будет испорчен.

Итог подвел М. Горбачев. Он рассказал о своих предварительных разговорах с Ельциным, утверждал, что они договорились вернуться к вопросу после праздников (Ельцин позднее это отрицал), — получалось, что Ельцин вероломно обманул. Горбачеву было невыгодно признавать, что именно он и «вытащил» Ельцина выступать против Лигачева. Во всем виноват Ельцин: «Суетится все время. А нужна выдержка революционная... Такой наскок надо отвергнуть». Интересно, что в политическом смысле Горбачев стал критиковать Ельцина «справа», выталкивая его не на андроповский, а на демократический полюс. Генсек обвинил опального боярина в левачестве и сравнил его с Хрущевым. Он как бы отмежевывался от «безответственного» реформизма перед лицом консервативного крыла. Ведь и он нес ответственность за «выходку» Ельцина. Пришлось защищать Лигачева, мол, — «нас хотят поссорить», а не выйдет.

В специальной резолюции Пленум признал выступление Ельцина ошибочным и фактически санкционировал снятие Ельцина с поста первого секретаря МГК КПСС. Но только после праздников.

31 октября Ельцин пришел на заседание Политбюро, признал свои «амбиции и самолюбие» и сообщил, что бюро просит его остаться

ся, хотя и осуждает выступление. По утверждению Горбачева, 3 ноября Ельцин попросил оставить его на прежней должности. Но было уже поздно — слух о скандале разошелся слишком далеко. Когда Ельцин понял, что его выступление привело к необратимым последствиям, он впал в депрессию.

Конфликт был использован неформалами для уличного выступления — «общинники» собирали подписи в защиту гласности в деле Ельцина. Может, Ельцин и плох, так опубликуйте, что он сказал на ЦК. По крупнейшим городам — Москве, Ленинграду, Свердловску — прокатилась волна демонстраций и митингов, правда, немногочисленных, в поддержку Ельцина. Требовали и опубликовать его речь на пленуме, и вернуть его на пост первого секретаря МГК, и просто поддерживать. На пост Ельцина не вернули, а речь через год опубликовали — в ней действительно ничего особо важного и эпохального не было.

Ельцин уходит, но недалеко

Тем временем сам Ельцин находился в состоянии тяжелой депрессии. 9 ноября он ударил себя ножом для разрезания бумаги, поцарапал грудь, потекла кровь. Ельцина госпитализировали. По докладу Чебрикова на Политбюро, Ельцин в больнице «вел себя шумно, не хотел повязок, постели». Ельцину вкололи успокоительного. Чазов подтвердил, что ранение не опасно, и через 2—3 дня Ельцина можно будет выписать: «А вообще — это амбулаторный режим».

«Попытка самоубийства» была сильным ходом в этих условиях — решение вопроса по Ельцину затягивалось до его выздоровления, а слухи тем временем множились. Горбачев оказался в глупом положении. Он торопил врачей — надо как можно скорее поставить Ельцина на ноги, вывести его на пленум и «решить вопрос». В тот же день Горбачев позвонил Ельцину и сообщил ему, что пленум состоится в ближайшее время: «Москва и так полна слухами о твоём выступлении на Пленуме ЦК и о твоём здоровье. Так что соберись с духом, приедешь в горком и сам все расскажешь».

12 ноября прошел пленум Московского горкома КПСС, на котором Ельцин был снят с поста первого секретаря. Горбачев изложил свою версию событий 21 октября и возложил часть ответствен-

ности на бюро горкома: оно «под влиянием товарища Ельцина пыталось достичь необходимых изменений наскоком, нажимом, окриком, голым администрированием». А это — «приемы из старого арсенала». Все участники пленума, уже долго работавшие с Ельциным, выступили с различными обвинениями. «В ряде выступлений явно сквозили мотивы мстительности и злорадства», — вспоминал Горбачев. Сам Ельцин продолжал каяться. Ельцин был освобожден от должности первого секретаря МГК КПСС и выведен из состава бюро. Новым главой столичной парторганизации стал А. Зайков.

Казалось, карьера Ельцина завершилась. Дальше Горбачев мог легко убрать из поля зрения, отправив послом в какую-нибудь латиноамериканскую страну. Но Ельцин был назначен первым заместителем председателя Госстроя СССР. Это, конечно, было значительным понижением, но все же ранг министра союзного правительства он получил.

Сам Ельцин размышлял о том, «почему все же он решил не расправляться со мной окончательно. Вообще с политическими противниками у нас боролись всегда успешно. И можно было меня отправить на пенсию или послом в дальнюю страну. Горбачев оставил меня в Москве, дал сравнительно высокую должность, по сути, оппозиционер остался рядом... Мне кажется, если бы у Горбачева не было Ельцина, ему пришлось бы его выдумать... Лигачев — консерватор, отрицательный персонаж; Ельцин — забияка, с левыми заскоками; и мудрый, всепонимающий главный герой, сам Горбачев».

* * *

Горбачев был фактическим инициатором выступления Ельцина. Ельцин с миссией не справился, что привело к колебанию политического маятника «вправо». Но Горбачев вовсе не собирался оставаться слева от центра, ему нужно было уравновешивать консерваторов. По законам аппаратной механики под рукой нужен был Ельцин — ослабленный и побитый, но при необходимости готовый снова «укусить» Лигачева. Ошибка Горбачева заключалась в недооценке двух обстоятельств: Ельцин не только ослаблен, но и обижен и злопамятен; ситуация может измениться, народ — выйти на улицу и резко поменять правила аппаратной игры и соотношение сил в стране.

Часть III

ОТ РЕФОРМ — К РЕВОЛЮЦИИ

1988 г. прошел под знаком XIX партконференции. Сначала — выборы на нее, затем — провозглашенной на ней политической реформы и ее дальнейших корректировок. Такова была политика, демонстрируемая в СМИ. Одновременно в стране вспыхивали национальные волнения и движения (см. главу 12), все ярче проступали недостатки начавшейся экономической реформы, на улицу выходили массы с плакатами, не совпадавшими с официальными призывами. СМИ говорили об этом реже, но это видели люди. И значение этих событий оказалось большим, нежели решения XIX партконференции. Реформаторское ядро КПСС во главе с Горбачевым теряло инициативу. Стулья, на которых пытался одновременно сидеть Горбачев, разъезжались в стороны, события нарастали быстрее, чем на них успевали реагировать правители. Если раньше «революционные реформы» меняли страну, то теперь страна стала меняться сама, и реформы лишь подстраивались под перемены. На место «революционных реформ» приходила настоящая революция.

Глава 9 ОБЩЕСТВО ПРОБУЖДАЕТСЯ

Поступаться ли принципами?

Но зима с 1987 на 1988 г. все еще была холодной в политическом смысле.

17 февраля прошел дежурный Пленум ЦК КПСС, посвященный вопросу «О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению». В действительности, никаких существенных реформ в системе образования не планировалось, и докладчик Е. Лигачев рассуждал о проблемах воспитания довольно абстрактно. Он сосредоточился на другом — говорил о классовом воспитании, недопустимости притупления идеологической бдительности. С идеологическим содокладом выступил М. Горбачев, расставивший акценты более либерально, но без «перехлестов» — в духе своего ноябрьского выступления. В то же время он осудил «плакальчиков» по догмам марксизма-ленинизма, словно предвидя письмо Н. Андреевой. В докладе прозвучала фраза о том, что не следует поступаться принципами, которая затем была использована для заглавия нашумевшего письма.

Горбачев осудил критиков периода 1930—1950-х гг., которые видят в этой истории только цепь кровавых преступлений.

Пленум был использован для кадровых перестановок в интересах горбачевского центризма. В Политбюро вошел Г. Разумовский, кандидатом стал Ю. Маслюков из Госплана. Б. Ельцин был освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро.

Рост влияния Лигачева после поражения Ельцина беспокоил уже не только реформистов, но и центристов в Политбюро. «Лигачев в силу своего характера прибирал к рукам все больше власти, — вспоминает настроенный относительно консервативно В. Воротников. — На Политбюро все чаще возникали стычки между ним и Рыжковым...» Лигачев пытался сдерживать идеологические атаки «шестидесятников» на официальные коммунистические мифы. «Страсти кипели. Каждый раз часть членов Политбюро, в первую очередь Лига-

чев, повторяли одно и то же: мы упустили прессу, потеряли всякий над ней контроль, ответственность за это ложится на Яковлева».

* * *

13 марта в «Советской России» было опубликована статья преподавателя Ленинградского технологического института Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами». Полосный материал привлек внимание читающей публики и партийных кадров. Впервые в официальной прессе был опубликован текст с развернутой критикой результатов реформаторской политики. Изначально статья представляла собой письмо в ЦК с критикой антисталинской пьесы М. Шатрова «Дальше... Дальше... Дальше». Редакция запросила Секретариат ЦК, можно ли публиковать такую статью. Секретариат рекомендовал доработать статью и опубликовать в рубрике «полемика». Формально Лигачев сказал редактору Чикину: «Решай сам». В результате «доработки» журналистами «Советской России» текст стал более развернутым и более умеренным.

Тема, которой посвящена статья, как и тема февральского Пленума 1988 г., — скорее повод обратиться к проблеме противостояния консервативного и реформистского течений коммунистической идеологии. Поскольку Андреева — преподаватель, то она пишет о воспитании молодежи, тем более что об этом же говорили Горбачев и Лигачев на февральском Пленуме.

Андреева сетует на то, что СМИ вместо демонстрации достижений социализма концентрируют внимание на пороках системы, «как по команде следуют новые и новые вспышки разоблачений». Но это естественный процесс — о достижениях население уже знает, да и пресса о них пишет по-прежнему. А вот разоблачения — в новинку, это интересно и важно для составления более цельной картины прошлого. Палку еще только начинают перегибать, но Андреева в своем страхе перед разоблачениями сталинизма заглянула дальше — в то время, когда критика Сталина будет и критикой Ленина, всего, что связано с периодом после 1917 г.

Андреева, ссылаясь на Черчилля, положительно оценивает ту систему ценностей, которая возобладала во времена Сталина. С од-

ной стороны — «личная скромность, доходящая до аскетизма, еще не стыдилась сама себя», а с другой — «потенциальные советские миллионеры еще опасались проклевываться в тиши заштатных контор и торговых баз». Андроповские мотивы, которые любит употреблять и Горбачев, в письме напрямую увязаны со Сталиным. Или бой расхитителям, или отказ от аскетизма и поощрение предпринимательства потенциальных миллионеров. Ехать сразу на двух санях Горбачеву становилось далее невозможным, и с конца 1988 г. андроповская струя в его реформах затухает, чистки с помощью арестов уступят место смене кадров в ходе выборов. Правда, знамя Андропова подхватят не только сталинисты, но и демократы.

Андреева ставит главный вопрос, который должен навести порядок и показать, кто есть кто: «признавать или не признавать руководящую роль партии, рабочего класса в строительстве социализма, а значит, и в перестройке». Интересный идеологический нюанс — Андреева фактически раньше Афанасьева печатно высказывает мысль о том, что в СССР не построен социализм — идет пока только его строительство. А значит, сохраняется переходный период, когда можно и суровые методы употребить для поддержания руководящей роли партии.

В завершении Андреева и ее редакторы встают в единый строй с Генеральным секретарем: «Как говорил М.С. Горбачев на февральском Пленуме ЦК КПСС, “мы должны и в духовной сфере, а может быть, именно здесь в первую очередь, действовать, руководствуясь нашими марксистско-ленинскими принципами. Принципами, товарищи, не должны поступаться ни под какими предлогами. На этом стоим и будем стоять. Принципы не подарены нам, а выстраданы нами на крутых поворотах истории Отечества».

Этот пафос действовал на номенклатуру завораживающе. Письмо было составлено так, что «не подкопаешься» — и Сталина немного покритиковали, и Горбачева процитировали, и против травли коммунистов со стороны экстремистов выступили, и за руководящую роль партии тоже. Улетая за рубеж, Горбачев проглядел статью, но пока она не вызвала у него резкой реакции. Но советники Горбачева объяснили ему, что статья тем и опасна, что показывает связь линии Горбачева именно с консервативным крылом партии. Уступи этой

тенденции, наметившейся еще осенью 1987 г., — окажешься в тесной зависимости от номенклатурной массы. Она станет твоей единственной опорой. А там и до судьбы Хрущева недалеко.

Так что Горбачев решил, что статья — вредная и благ плюрализма она не достойна. Но об этом консервативное крыло руководства узнает по возвращении Генсека домой.

* * *

Е. Лигачев отвечал за публикацию статьи и как руководитель Секретариата ЦК, и как куратор идеологии. Он публично поддержал статью на совещании редакторов в ЦК. Статья была напечатана с санкции «сверху» (считалось, что Лигачева, хотя процесс согласований был многосторонним) и тут же перепечатана региональными газетами. Часть аппаратчиков восприняли выход статьи как сигнал к ужесточению идеологической линии. Последовали рекомендации обсудить статью «в коллективах». «Шестидесятники» оказались в некоторой растерянности. «Я находился в среде академической интеллигенции. Все как-то притихли, зашептались. Возникло ощущение, что это какой-то новый поворот, смена идеологических вех», — вспоминает С. Станкевич.

Когда Горбачев вернулся в Москву из Югославии, уже шли разговоры о том, что статья, по существу, направлена против его курса. А тут В. Воротников между делом статью похвалил. По словам Горбачева, Воротников сказал о статье: «Эталон — так бы держать идеологическую работу». Воротникова поддержали Лигачев, Громыко и Соломенцев. Горбачев резко возразил. Не то чтобы он видел в поддержке статьи складывание фракции, скорее — умственную ограниченность, «потолок» своих коллег. 24 марта на Политбюро Горбачев недовольно заговорил о статье: «Некоторые товарищи в Политбюро признали эту статью как эталон, образец современной перестроечной публицистики». А ведь она расходится с положениями ноябрьского доклада 1987 г. К тому же статью не могла написать Андреева, так как в ней есть ссылки на информацию, «которая ей недоступна, ибо о ней знает сравнительно узкий круг людей». Консерваторы упирали на плюрализм: «Мы уже давно решили дать свободу публика-

ции редакциям», — говорил Воротников. Воротников и Лигачев с одобрением оценили «отпор клеветникам», данный в статье. Но Горбачев признавал право на «смелые публикации» только в либерально-коммунистическом ключе, назвал статью подстрекательской и призвал ее осудить. Рыжков перевел разговор в организационную плоскость: почему идеологией занимаются два человека — Лигачев и Яковлев?

25 марта с докладом о статье на Политбюро выступил А. Яковлев. Он высказал версию, что какая-то Андреева не могла написать такой манифест: «Уж больно хлестко написана статья». Текст был составлен так, что «хлестко» воздействовал на сознание номенклатуры. К тому же в статье есть детали, которые не может знать рядовой преподаватель химии (высказывания Черчилля о Сталине, например). Смысл этого подкопа под авторские права Андреевой — выявить силы, которые стоят за ленинградкой. Если Андреева — представитель антиперестроечных сил, то понятно, что за ней стоит Лигачев. На следующее же утро после заседания Политбюро в редакцию газеты «Советская Россия» внезапно нагрянула из ЦК КПСС комиссия, которая принялась изучать подлинник письма Нины Андреевой, всю технологию ее подготовки к печати, тщательно допрашивали на этот счет сотрудников редакции. Найти следы причастности Лигачева к этому процессу не удалось. Впоследствии в консервативных кругах с подачи Чикина даже получила хождение версия, что статья была санкционирована также и реформаторами в Политбюро и идеологическом аппарате ЦК, чтобы «подставить» Лигачева.

Горбачев определился: «Дело не в статье. Дело в том, что ее представляют как эталон, рекомендуют изучать, перепечатывать!» А раз так, надо дать прямо обратные рекомендации. Резко против статьи выступил Рыжков и даже предложил освободить Лигачева от курирования идеологии. Горбачев и большинство Политбюро осудили изложенные в ней идеи как «создание антиперестроечной платформы» и поручили А. Яковлеву подготовить ответ. В этой работе приняли участие также многочисленные помощники Горбачева и членов Политбюро, коллектив «Правды». 5 апреля «Правда» дала решительный отпор «манифесту» редакционной статьей «Принципы пе-

рестройки: революционность мышления и действия». В ней на примере статьи Андреевой говорилось: «консервативное сопротивление перестройке» проявляется в «боязни движения мысли, поисков наилучших путей реализации потенциала социалистической демократии». «Движения мысли» одобрялись в одну сторону. Реформаторская общественность воспряла духом. Теперь любой чиновник, препятствующий высказыванию либеральных взглядов, мог быть объявлен союзником Андреевой. Люди демократических взглядов, раньше опасавшиеся в общественной активности, стали высказываться свободнее, а то и участвовать в оппозиционных выступлениях.

Сенсацией начала мая стало создание неформальной организации, провозгласившей себя партией.

Демократический союз

8—9 мая была создана вторая протопартия, которая, в отличие от ФСОК, назвалась Демократическим союзом (ДС). В оргкомитет партии, созданный в январе 1988 г., вошли участники семинара В. Новодворской «Демократия и гуманизм», группы «Доверие», часть членов клуба «Перестройка-88» и других групп. Партия, программой которой стала многопартийность как таковая, бескомпромиссно критиковала тоталитарный режим КПСС, октябрьский переворот 1917 г. и выдвинула наиболее радикальные формулировки либеральной программы:

«Освобождение от политического насилия и от жесткого политического контроля, от административных методов воздействия на различные социальные структуры должно привести к оздоровлению государственного организма в целом.

Сложившийся за 70 лет советский общественный строй характеризуется следующими реалиями: жесткой идеологической однозначностью, хронической бедностью населения, закрытостью общества, безраздельным господством партаппарата КПСС, преследованием инакомыслящих и бесправием народа.

Предлагаемые нами реформы приведут к замене этих реалий качественно иными: парламентской демократией, плюрализмом, свободной от бюрократического диктата экономикой с допущением ча-

стной собственности на средства производства и возможностью свободной агитации за иной общественный порядок.

Это не модификация общественного строя, это полное его преобразование; таким образом, Демократический союз ставит своей целью изменение общественного строя СССР».

I съезд ДС проходил 7—9 мая в Москве, а затем в Кратово. На него съехалось более 100 человек (53 с полномочиями) из 14 городов. В своем выступлении Новодворская заявила: «Политическая борьба должна быть бескомпромиссной. В этом можно брать пример у большевиков, у которых было одно достоинство: они никогда не шли на компромиссы со своим врагом — самодержавием». Впоследствии оппоненты ДС в неформальном движении называли дээсовцев «белыми большевиками» за непримиримость и радикальную неконструктивность. Дээсовцы обижались на это сравнение, но в 1993 г. в своих мемуарах Новодворская признала, что ее психология была близка именно большевистской.

Прибывший на съезд социал-демократ В. Жириновский призвал действовать в рамках существующей Конституции, но его не подержали.

На следующий день в прения по декларации вмешалась милиция — явившись на квартиру, где происходил съезд, стражи порядка попытались очистить помещение. Присутствие американского телевидения спасло съезд от разгона. Выборы руководства на третий день свелись к преобразованию оргкомитета в Центральный координационный совет ДС. Такое посприание демократических норм вызвало протесты со стороны группы делегатов во главе с В. Жириновским, требовавшим полномасштабных выборов. При обсуждении декларации Жириновский продолжил борьбу против диктатуры президиума, упорно внося поправки. Например: убрать из фразы «КПСС вела народ путем преступлений и ошибок» слово «преступлений», ведь народ в большинстве своем преступлений не совершал.

Поскольку 23 делегата не смогли присутствовать в Кратово (5 уже были задержаны милицией), в голосовании принимали участие 30 человек. Фракция Жириновского набирала 13 голосов, большинство в 17 голосов осталось за Новодворской и Дебрянской. После жаркой дискуссии о том, что, собственно, создается — полити-

ческая организация или партия, большинством в 17 голосов против 13 проголосовали за создание партии. Жириновский и часть других «меньшевиков» в итоге не вошли в ДС. Уже через год Жириновский «перековался» в либерал-демократа, но предпочел приобрести партию «под себя».

Формально ДС не считался либеральной партией, а должен был символизировать собой радикальный фронт всех сторонников многопартийности. В ДС были созданы фракции либералов (В. Новодворская, Е. Дебрянская и др.), социал-демократов (А. Лукашев, В. Кузин и др.) и «еврокоммунистов» (А. Грязнов, А. Илиович и др.).

ДС стал постоянным «политическим раздражителем», классическим образцом «политического экстремизма» времен перестройки, когда верхом экстремизма считалось не применение оружия (ДС до 1991 г. категорически выступал за ненасильственный характер своей борьбы), а демонстративное непризнание существующего режима и его законов. Принципы ДС были просты и вполне соответствовали настроениям общедемократической общественности, но были сформулированы в гораздо более радикальной, шокирующей форме. Мероприятия ДС превращались в потасовки с милицией, где дээсовцы были стороной страдательной — их били дубинками, арестовывали на 15 суток. Но, вопреки идеологии ДС, режим уже давно не был тоталитарным, и за редкими исключениями через 15 суток оппозиционеров выпускали на волю.

Как и все протопартии и партии первого поколения, ДС сотрясали споры и расколы: между умеренными и радикалами, между Центральным координационным советом (ЦКС) и региональными отделениями. Первые несколько месяцев, пока в партии состояла Е. Дебрянская, разногласия возникали также по специфическим сексуальным и алкогольным вопросам.

Хотя ДС и называл себя партией, он не принимал участие в выборах, так как не признавал правомочность советов. По мнению Новодворской, сначала нужно было собрать Учредительное собрание. По мере формирования многопартийности в 1989—1991 гг. часть актива ДС перешла в другие партии. В ДС продолжались споры между «радикалами» и «реалистами» — насколько можно участвовать в работе существующих политических структур, которые уходят кор-

нями в «тоталитарный режим». После распада СССР распался и ДС, большинство его участников покинули как ДС, так и общественную жизнь. ДС превратился в небольшую группу сторонников Новодворской — фактически в ее псевдоним.

Демократический союз стал первой реально действующей оппозиционной организацией, которая провозгласила себя партией. Партии первого поколения представляли собой сети активистов, которые действовали «на энтузиазме», но и активно отстаивали свои взгляды на внутрипартийных мероприятиях. Это было время праздника многопартийной демократии, который после официального перехода к многопартийности в 90-е гг. сменился в большинстве случаев бюрократической дисциплиной избирательных машин, выстроенных не под идеологию, а под группу финансирующих проект руководителей. Промежуточной стадией в развитии многопартийности стали партии харизматических личностей и обломки КПСС, которая уже в 1990 г. стала рассыпаться на фракционные и клановые составляющие.

Второе крещение Руси

В преддверии XIX партконференции прошел еще один форум, который изменил духовный климат в стране. Его значение выходило за рамки текущей политической конъюнктуры. Дело в том, что наступало тысячелетие крещения Руси. Провидению было угодно, чтобы эта дата совпала с атмосферой демократизации. В условиях борьбы за политические и социальные свободы сохранение ограничений на свободу совести было немыслимым. Как писал выпускник Московской духовной семинарии А. Кураев, «еще четыре года назад нам растолковали бы, что 1000-летие — праздник сугубо церковный, но не общенародный. Вспомнили бы, что князь Владимир не был марксистом, ибо укреплял феодализм, а церковные иерархи пособничали ему в этом». Теперь — иные времена. Случайно? Или так и было замыслено где-то на небесах? Впрочем, такой взгляд отвлекает нас от научности.

Горбачев счел за лучшее благосклонно отнестись к мероприятиям, запланированным Русской православной церковью, и нормали-

зовать отношения режима с ней. 29 апреля М. Горбачев встретился с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Священного Синода. Он сказал святым отцам, что необходимо «восстановить ленинские принципы отношения к религии, церкви, верующим». Если бы священники поняли Генсека буквально, они бы вздрогнули, — Ленин был гонителем на Церковь. Но за прошедшие десятилетия святые отцы отлично освоили коммунистический лексикон и теперь довольно кивали. Да-да, восстановить «ленинские нормы».

26 мая в Москве состоялась торжественная церемония передачи Русской православной церкви священных реликвий, хранившихся в государственных музеях Кремля. 5 июня при многотысячном скоплении верующих было совершено праздничное богослужение в Богоявленском соборе. 6—9 июня в Троице-Сергиевой лавре состоялся Поместный собор Русской православной церкви. На собор прибыли 272 представителя от 67 внутренних и 9 зарубежных епархий, 22 монастырей, двух духовных академий, трех семинарий, от зарубежных учреждений РПЦ и от Японской автономной церкви. Собор принял решение о канонизации Дмитрия Донского, Андрея Рублева, Максима Грека, митрополита Макария Московского, блаженной Ксении Петербургской, Амвросия Оптинского, святителя Феофана Затворника. Был принят новый Устав РПЦ, в основу которого легли определения собора 1917—1918 гг. Отныне Поместные соборы должны были проходить раз в пять лет.

Совет Министров СССР впервые в истории отправил собору приветствие. Чиновники были полны самых дружеских чувств, которые изложили языком коммунистической мифологии — «единство народа, граждан вне зависимости от их отношения к религии» подтверждается тем, что «все трудящиеся вместе совершили Октябрьскую революцию». Миф об Октябрьском перевороте как акте единения трудящихся явно не соответствовал «научности», но Церковь терпима к мифам. Началась дружба Церкви и Государства. 10 июня концерт духовной музыки был показан по телевидению — впервые в СССР.

Преследования за участие в церковной жизни отныне прекратились, и народ хлынул в церкви — кто из интереса, кто в силу духовных исканий, кто — стремясь приобщиться к тысячелетней мудрости и отечественной культуре. Для кого-то вступление в лоно Церкви

стало данью моде, для кого-то — раз и навсегда обретенным духовным путем. Церковь стала на деле самостоятельной от контроля со стороны партийно-государственных органов, очередное «пленение» кончилось. Может быть, в этом и состоял метафизический смысл перестройки?

Выборы без выбора

В 1986—1987 гг. перестройка висела на добром слове партийных реформаторов. В первой половине 1988 г. неудовлетворенность населения первыми итогами реформ стала переходить в новое качество. Несмотря на заявления с высоких трибун, вся власть на местах оставалась в руках достаточно консервативных аппаратчиков, и активная часть населения связывала неудовлетворительные результаты реформ с их сопротивлением. Если бы реформаторы «перешли к рынку» уже в 1988 г., как и следовало из логики реформы 1987 г., то они, возможно, столкнулись бы с консервативным социальным протестом, которому неформалы-социалисты попытались бы придать демо-социалистическое звучание. Но поскольку следующий этап социально-экономических реформ задержался на несколько лет, массовое недовольство продолжали вызывать старые структуры партократии.

* * *

В 1988 г. Горбачев перешел к политической реформе. Поскольку съезд КПСС прошел всего два года назад, для принятия исторических решений использовали полузабытую форму партийных конференций, не собиравшихся с 1941 г. Возрождение традиции выглядело как консервативный акт только формально. Все понимали, что расцвет практики конференций — это время Ленина и нэпа. Вообще, с созыва традиционных форумов часто начинаются революции. И на этот раз выборы на конференцию сопровождались оппозиционными уличными выступлениями.

Сегодня партконференция воспринимается как водораздел, после которого начинаются все менее управляемые процессы распада

коммунистического режима. Горбачев начал политические реформы — и смотрите, что получилось. Вот если бы не начал... Консервативные авторы считают, что в этом повороте от экономических реформ к политическим крылась роковая ошибка, которая и привела к краху всей социальной системы. Делом нужно было заниматься, а не болтать и делить власть. Участник событий В. Воротников так формулирует это распространенное мнение: «Горбачев стал нервничать и искать выхода, чтобы подтолкнуть буксующий локомотив перестройки. Здесь ему “подбросили”, или он сам додумался (скорее — первое), на вид отличный стимул расшевелить экономику, двинуть по обновленному, скоростному (как тогда многим казалось) пути перестройку — форсировать реформу политической системы. Вырваться из пут политического консерватизма. Через политику потянуть и экономику. Это был рискованный, ошибочный и, как потом оказалось, гибельный путь не только для экономики, но и для всей общественно-политической системы, для социализма». Воротников считает, что с политической демократизации, начатой на партконференции, и «можно вести отсчет» предательства Горбачевым идеалов социализма.

В этой логике Горбачев представлен всесильной личностью, которая вольна решать, чем и как заниматься. Хотим — экономикой, хотим — политикой. В политике хотим — гайки закрутим, а не пожелаем — откроем двери демократии, предадим «идеалы социализма». Между тем, если конкретно присмотреться к реформам, объявленным на партконференции, картина получится прямо обратная — конституционная система менялась в сторону более авторитарной модели, чем была предусмотрена брежневской Конституцией 1977 г. Ведь очевидно, что однопалатный и относительно компактный парламент при условии выборов из нескольких кандидатов — это более демократичная система, чем предложенная Горбачевым система с огромным съездом и отдельным Верховным Советом. Для полноты картины «демократизации» можно добавить назначение депутатов от общественных организаций и отсеяв неугодных кандидатов на «окружных совещаниях».

В консервативном мифе о перестройке злодеи Горбачев и Яковлев своею волей губят великую державу, подменив эффективные экономические преобразования по Андропову демократическим раз-

валом. Но этот миф не учитывает цепи реальных фактов, которые загоняли Горбачева и его окружение в узкий коридор, из которого ни Лигачев, ни Воротников в 1988 г. не могли предложить выхода. А ведь не неформалы были — сидели в Политбюро. А влияние на ход событий имели меньше, чем уличные «забияки». Горбачев опасался своих консервативных коллег, учитывая опыт Хрущева, и использовал политические реформы, чтобы обезопасить себя от окружения. Но консерваторы, которые могли свергнуть Горбачева в трудный момент реформ, не сумели выдвинуть альтернативы его реформам, и поэтому были бессильны.

Логика событий 80-х гг. оставляла узкие возможности для альтернатив. Мы видели эту цепь событий: кризис социально-экономической системы СССР — авторитарная модернизация по Андропову — ее тупик в 1986—1987 гг. — переход к ограниченным рыночным реформам в 1987 г. — их дефекты, вызванные сопротивлением как раз консервативной бюрократии и объективными трудностями перехода к рынку, — углубление экономического кризиса в условиях недостроенной реформы с хозрасчетом, но без рынка и других механизмов ответственности администрации — рост недовольства, массовые уличные выступления. Выбор был невелик — или сдерживать напор «снизу», направляя его в политические «уловители» вроде выборов, либо вернуться к репрессивной политике и, следовательно, перевести выяснение социальных отношений в область насилия — террора и гражданской войны. Что было еще делать Горбачеву (что мог бы ему предложить Воротников, Лигачев в 1988 г., а не задним числом)? Ввести рыночные отношения, не считаясь с ростом цен (в Политбюро так и не придумали, как избежать роста цен при введении рыночных отношений)? Массовое недовольство усилится. Без политической реформы оно выльется в бунты и погромы (народ уже выходит на улицу и настроен весьма агрессивно). Арестовать «зачинщиков»? Опыт Кавказа показал, что от этого становится только хуже, так как на место более опытных неформалов могут прийти более отвязные бунтари. Не вводить рынок и вернуться к полному планированию производства? Это значит загнать страну в тот кризис, с которым она столкнулась, только в еще более обостренном виде (тоталитарные механизмы уже расшатались). Отсюда — внешнеполи-

тическая изоляция, саботаж интеллигенции, разочарование сагитированных за народовластие масс, упадок, дефицит, бунты. Собственно, экономический кризис обострился уже осенью 1988 г. (волна дефицита), до начала политической реформы.

Горбачев лучше своих консервативных «плакальчиков по марксизму-ленинизму» понимал, что в стране будет расти недовольство, и, прежде чем пойти на следующий этап непопулярной экономической реформы (конечно, не настолько «шоковой», как случилось в 1992 г., но тоже нелегкой), нужно создать каналы, в которых недовольство низов сможет реализоваться без погромов и бунтов. Таким каналом могут стать выборы. Но если в условиях уже возникшего политического плюрализма провести выборы по конституции 1977 г., то к власти могут прийти совершенно новые силы. Избирательное законодательство СССР не было рассчитано на реальное соревнование кандидатов, поэтому оно было весьма демократичным. Формально СССР был парламентской республикой с прямыми выборами депутатов парламента. Чтобы обеспечить сохранение власти партийной бюрократии (Горбачев пекся и об интересах неблагодарной номенклатуры, которая ныне его поносит), нужно переделать конституцию, которая до сих пор не была рассчитана на реальные выборы, а теперь — должна быть рассчитана. Причем так, чтобы оппозиция провела дозированное меньшинство.

А как же демократизация? Она шла, но снизу — в виде формирования структур гражданского общества. Помощи сверху им оказывали меньше, чем противодействия. Так что не нужно винить Горбачева в демократизации. Его заслуга (как следствие внешнеполитического курса) — прекращение уголовных репрессий за инакомыслие, из чего уже вытекал рост оппозиционных структур и последовавшая демократизация. Демократию можно было остановить только одним — массовыми репрессиями против распоясавшейся интеллигенции. Со всеми вытекающими социально-политическими, экономическими и внешнеполитическими последствиями. В условиях столь сильного кризиса насилие нельзя удержать в рамках «дозированного». Так что Лигачев и Воротников, равно как и миллионы консервативно настроенных чиновников, обязаны своей спокойной старостью тому, что не смогли «продать» свой курс.

Собственно, у Горбачева оставалось мало времени — ведь на ближайших выборах оппозиция и либеральные коммунисты выдвинули бы своих кандидатов. Полномочия Верховных Советов истекали в 1989—1990 г. Так что Горбачев решил не пускать процесс на самотек, а воспользоваться грядущей избирательной кампанией для усиления позиций реформаторского крыла КПСС, а не консерваторов и радикалов. После этого, в 1990 г., он планировал перейти к проведению нового этапа рыночных реформ.

* * *

КПСС все еще воспринималась как руководящая структура общества, а выборы на ее конференцию — репетицией выборов в парламент. Но как раз выборы 1988 г. проходили в лучших традициях авторитаризма — консерваторам грех жаловаться. А вот населению не понравилось, в чем тоже было грозное предупреждение номенклатуре.

Выборы делегатов превратились в столкновение между партийными консерваторами и либералами. Партийный аппарат работал слаженно, в большинстве случаев проведя «кого следует». Этому способствовала процедура выборов, когда после выдвижения и обсуждения кандидатур их все равно «выбирал» вышестоящий партийный орган. Однако на подступах к этому «голосованию» в некоторых случаях развернулась нешуточная предвыборная борьба, на которой отрабатывались методы «отсева демократов», которые затем использовались окружными избирательными собраниями в 1989 г. «Шестидесятников» особенно возмутило, что сначала не были избраны (назначены) Ю. Афанасьев, В. Коротич и Г. Попов. Рядовым коммунистам не нравилось, что «избрание» проходило по спискам обкома без альтернатив. Но организаторы таких выборов не учли, что в руках забаллотированных «прорабов перестройки» были газеты и «выборы» через назначение приобретут широкую огласку. Неформалы использовали тему «нечестных выборов» на своих митингах. Скандал получался слишком громким.

3 июня прошел пленум Московского городского комитета партии, ставший кульминацией выборов депутатов на XIX парткон-

ференцию. По прямому указанию Горбачева Афанасьев был все же избран делегатом от Москвы. В. Коротич был все же избран от Харькова. Даже на конференции делегат А. Мельников говорил, что процедура выборов «оставила у людей неприятный осадок», так как опять «все делается по разнарядке сверху». Страна поняла, что демократии нет даже для коммунистов. Ослабевала вера в то, что «прогрессивные силы» в КПСС смогут сами добиться перемен к лучшему. Весной в Астрахани, Южно-Сахалинске и Омске прошли массовые митинги против первых секретарей обкомов.

Провинциальные митинги, направленные против руководителей областных парторганизаций, положили начало процессу, который получит продолжение на выборах 1989 г., — смене старых кадров новыми, более гибкими коммунистическими лидерами. Поскольку активизация общественного движения в разных регионах России шла с разной скоростью, вспышки протестных движений против первых секретарей обкомов продолжались до 1990 г.

Вспышечный, несогласованный характер региональных «бунтов» делал их относительно безопасными для центра и даже облегчал задачу снятия консервативных руководителей как «не справившихся» с населением. Значение локальных выступлений всегда меньше, если протест не переносится в столицу. Но 28 мая митинговая кампания началась в Москве и Ленинграде, причем в Москве она оказалась длительной и сопровождалась форумами оппозиции, связанными с реформистами «наверху».

Глава 10 УЛИЧНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Выйти на площадь в назначенный час...

Весной 1988 г. неформалы пришли к выводу о необходимости развернуть кампанию массовых демократических политических манифестаций, в которые будут вовлечены не только сами неформалы, но и люди, прежде не принадлежавшие к оппозиции. Копившееся в

обществе недовольство торможением реформ могло, по мысли лидеров движения, через эту кампанию оказать воздействие на политический курс.

Народ ходил по улицам, но неформалам путь туда был заказан «временными правилами». Оставаясь в рамках закона, нужно было признавать право авторитарного режима КПСС на монополию собственно политической деятельности. Но до сих пор попытки провести демократический митинг оперативно пресекались милицией. Используя «временные правила», власти запрещали политические митинги. Для того чтобы запустить цепную реакцию митинговой революции, нужно было провести такую акцию, которую власти хотя бы сначала не смогут разогнать.

Прощупывание готовности властей пойти на разгон политики провели совместно с экологами. Власти не решились разогнать «зеленых». Но не было ясно, уступят ли они улице политикам. И если выступление кончится столкновениями, по какой статье будут судить зачинщиков — по административной (до 15 суток) или уголовной (в Новочеркасске в 1962 г. кончилось расстрелами).

28 мая группы «Гражданское достоинство», «Община» и часть ее союзников по ФСОК провели массовую политическую демонстрацию по центральным улицам Москвы. Главным требованием несанкционированной демонстрации была сама свобода митингов как таковая — то есть отмена «временных правил». Предлагалось устроить свободу явочным порядком, и уже в ходе митинга говорить кто о чем хочет: излагать программы, обсуждать текущую политическую ситуацию, в том числе выборы на партконференцию. Неформалы относились к выборам на конференцию скорее как к поводу для критики КПСС. Недемократичность выборов доказывала недемократичность правящей партии.

Независимый наблюдатель С. Митрохин так описывал происходящее: «Дата 28 мая... войдет в историю как праздник, имя которому — разгул демократии... 15.55. В сквере перед Большим театром собираются всевозможные неформалы... 16.00. По призыву организаторов (А. Исаева, А. Шубина, В. Золотарева) демонстранты деловито размещаются на ступенях Большого театра. Между колоннами ко всеобщему соблазну (а частично и шоку) развивается черное зна-

мя Анархии с нашитой посредине красной звездой. На обозрение прохожих и многочисленных операторов (и оперативников) выставлены плакаты с лозунгами: “Вся власть советам!”, “Долой временные правила!”, “Социализм для народа, а не народ для социализма”, “Социализму — кооперативную основу”.

Появилась милиция, принялась перекрывать выход к улице Горького. Но демонстрация вдруг “исчезла”. Колонна примерно в 200 человек двинулась не прямо на улицу Горького, а через переулки. До выхода “на оперативный простор” оставалось совсем немного, когда дорогу перегородили три милиционера с мегафоном. Офицер обратился с вопросом: “Кто старший?” Возникло замешательство. На “амбразуру” бросился В. Золотарев, который представился старшим. Милиционер пригласил его в машину. Тогда демонстранты запели “Варшавянку” и, пользуясь численным перевесом, обтекли милицкий заслон. Золотарева отпустили. Колонна вытекла на главную улицу столицы. Митинговая революция началась.

Прохожие реагировали на это невероятное по тем временам действо по-разному, но весьма эмоционально. Одна женщина кричала: “В советское время — такое делают!” Бурно обсуждали, что значит черное знамя — не пиратское ли. Два ветерана присоединились к шествию со словами: “Вперед, ребята, как до Берлина!” По дороге демонстрация обросла случайными прохожими, которые шли немного сбоку, любопытствуя, чем кончится.

На Пушкинской площади состоялся большой по тому времени митинг — полчаса и около тысячи людей. Митинг стал началом серии еженедельных выступлений, продолжавшихся до 18 июня и известных как “Гайд-парк”. “Поначалу в толпу митингующих вклинился генерал милиции Мыриков, но, упреждая его намерения, манифестанты весело и бегло заскандировали: “Пе-ре-строй-ка”, “пе-ре-строй-ка”. Генерал удалился, предоставив им возможность безумствовать до 17.00».

Настроение собравшихся хорошо характеризует выступление А. Золотаревой: «Господа, мне восемнадцать лет, но за все семьдесят лет я никогда такого не видела... Давайте споем “Интернационал”!»

В этот же день в Ленинграде Демократический союз собрал митинг за многопартийность перед Казанским собором. После того как несколько участников митинга были задержаны, неформалы прошли

демонстрацией до отделения милиции с пением «Интернационала» и «Варшавянки». Задержанных отпустили. Перед Казанским собором возник ленинградский «Гайд-парк». Процесс пошел.

Гайд-парк

С 28 мая митинги в московском «Гайд-парке» стали проводиться каждую субботу. Темы выступлений были самыми разнообразными — от текущей политической ситуации и программ реформ до событий в Новочеркасске в 1962 г. Здесь пропагандировалась идея «Народного фронта», о которой речь пойдет ниже. На этих митингах выступали представители большинства столичных неформальных организаций, а среди слушателей были многие известные в будущем политики, включая В. Жириновского, С. Юшенкова, С. Станкевича. После самого митинга слушатели разбивались на множество «тусовок» и долго еще не расходились.

В «Гайд-парке» возник уличный «парламент» (от слова — «говорить»), предвосхитивший парламентскую культуру России на несколько лет вперед. Говорили обо всем, что «наболело» и «вызрело». Несмотря на это, разговор не был хаотическим. Митинг вели инициаторы выступления, и «президиум», теперь расширенный за счет неформальных лидеров, не решившихся участвовать в демонстрации 28 мая, регулировал ход дискуссии. За «президиумом» стояла формировавшаяся на ходу новая организация — Оргкомитет Народного фронта, состав которой пополнялся уже за счет групп, сформировавшихся или вышедших на общественную арену в ходе митингов. Дискуссии в Оргкомитете стали своего рода «второй палатой» этого «парламента», где выработывались окончательные решения, озвучивавшиеся также на митингах.

Площадка перед «Известиями» стала местом встречи интересующейся общественности не только Москвы, но и других городов. Цепная реакция митингов катилась по стране — Ярославль, Самара, Украина... Их организовывали неформалы и коммунисты, недовольные порядком выборов на партконференцию.

18 июня власть перешла к контрнаступлению, разогнав митинг в Москве. Но было решено не создавать новых мучеников (тем более,

что это не понравилось бы Западу) — задержанных, несмотря на явный факт сопротивления властям, осудили по административной статье. Несмотря на то что вскоре наказания будут несколько ужесточены, стало ясно, что митинги будут шириться — оппозиционеры были готовы отсидеть сутки, если власти не готовы давать им срока. Возможен был и другой вариант развития событий — уголовное преследование митингующих. Но возобновление уголовно-политических репрессий имело бы для режима еще более тяжелые последствия — сплочение в защиту новых мучеников и инакомыслящих «шестидесятников» (а они были уже весьма влиятельны), и стран Запада. Это означало бы крушение курса Горбачева и во внешней, и во внутренней политике. Так что руководство КПСС предпочло сдерживать оппозицию, а не сокрушать ее.

Организационный комитет Московского народного фронта и его раскол

С возникновением «Гайд-парка» неформалы превратились в фактор «большой политики». На заседаниях Политбюро их обсуждали и раньше, но либо как потенциальную опасность, либо как лабораторный эксперимент. Теперь неформалы стали быстро обрывать народом. Эксперимент вышел за пределы лаборатории, и, как показывают дальнейшие события, в любой момент могла начаться цепная реакция массового движения.

При всем их стремлении быть самостоятельными, неформалы были частью более широкой системы. «Неформалы действовали по принципу “Реформы сверху под давлением снизу”. А какую более успешную тактику в этих условиях можно было предложить. И до 1990—1991 гг. эта тактика была вполне оправданной, потому что еще не было видно, что элита переходит к либерализации», — считает Б. Кагарлицкий.

Казалось, что давление может быть успешным, если сложить относительно небольшие силы неформальных групп вместе. Поэтому одновременно с митинговой кампанией началась консолидация оппозиционных движений различных направлений в широкое народно-демократическое движение.

5 июня открылся форум демократической общественности. Был создан Организационный комитет Московского народного фронта (ОК МНФ). В него вошли представители «Общины», «Социалистической инициативы», «Гражданского достоинства», «Мемориала», «Перестройки-88», КСИ и «Демократической перестройки». Затем ОК был дополнен представителями всех групп московской организации - ФСОК и новыми группами, «вплывавшими» на волне манифестаций. 12 июня он принял политическую программу, оформленную как «Общественный наказ» к партконференции. Впрочем, было очевидно, что КПСС не может принять такую программу, она была адресована обществу. Программа неформалов представляла собой свод демократических и правозащитных требований, который с теми или иными вариациями повторялся в программах демократических движений и партий до 1991 г.: «Преобразовать партию из организации, управляющей "от имени народа" при помощи переродившейся касты "партократов", в действительно политическую организацию; для этого она должна быть полностью лишена властных функций, передаваемых в Советы и органы государственного управления, что должно найти отражение в законе о партии. Статья 6 Конституции должна быть соответствующим образом изменена... Вся полнота власти должна быть передана Советам... Рассматривать становление подлинного самоуправления на производстве в качестве главной стратегической задачи реформы в духе демократического социализма». От документов ДС «Общественный наказ» принципиально отличался экономическим разделом, отданным на откуп «Общине» и представлявшим собой описание синдикалистской системы самоуправления на предприятиях и демократической координации их работы в условиях рынка. Поскольку команда Горбачева в это время как раз билась над проблемой перехода к рынку, неформалы надеялись быть услышанными.

Однако в этот период единое движение демократической общественности не возникло — 3 июля оргкомитет раскололся. На то были и объективные, и субъективные, чисто человеческие причины. В основе раскола лежал переход от неформального к популистскому этапу общественного движения. Так же как в 1986—1987 гг. неформалы в качестве доминирующей силы освободительного движения сменили диссидентов (частично поглотив их, отчасти сосуществуя с

остатками диссидентского движения), так и популистское «демократическое» движение в 1989—1990 гг. сменило неформалов.

Но этот переход шел постепенно, и в 1988 г. еще проявлялся в сложных отношениях между неформальными лидерами, на которых все сильнее давила популистская волна. Возник вопрос о том, каким быть Народному фронту — социалистическим или общедемократическим, основанным на демократическом социализме или широкой автономии групп. Отношения обострились из-за неудач уличной активности в конце июня. Из-за того, что большинство в ОК получили только что возникшие группы, ориентированные на лояльность Горбачеву, старые группы «Гражданское достоинство», «Община», КСИ, «Перестройка-88», «Мемориал» и др. не желали жертвовать своей автономией и ушли из ОК МНФ. За каждой из фракций стояло около 100 постоянных членов (не считая более многочисленных сочувствующих и участников различных мероприятий, организуемых клубами).

Размежевавшись, неформалы не ослабили натиска на власть. Их влияние росло благодаря тому, что с помощью литовских союзников удалось наладить выпуск самиздата многотысячными тиражами. 5 декабря 1988 г. вышел «Независимый вестник» — первое оппозиционное издание в России, напечатанное тиражом в 5000 экземпляров. Он был создан совместными усилиями «Общины», «Гражданского достоинства» и Союза рабочих Литвы. Теперь неформальные издания стали распространяться массовыми тиражами, составляя конкуренцию либеральной «большой прессе» и тем сдвигая ее к антикоммунизму. С начала 1989 г. несколько неформальных групп получили самостоятельный доступ к прибалтийским типографиям, а в 1990 г. уже по всей стране хозрасчетные типографии печатали самиздат. Уже в 1989 г. выходило около 600 независимых изданий общим тиражом около 200 тыс. экземпляров. Монополия КПСС и государственных органов на печатное слово была разрушена. Так совершился переход от самиздата к свободной прессе, существовавшей вплоть до приватизации, когда СМИ оказались в руках капитала.

* * *

События весны — лета 1988 г. — это первый опыт публичной политики, которая моделировала парламентскую культуру и созда-

вала традиции гражданского общества в России. С теми или иными вариациями политические сценарии этого времени повторялись затем в сотнях партий, движений, комитетов, советов и прочих представительных органах.

Выход на социально-политическую арену неформальных групп в 1988 г. имел важные последствия. Именно неформалы сумели ввести в российскую практику методы ненасильственной массовой политической борьбы (митинги, демонстрации, массовый самиздат и др.) и затем обучили ей официальных «либералов». Тысячи людей приходили на эти митинги, несмотря на опасность преследований, чтобы услышать свободное слово, чтобы продемонстрировать властям «силу народа». Массовый самиздат начал разрушать наиболее фундаментальные мифы, на которых держался режим и его реформы. Чтобы не потерять инициативу, «большая пресса» вынуждена была обращаться к темам, выдвигаемым самиздатом, что ускорило антикоммунистический сдвиг в массовом сознании. Неформалы быстро стали хранителями политического спектра во всей его яркости. Б. Кагарлицкий с полным основанием мог заявить: «Мне кажется, что налицо уже не только плюрализм мнений, но и реальный политический плюрализм. Мы наблюдаем правовое становление спектра неформальных объединений, образования новых течений». И дело было даже не столько в правовом становлении (внешней легализации), сколько во внутреннем осознании неформалами важности независимого (от власти и от общественного мнения) идейного творчества. Эта ценность признавалась, но «перед лицом врага» не могла в полной мере реализоваться диссидентами. Что касается демократического движения 90-х гг., то в его недрах вступил в силу диктат «общественного мнения», принятых «своими» обязательных идеологических стереотипов.

Мир неформальных организаций 1986—1989 гг. представлял собой своего рода модель демократического общества, в котором участники «играли в большую политику», растрачивая энергию на борьбу за места в «координационных органах», отстаивая каждый пункт политических программ с таким жаром, будто работали над проектом судьбоносного закона. И в этом был политический смысл, поскольку неформалы вскоре научились выводить на улицы нешу-

точные массы людей, а их издания превратили гласность в свободу слова. Но и внутривластные страсти «игрушечной политики» неформалов имели большое значение. Это был беспрецедентный «тренинг», когда сотни будущих политических лидеров, журналистов, общественных активистов за считанные годы освоили политическую культуру идеологического многообразия.

* * *

На фоне грандиозных потрясений XX века неформалы выглядят неслыхно. Ведь они никого не убили, и их жертвы были невелики. Что такое события 1986—1990 гг. в сравнении с Великими революциями, гибелью империй или даже какими-то небольшими эпизодами вроде экспедиции Че Гевары? По садомазохистскому счету пролитой крови — ничто. Но, может быть, для потомков должно быть важнее другое — соотношение перемен и количества жертв. При том что независимая Индия далека от идеалов отца индийской независимости Махатмы Ганди, его ненасильственная борьба вызывает уважение — она сэкономила жизни на пути истории.

Любой результат исторического действия вызывает споры — во благо это было сделано или во зло. Но гибель людей всегда поддается учету, и это — зло. Принципиальное ненасилие неформалов с 1988 г. все шире внедрялось в общественное сознание. Неформалы породили митинговую активность как основное средство революционной (в смысле — внесистемной) политической борьбы во время перестройки. Это сделало саму борьбу, несмотря на ее очень высокое напряжение, гораздо менее кровавой.

В этом отношении неформалы выиграли — они снизили издержки эпохи перемен. Но политически неформалы сумели добиться выполнения только своих разрушительных задач (свержение коммунистического режима), поскольку активизировали антикоммунистические настроения в правящей элите. Здесь неформалам удалось выполнить роль группы давления в 1988—1989 гг., после чего популистское «демократическое» движение действовало вне контроля неформалов. В нем можно было участвовать или не участвовать, а можно было пытаться выстраивать структуры граж-

данского общества. После того как популистское «демократическое» движение оттеснило неформалов с политической арены, они вернулись к своим корням — к публицистике, науке, в гражданские организации, третий сектор. Насколько гражданское общество сумело сохраниться в современной России — это продукт работы неформалов.

Масштаб перемен конца 80-х гг. ставит эти события в один ряд с важнейшими вехами мировой истории. Поражает бескровность перемен — во всяком случае, на территории «славянских» республик (тема межнациональных конфликтов на периферии империи мы оставляем здесь в стороне — каждый народ выбирает собственный путь в будущее). Перемены, которые прежде в истории становились результатом кровопролитных междоусобных войн, на этот раз протекли без потоков крови. Эта «ненасильственная война» (в кавычках так же, как «холодная война») сама по себе является достижением конца 80-х гг. Она дает надежду, что и в будущем перемены могут достигаться без широкомасштабных убийств.

Глава 11 К УПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ

Партконференция

Летом 1988 г. Горбачев еще чувствовал себя хозяином положения. Он понимал, что предстоит напор на бюрократическую систему снизу, но время подготовиться к нему было. Следовало так перестроить политическую систему, чтобы растущее недовольство было направлено не против реформаторского ядра, а против консервативного крыла КПСС. С этим были связаны и задержка в проведении рыночных реформ, и вмешательство Горбачева в избрание делегатов в Москве, и снятие некоторых первых секретарей обкомов под давлением митингов. Это была модель чистки номенклатуры новыми методами, которая будет продолжаться в 1989—1990 гг.

28 июня — 1 июля в Москве проходила XIX Всесоюзная партконференция. Она не только воспринималась как прообраз парламентаризма, но и была таковой в действительности. Ведь реальное влияние конкретного избирателя на состав депутатского корпуса не велико, и он симпатизирует (как бы дает право представлять свои интересы) депутатам, за которых мог и не голосовать (особенно при мажоритарной системе). Избирателю важен драматизм действия, противостояние «своих» и «чужих», за которыми следует решение. Если оно не затрагивает интересы избирателя непосредственно (а решения 1988—1990 гг. в большинстве своем были именно таковыми), и у него еще нет своей концепции по вопросам государственного устройства, то избиратель формирует свой взгляд на эти проблемы во многом под влиянием «специалистов-политиков», то есть депутатов. Весь этот механизм проявился уже на партконференции, хоть выборы на нее не предусматривали даже иллюзии всенародного волеизъявления. Партконференция была моделью будущих съездов и по своей численности — почти 5000 делегатов. Она была первым политическим форумом с непредсказуемым сюжетом, который транслировался по телевидению. И хотя сюжет еще не был столь драматичен, как это будет год спустя, зрители остались довольны — шоу началось.

В своем докладе на конференции Горбачев признал, что «положение дел в экономике меняется медленно». Растет бюджетный дефицит. Медленно идет технологическая модернизация. Каковы причины? Нет, Горбачев не говорит о затягивании введения рыночных отношений. Он видит причины в саботаже, в консерватизме аппарата и глубине деформаций застоя. Проклятое прошлое не пускает.

Горбачев критикует сохранение плана под видом госзаказа, принуждение предприятий «выпускать продукцию, не пользующуюся спросом у потребителей». А как узнать без рынка, какая продукция пользуется спросом? Лишь вскользь Горбачев упоминает, что экономические преобразования «упираются в реформу ценообразования», но ее проведение — дело сложное. Горбачев невольно пугает слушателей тем, что реформа не может не затронуть розничных цен, но возможно погасить социальные последствия с помощью дотаций

и выплат. Первому зрители верят (что не способствует популярности КПСС), второму — меньше. Скорее всего, будет хуже. Если Горбачев собирался «оттянуть» реформу до 1990 г., то следовало и «пугать» людей накануне. Длительное ожидание повышения цен вкупе с загниванием недостроенного экономического механизма действовали на население угнетающе.

Поэтому «гвоздем» выступления Горачева становится не рынок, а демократия: трудящиеся будут включены в управление страной, предстоит развивать самоуправление, инициативы, укрепить законность и правопорядок, «исключить возможность узурпации власти» и обеспечить «свободное развитие каждой нации и народности». В действительности это были благие пожелания, и реальные планы реформы таких демократических результатов не гарантировали. Горбачев обещает демократию и на выборах: *«право неограниченного выдвижения кандидатур, широкое и свободное их обсуждение, строгое соблюдение демократической процедуры выборов...»* Если бы это было сделано, можно было бы назвать Горбачева отцом российской демократии либо обвинять его в том, что он увлекся демократией вместо экономики. Но это были пустые обобщения, и закон был сформулирован совершенно иначе. Номенклатура могла пройти в парламент и без выборов — назначением от общественных организаций, включая КПСС. При обосновании этого положения Горбачев сослался на результаты дискуссии — практически на «Демократическую перестройку». Так будущие социал-демократы помогли представителям номенклатуры «демократически» войти в парламент без выборов.

Горбачев не против организационного оформления общенародности: «В стране, по сути дела, формируется общенародное патриотическое движение поддержки линии партии на перестройку». Если бы за этими словами последовали организационные мероприятия, у Народного фронта был бы шанс превратиться в «партию Горбачева». Но Горбачев не решился рисковать креслом Генсека КПСС ради пока сомнительной опоры. И «патриотическое движение» уйдет в чистую оппозицию, замкнувшись на Ельцина.

Горбачев подтвердил, что не готов к диалогу с оппозиционными группами: «Как вы знаете, в последнее время мы не раз сталкивались

с попытками использовать демократические права в антидемократических целях». Речь идет о тех, кто обсуждает неприемлемые темы «от перекройки границ до создания оппозиционных партий». Что могут эти «отщепенцы»? Ведь «советский народ в ходе перестройки еще раз решительно и мощно проголосовал за социализм». Цыплят по осени считают. Пока никаких голосований не было.

В «советском» государстве советы были бесправными органами еще со времен Гражданской войны. Горбачев здесь готов пойти на ограниченную демократизацию — расширить права советов и даже передать под их контроль часть государственной собственности. Но в обмен вводится правило совмещения постов председателя совета и первого секретаря партийной организации. Демократы восприняли эту меру как авторитарную — закрепление власти КПСС в советах. Но Горбачев обратил внимание и на обратную сторону медали: «если в Совет его не изберут, то его судьба и как партийного секретаря, наверное, предрешена». Если партийный секретарь проиграет выборы, он подлежит замене. Это — та же чистка кадров, но другими методами, нежели в 1983—1986 гг. Те партийные руководители, которые не смогут убедить избирателей в своей правоте, станут «козлами отпущения» за политику КПСС в целом. Более гибкие руководители останутся на коне, но уже в кресле государственного руководителя.

Произойдет сдвигка власти от партийной к государственной структуре, которую и намерен возглавить Горбачев. Цель реформы — выделение более эффективных руководителей, дальнейшее усиление регионального уровня власти в ущерб ведомствам (политика, проводившаяся Горбачевым уже давно), успокоение населения после отставки «плохих бояр».

* * *

Несмотря на то что большинство ораторов на партконференции пели дифирамбы выступлению Горбачева, несколько речей были достаточно критическими и этим привлекли благосклонное внимание публики. Экономист Л. Абалкин нарисовал пессимистическую картину состояния экономики: из состояния застоя она не вышла, ре-

сурсосбережение падает, «состояние потребительского рынка ухудшилось», продолжается количественный рост в ущерб качеству продукции. Академик призвал подвести под власть Советов «реальный экономический фундамент — финансовую базу». Это вызвало аплодисменты делегатов — в большинстве своем ставленников региональных кланов номенклатуры. Они чувствовали, что конференция дает зеленый свет не столько политической демократизации, сколько экономической регионализации. Другие преобразования академик считал менее продуманными. Выступление Абалкина рассердило Горбачева, он обвинил академика в «экономическом детерминизме» и напомнил, что реформа 1965 г. захлебнулась как раз из-за того, что не сопровождалась политическими преобразованиями. Бюрократия сохранила все полномочия и задушила рыночные ростки. Абалкин «попал под раздачу» скорее в силу тональности своего выступления, в которой Горбачев усмотрел отголоски консервативной критики «демократизации».

Позиции консерваторов весомо сформулировал первый секретарь КП Киргизии А. Масалиев: *«Партия, товарищи, не какое-то кооперативное общество или неформальное объединение»*. Аплодисменты. Масалиев думал, что говорит о преимуществах партии, противопоставляя ее экономическим и политическим новациям. Еще не вечер. На будущий год стало ясно, что партия не более монолитна, чем неформальные объединения, и ее чиновники не прочь превратить власть в бизнес.

Однако даже будущие столпы консерватизма на этой конференции нередко выглядят сущими реформистами. И. Полозков, первый секретарь Краснодарского крайкома, отстаивает бригадный подряд, рапортует об успехах кооперативного движения. Региональная элита вдохновлена атакой на министерства, предстоящим перераспределением власти в пользу советов: «нынешние министерства сами на решительные преобразования своих отраслей пойти не способны». Необходимо «преодолеть этот консерватизм». Региональная элита и демократы сошлись в этой точке. Попутчиками они были до ближайших выборов. Ставка — советы. Полозков в этом вопросе — сущий демократ. «Говоря о Советах, я вам пытался показать, что у них нет сейчас прав». Региональные лидеры думают, что будут контро-

лизовать советы. В 1990 г. они поняли, что все не так просто. Регионализм вступил в сложные отношения с сепаратизмом, направленным против союзного центра. Национальный вопрос весомо встал уже на партконференции (см. главу 12).

Сенсацией конференции стал демарш В. Коротича, который передал в президиум материалы о коррупции, собранные Гдляном и Ивановым (см. главу 2). Зрители были в восторге — борьба с коррупцией продолжается. Актер М. Ульянов говорил, что «знаменитый Мегрэ в подметки не годится Гдляну». «Либеральное» и андроповское течения перестройки все еще шли вместе. После того как Горбачев убедился в неэффективности репрессивной политики, идейное наследство Андропова перешло в распоряжение «демократов», требовавших ареста видных номенклатурщиков. Лидером сочетания авторитарной модернизации и демократической риторики стал Б. Ельцин.

Конференции придала драматизм полемика между Б. Ельциным и Е. Лигачевым.

К Ельцину «накопилось много вопросов» и у населения, и у консервативных аппаратчиков. В начале выступления «опальному бойрину» пришлось оправдываться за новые прегрешения — он дал интервью западным СМИ. Но, оказывается, сделал это по просьбе Гостелерадио. Так что в этом нет ничего плохого, тем более что публикации его интервью внутри страны запрещаются.

В своем выступлении Ельцин подверг сомнению и предложил вынести на референдум спорное предложение Горбачева о совмещении постов руководителей партийных и советских органов, высказался за сокращение партийного аппарата (он умолчал, что это вызовет рост государственного аппарата). Ельцин настаивал на прямых выборах Генсека и всех секретарей ЦК. Генсек, таким образом, становился бы аналогом президента. Его власть Ельцин предложил ограничить двумя сроками и возрастом 65 лет «без всяких исключений» (сам Ельцин потом находился у власти до 68 лет), вывести деятелей застоя из состава Политбюро. Эти косметические внутрипартийные меры, «а не предложенная некоторыми двухпартийная система, по

*Именно Ю.В. Андропов заговорил о необходимости «ускорения»
и сформировал основные направления этого курса снизу*

«Процесс пошел»

*М.С. Горбачев. О начале перестройки он вспоминает так:
«Нам тогда казалось: вот поправим дела, вытянем на прежних
подходах, а там возьмемся уже за глубокие реформы»*

Е.К. Лигачев (слева) надеялся, что демократизация остановит «широкое проникновение в нашу жизнь буржуазной идеологии»

А.Н. Яковлев, известный в узких партийных кругах западническими взглядами, стоял во главе отдела пропаганды ЦК КПСС

**Д.Т. Язов —
министр обороны СССР**

**Э.А. Шеварднадзе —
министр иностранных дел СССР**

**Б.К. Пуго —
председатель КГК
и ЦКК ЦК КПСС**

**В.А. Крючков —
председатель КГБ СССР**

***Символом провала технического «ускорения»
стала Чернобыльская катастрофа***

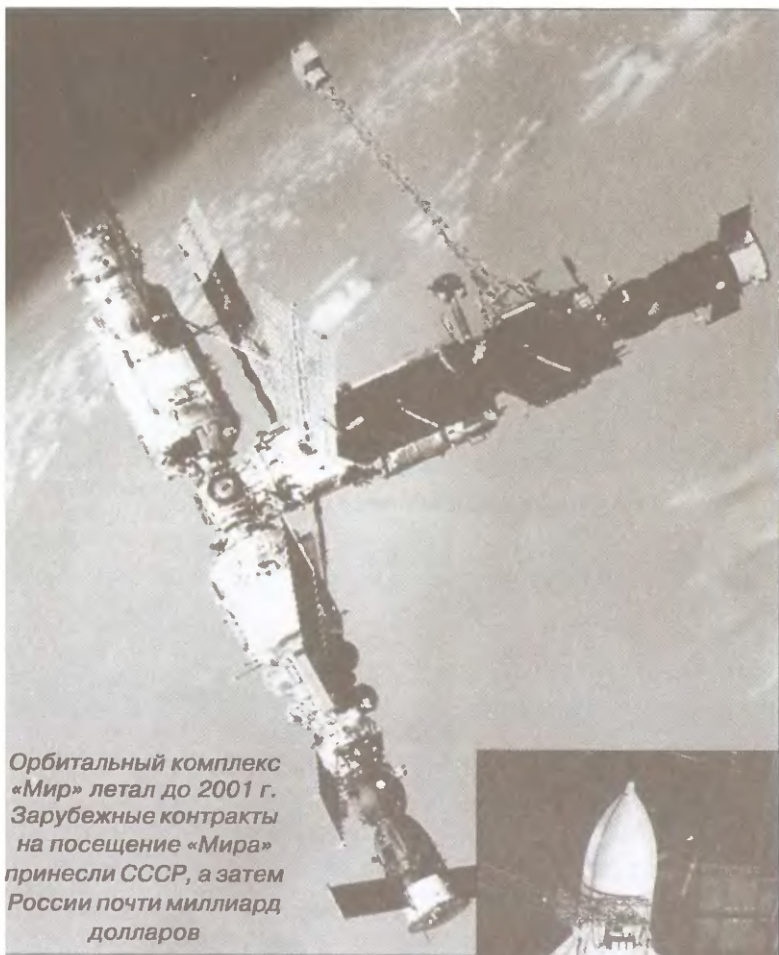

Саркофаг над четвертым реактором Чернобыльской АЭС

С.Н. Федоров

Демонстрация неформалов. Май 1988 г.

Орбитальный комплекс «Мир» летал до 2001 г. Зарубежные контракты на посещение «Мира» принесли СССР, а затем России почти миллиард долларов

Советский космический челнок «Буран» и транспортная система «Энергия». Это чудо техники убедило М.С. Горбачева в научно-технологической мощи СССР

Делегация крымских татар в Москве. 1987 г.

*Будущий Туркменбаши
С. Ниязов*

*Н. Назарбаев.
Пришел к власти
в Казахстане в 1989 г.*

**Авторитарная диктатура
В. Ярузельского в Польше
постепенно ослабевала**

**В ноябре 1989 г. произошла
«бархатная революция»
в Чехословакии.
Президентом страны стал
писатель-диссидент В. Гавел**

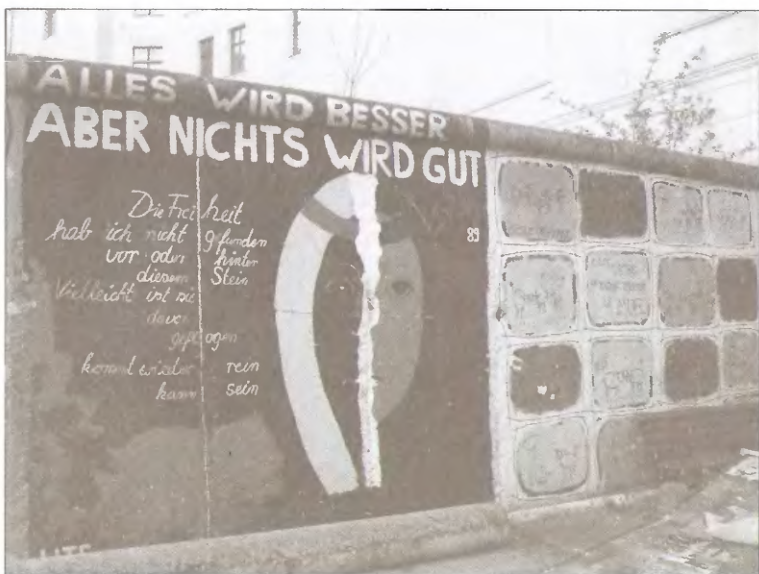
**Л. Валенса — лидер движения
«Солидарность» в Польше**

**И. Илиеску — лидер Фронта
национального спасения
в Румынии**

Берлинская стена

Фрагмент Берлинской стены сегодня

Дэн Сяопин — архитектор китайских реформ. На встрече с М.С. Горбачевым в 1989 г. он сказал по поводу исторических разногласий двух стран: «Пусть ветер сдует эти вопросы»

М.С. Горбачев на встрече с М. Наджибуллой, который в ноябре 1987 г. был провозглашен президентом Республики Афганистан (без слова «демократическая»)

Выступление А.Д. Сахарова

Е.Г. Боннэр

**Брошюра А.И. Солженицына
«Как нам обустроить Россию»
потонула среди других проектов
преобразований, наводнивших
страну в 1990 г. Тогда уже
«раскрученная» личность значила
куда больше, чем ее идеи**

Н.И. Травкин

Г.В. Старовойтова

В.И. Новодворская

Осторожному Дж. Бушу-старшему оставалось просто смотреть, как развивается процесс разрушения коммунистической системы

*После общения
с М.С. Горбачевым
Р. Рейган был готов
констатировать завершение
эпохи «холодной войны».*

*Когда его спросили,
считает ли он по-прежнему
СССР «империей зла»,
президент США ответил:
«Нет, я имел в виду другое
время, другую эпоху»*

Митинг в Лужниках 21 мая 1989 г.

**А.А. Собчак (с июня 1991 г. — мэр г. Санкт-Петербурга)
со своим заместителем В.В. Пустиным**

Митинг в поддержку Б.Н. Ельцина. Осень 1991 г.

Сначала Ельцин вполне укладывался в параметры руководителей андроповского направления. Но вскоре выяснится, что он претендует на роль наиболее радикального лидера страны

моему мнению, будет определенной гарантией против культа личности...» — утверждал Ельцин.

Ельцин заявил, что «за три года не решили каких-то ощутимых реальных проблем для людей, а тем более не добились революционных преобразований». Зрители комментировали — правда, так и есть. Ельцин предлагал выбрать 2—3 проблемы и решить. В условиях системно-го кризиса, охватившего страну, это была наивная, но эффективная идея.

Большую популярность Ельцину принесло выступление против привилегий номенклатуры. Впоследствии режим, созданный Ельциным, приведет к еще большему социальному расслоению, чем существовало в СССР. Это расслоение будет открытым и кричащим. Но коммунистический режим прятал свои привилегии, и их разоблачение в 1988 г. как нельзя лучше ложилось на народные представления о правде и справедливости. «Надо наконец ликвидировать производственные “пайки” для голодающей номенклатуры, исключить элитарность в обществе...» Ельцин требовал гласности партийного бюджета, чтобы не строились роскошные особняки для номенклатуры. И после крушения КПСС будут строиться особняки. Только еще более роскошные.

Но изюминка выступления была припасена на конец речи. Ельцин попросил товарищей по партии о своей «прижизненной реабилитации». Это был «сильный ход» в смысле «пиара» — Ельцин ставил себя на одну доску с жертвами сталинизма, хотя потерял не жизнь, не свободу, а только пост. Горбачев, таким образом, оказывался аналогом Сталина. Регламент был исчерпан, но Горбачев был настроен либерально: «Мы с дела Ельцина снимем тайну». Ельцин утверждал, что не считает свое все еще не опубликованное выступление ошибочным. Единственная ошибка — момент выступления.

Отповедь Ельцину дал Е. Лигачев, который подверг критике стиль руководства Ельцина, заявил о своих стратегических разногласиях с ним: «Коммунист Ельцин встал на неправильный путь. Оказалось, что он обладает не созидательной, а разрушительной энергией. Он представил всю нашу политику как сплошную импровизацию». Но в этом Ельцин был прав. Только вот после прихода к власти Ельцина его политика тоже будет импровизацией, только более разрушительной.

В споре Лигачева и Ельцина большинство населения встало на сторону второго. Лигачев бросил: «Ты не прав, Борис». Эта фраза, трансформировавшаяся в народном сознании, стала лозунгом, определявшим отношение к позиции Ельцина и Лигачева: «Борис, ты не прав!» — «Егор, ты не прав!».

Уже на партконференции проявилась поддержка «народного заступника». В. Волков, секретарь парткома машиностроительного завода в Свердловске, прорвался к трибуне и заявил: «Ельцин был человеком, у которого слово не расходилось с делом. Поэтому и сегодня у него остается высокий авторитет у простых людей». Рассказал он и о том, что карточки обеспечивали людям доступ к продуктам, которого нет сейчас, тем более что Свердловская область промышленная и продовольствие ей приходится завозить. Выступление Волкова тут же было дезавуировано первым секретарем Свердловского обкома от имени всей свердловской организации. Но для населения это было лишним подтверждением: Ельцин — народный заступник в борьбе с номенклатурой.

* * *

Принимая резолюции, партконференция «проштамповала» позицию, которую одобрил Горбачев. Это создавало ощущение прочности его положения. При голосовании за резолюции впервые значительная часть делегатов голосовала против. Скажем, против совмещения должностей партийного и советского руководителя — 209 человек. На фоне 5000 делегатов кажется немного. Но это активная часть делегатов — и либералов, и консерваторов, которая затем переключается и на съезды народных депутатов, будет постепенно раскачивать пока послушное Горбачеву «болото».

На конференции решили, что выборы на съезд народных депутатов СССР пройдут в апреле 1989 г., а в республиканские органы — осенью 1989 г.

По итогам партконференции 30 сентября состоялся Пленум ЦК КПСС, который провел кадровую чистку и преобразование аппарата ЦК. Была отправлена на пенсию когорта «старой гвардии», включая таких членов Политбюро, как М. Соломенцев и А. Громыко. Были созданы комиссии ЦК КПСС, каждая из которых руково-

дила своей областью политики. Во главе Комиссии по вопросам партийного строительства и кадровой политики встал Г. Разумовский, во главе Идеологической комиссии — В. Медведев, Комиссии по вопросам социально-экономической политики — Н. Слюньков, Комиссии по аграрному вопросу — Е. Лигачев, Комиссии по международной политике — А. Яковлев, Комиссии по вопросам правовой политики — В. Чебриков. Лигачев был отстранен от руководства идеологией и переброшен на заведомо «провальный» участок работы — аграрный. Таким образом, Лигачев потерял реальную власть — кампания против него увенчалась успехом.

1 октября — состоялась внеочередная сессия Верховного Совета СССР, на которой были проведены важные кадровые перестановки. Вместо А. Громыко председателем Президиума ВС СССР избран М. Горбачев. Его 1-м заместителем стал А. Лукьянов. Председателем КГБ СССР вместо В. Чебрикова был назначен В. Крючков.

Широкий фронт вельмож от Яковлева до Рыжкова мог праздновать победу. Но отныне в секретариате стало некому следить за исполнением принятых решений, и центральные партийные структуры стали быстро отстраняться от реальной власти.

Идеология была поручена Медведеву, который не был силен как мыслитель и был откровенно слаб как куратор своеобразных редакторов. Контроль за прессой после этого также ослабевает.

Новая структура аппарата разгружала КПСС от текущего управления экономикой. Начался исход номенклатуры, имевшей вкус к экономике, в бизнес-структуры.

Глава 12 БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ ИМПЕРИИ

Продумывая перспективу перемен в СССР, архитекторы реформ не подозревали, какое большое значение в истории перестройки займет национальный вопрос. Здесь, как казалось, все было более или менее спокойно.

Новая редакция программы КПСС настаивала: «Итоги пройденного пути убедительно свидетельствуют: национальный вопрос, ос-

тавшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен. Для национальных отношений в нашей стране характерны как дальнейший расцвет наций и народностей, так и их неуклонное сближение, которое происходит на основе добровольности, равенства, братского сотрудничества».

Сегодня можно впасть в другую крайность, придавая национальному кризису ключевое значение как в развитии перестройки, так и в распаде СССР. Но возникает два конкретных исторических вопроса: 1. Если бы среди всех проблем, с которыми столкнулся СССР, только межнациональные отношения дошли бы до того накала, как в конце 80-х гг., распался бы СССР? 2. Насколько перестройка вызвала развитие кризиса?

Политика Горбачева во многих отношениях придала импульс этнонациональным процессам, но их направление было запрограммировано более ранними противоречиями. В СССР была и «дружба народов» (скорее людей разных национальностей), и межнациональная вражда. В этом, как и во многом другом, советское общество было похоже на остальные многонациональные общества XX века.

Эскалация национальных конфликтов в период перестройки происходила как из этнических, так и из иных, социальных и политических факторов. Конфликты между соседями и стремление «убежать из СССР» во многом подпитывались экономическими проблемами. От процветания не бегут. Но и в худшие времена «дружба народов» была крепче — народы либо получали от СССР больше, чем теряли, либо в дело вступали «ежовые рукавицы», либо народы сплачивали вдохновляющие население цели.

Перестройка изменила политический климат внутри страны, поставила более высокую планку международного имиджа СССР, которая уже не позволяла применять массированное насилие при подавлении волнений. Санкция на применение войск и массовые аресты активистов национального движения должны были быть более тщательно обоснованы. Естественно, это облегчило развертывание национальных движений. Но их успехи были бы невозможны, если бы националистическая агитация не вызвала бы отклика в широких слоях населения. То, что демократизация способствовала подъему национальных движений, еще не позволяет объяснять политикой

перестройки сам факт роста межнациональных конфликтов в 80—90-е гг. Утверждения некоторых историков и публицистов о том, что «центробежные тенденции» были порождены «политической демократизацией», игнорируют более глубокие причины этого процесса, которые стали действовать до того, как реформаторское руководство КПСС приступило к политической демократизации.

Собственно, новый подъем национальных движений начался уже при Брежневe (Тбилиси в 1978 г., Орджоникидзе в 1981 г.). Однако тогда удавалось справиться с волнениями без кровопролитных столкновений, таких как в 20—60-е гг. С другой стороны, во время перестройки вовсе не существовало «вседозволенности», национальных лидеров арестовывали (как, например, комитет «Карабах» в декабре 1988 г.). А в 1990 г. союзное руководство не остановилось перед применением силы в Азербайджане, что было спокойно воспринято странами Запада. Это значит, что более свободный режим перестройки сам по себе не объясняет роста национальных движений и экстремизма. У этнонационального кризиса была своя логика развития, которая наложила на события перестройки.

Основными полюсами этнических противоречий к началу перестройки становились:

- русскоязычное — коренное население;
- русские — «южане» (позднее — «лица кавказской национальности») в славянских республиках;
- «титовская нация» — остальные народы (при этом следует учитывать, что «титовские нации» были еще и в автономных республиках, входивших в союзные, что порождало новое поле напряженности).

Как только обстановка в стране стала более свободной, все межнациональные конфликты вышли на поверхность. Однако это не значит, что в условиях укрепления авторитарного режима эти противоречия не реализовались бы в еще более разрушительной форме.

Развертывание этноконфликтов

Хронологически первым этноконфликтом времен перестройки стали выступления студентов-якутов в Якутске весной 1986 г., которое даже удостоилось постановления Секретариата ЦК «О не-

которых негативных проявлениях среди молодежи города Якутска». Подобные события время от времени случались в СССР и прежде. Они не были продуктом перестройки. Шоком для страны стали волнения в Алма-Ате в декабре 1986 г. — но только потому, что население СССР не знало о волнениях в Ordzhonikidze в 1981 г. — еще больших по масштабам. Даже массовые манифестации 1988 г. еще сопоставимы с национальными выступлениями в Грузии в 1978 г. До перестройки случались и погромы на национальной почве (на Северном Кавказе и в Средней Азии). Беспрецедентной ситуация стала в 1988 г. потому, что конфликты, однажды возникнув, продолжали развиваться. Раньше волнения подавлялись. Вспыхивая то тут то там, они «заливались» на долгое время. Теперь эти «кострища» продолжали заметно дымиться и разгорались все сильнее — по несколько серьезных конфликтов одновременно.

Исследователи сходятся на том, что Горбачев длительное время не имел связной национальной политики и действовал рефлексивно. Отношение Горбачева к национальным проблемам заключалось в том, что национализм не просто «отвлекает» от других реформ, но и противостоит им. Ведь с 1986—1987 гг. Горбачев стремился к созданию единого рыночного пространства, регулируемого из единого центра, и к расширению гражданских прав, а не к замене центрального бюрократического управления региональным, и преобладанию прав этноса над правами личности. Горбачев воспринимал национальную проблему как подогреваемую искусственно. До 1990 г. Горбачев утверждал, что конфликты в республиках имеют социальный характер и национальную «окраску».

Массовое движение за национальную независимость можно было подавить только с помощью массовых репрессий, а на это Горбачев идти не хотел, понимая, что новый террор на окраинах СССР быстро приведет к восстановлению диктатуры в центре страны и краху реформ. Свою роль в сдерживании репрессивного механизма (даже если бы Горбачев и желал пустить его в дело) играла политика сближения с Западом. Каждое применение вооруженной силы должно было быть хорошо обосновано с точки зрения международного имиджа СССР.

Развернувшиеся в СССР конфликты тяготеют к двум классическим моделям: Прибалтийской и Кавказской (где в качестве своей «классики» выделяется армяно-азербайджанский конфликт). Первый вариант характеризуется, во-первых, усилившимся стремлением к самостоятельности от центра (вплоть до независимости) и к вестернизации, во-вторых, относительной ненасильственностью действий. Второй — многосторонностью конфликтов (союз — центр, республика — республика, республика — автономия, автономия — этническое меньшинство, представляющее другую союзную республику) и сочетанием массовых ненасильственных и насильственных, в том числе вооруженных, действий.

В этнонациональных конфликтах периода перестройки действовали две основные силы: во-первых, эмоциональная массовая народная стихия, ведомая радикальными маргинальными элементами и национальной интеллигенцией, для которой национальная культура в силу мировоззрения, а иногда и специальности была главной ценностью; во-вторых, прагматичная республиканская номенклатура, оказавшаяся под давлением массовых выступлений, но готовая при случае использовать ее в своих интересах.

Почувствовав, что реформы Горбачева угрожают интересам бюрократии, ее национальные группировки стали поддерживать националистические выступления, чтобы защититься с их помощью от действий союзного центра. Это обстоятельство наметилось уже во время столкновений в Алма-Ате 17—19 декабря 1986 г. Центральное руководство сразу же оценило волнения как фронду местной бюрократии. С 1986 г. угроза повторения «стихийных» выступлений позволила национальным кланам защититься от репрессий, подобных чистке Узбекистана.

Отказ руководства страны от преобразований в сфере национальных отношений мог вести только к росту эмоционального недовольства, периодически по разным поводам выливавшегося во вспышки ненависти и к представителям иного этноса, и к «несправедливому», «подавляющему» (разнимающему дерущихся) центру. Частота и агрессивность этих вспышек зависели от национального характера

и серьезности повода. В то же время до 1990 г. лидеры армянского национального движения (комитет «Карабах» и др.) апеллировали к СССР как естественному судье против неуступчивых и применяющих грубое насилие азербайджанцев. Попытки хотя бы частично удовлетворить требования армян тут же вызвали обострение ситуации в Азербайджане, где повторялись массовые убийства мирных жителей. В этих условиях и союзный центр, и республиканские лидеры пытались играть сдерживающую роль, что вело к падению их авторитета по мере углубления конфронтации.

Неэффективность политики Горбачева вызывает критику, но не всякая критика справедлива. Многое зависит от способности критикующего предложить более эффективную стратегию. В.С. Чешко высказывает распространенное мнение, что остановить кризис можно было бы, «положив предел “свободомыслию”, что можно было бы пресечь дискуссии о необходимости “оптимизации” этнотерриториальных границ». Правда, уважаемый этнолог не объясняет, каким образом в условиях массового распространения самиздата и роста контактов между оппозиционными группами по всему СССР можно было бы «табуировать», «положить предел» и «пресечь дискуссии». Это было возможно лишь при полном подавлении гласности на всей территории Союза, что вело бы к изоляции власти от интеллигенции и гражданской конфронтации со всеми вытекающими последствиями.

Альтернатива в 1987—1989 гг. была иной — не сдерживание процесса, а направление его в конструктивное русло. Уже на этом этапе проблема спорности границ в СССР обозначилась достаточно четко, но вместо того, чтобы выдвинуть единые принципы территориального самоопределения внутри СССР (например, обмен территориями в ходе районных референдумов), развивать систему национально-культурной автономии, последовательно отстаивать приоритет гражданских прав над правами этносов, союзное руководство предпочло «африканский» принцип нерушимости границ, в то же время фактически признавая права этносов на власть в своих квазигосударственных образованиях.

Собственно, именно размывание жестких границ между республиками, угроза потери ими части территории в случае дистанцирова-

ния от Союза снижало бы угрозу раскола по линии искусственных границ. Но для того чтобы пересмотр границ происходил с помощью бюллетеня, а не стрельбы, нужна была ясная позиция самого центра в поддержку территориальных референдумов.

* * *

На старте национального движения в Прибалтике не было четкого разделения между сторонниками и противниками независимости. По наблюдению Р. Таагепера, один и тот же человек «эмоционально стремится к прошлой независимости, рационально может надеяться лишь на постепенное формирование чего-то нового, а биологически пытается удержаться за то, что приобрел при старом режиме».

Насколько лидеры национальных движений изначально планировали отделение от СССР? Времена независимости могли восприниматься ностальгически, но это не значит, что уже в 1988 г. большинство участников национальных движений всерьез считали возможным бороться за независимость. В 1988 г. лидеры прибалтийских национальных движений выдвинули двусмысленную формулу «борьбы за суверенитет», под которой понимался не собственно суверенитет в международно-правовом значении, а верховенство республиканских законов над союзными. Горбачев принял эту опасную терминологию, хотя сторонники независимости уже тогда напоминали, что значит это слово. Так, на съезде «Саюдиса» в октябре 1988 г. выступление лидера Лиги свободы Литвы А. Терляцкаса за независимость вызвало отпор со стороны умеренного крыла «Саюдиса». «Это провокация! — заявил писатель В. Питкявичус. — Подобные призывы душат зерно еще в почве». Под «зерном» понималась не независимость как таковая, а «национальное возрождение», свободное развитие национальной культуры, которое могло привести как к широкой автономии, так и к независимости в составе «социалистического содружества» (такую линию продвигали лидеры Компартии Литвы).

Озолас утверждал тогда: «Сегодня в Литве — революция. Революция возрождения. Еще неясно, как ее назовут. Совершенно ясно,

что она начинает нашу новейшую историю — историю Литвы, освободившейся от сталинского социализма». Не от СССР, не от «оккупационных войск», а от «сталинского социализма». То же говорит и Горбачев.

Для изменения массовых настроений понадобилось усиление кризиса в СССР и упорная работа национальной творческой интеллигенции по формированию мифов, иррационально сочетающих надежды на удержание старых преимуществ и приобретение новых, западных, в случае независимости. Рациональные возражения против быстрого продвижения к независимости были сняты стремительным ослаблением союзного центра «изнутри». В этом отношении не национальные движения в республиках вызывали процесс распада СССР, а этот процесс стимулировал рост сепаратизма и вел к радикализации руководства народных фронтов.

Еще в 1988 г. они видели в восстановлении независимости некую стратегическую мечту, отдаленную и полуфантастическую. Движение было нужно всем, конечная цель — по мере возможности. Э. Сависаар на учредительном съезде Народного фронта Эстонии поставил сторонников оппозиции на одну доску со сталинистами: «для отклонений как в одну, так и в другую сторону характерны ностальгия, обращенность в прошлое, во вторую половину 30-х годов».

И речи 1988—1989 гг., и воспоминания более позднего периода о былой смелости — две стороны реальности, в которой лидеры Народных фронтов были готовы договариваться о широкой автономии, но в случае неудачи переговоров и ослабления центра были готовы переходить к восстановлению независимости.

Развитие ситуации в СССР перевело эту мечту в практическую плоскость в 1989 г. «Саюдис» открыто декларировал стремление к независимости 16 февраля 1989 г., в день провозглашения довоенной Литовской республики. Однако это решение было принято после дискуссии, то есть и в 1989 г. в руководстве «Саюдиса» были сторонники и противники провозглашения стремления к независимости. Более того, между стремлением к независимости и ее осуществлением закладывался значительный временной лаг.

На встрече с американским послом Д. Мэтлоком депутаты от Литвы заявили, что рассчитывают добиться восстановления полной

независимости к середине 90-х гг. Это произошло раньше, но только благодаря резкому изменению ситуации в СССР. В условиях 1989 г., когда демократический подъем и идеи обновления социализма еще не были скомпрометированы и потому спланировали общесоюзное пространство, прибалтийские национальные лидеры маневрировали. В преддверии I съезда депутатов СССР на Балтийской ассамблее лидеры национальных движений заявили о нелегитимности пребывания Прибалтики в составе СССР. Но на съезде предложили свои условия легитимизации: преобразование «Союза и надреспубликанского, республикоуправляющего сильного центра в содружество суверенных республик с ими формируемым, их интересы представляющим межреспубликанским аппаратом». Горбачев не понял опасности идеи содружества и, стремясь удержать Прибалтику, через год инициировал процесс перезаключения союзного договора.

Одновременно эволюционировала и позиция национальных коммунистических партий, которые использовали национальные движения для усиления собственной самостоятельности от центра — первоначально в рамках СССР, а по мере постановки сепаратистских задач национальными движениями — и вне Союза. Сохраняя формальную лояльность центру до 1988 г., коммунисты Прибалтики отказались от применения репрессий против Народных фронтов даже в случае серьезных нарушений закона (например, блокада уличного движения), которые в других регионах СССР вызывали серьезные административные репрессии. Это позволяло Народным фронтам, сохраняя героическую риторику и имидж жертвенности, в «тепличных условиях» наращивать организационные возможности. При этом Народные фронты успешно использовали более радикальные сепаратистские организации, чтобы прощупывать «границы возможного».

Исследователи обращают внимание на то, что «наиболее “льготное” отношение было проявлено именно к тем республикам, со стороны которых опасность по отношению к единству Союза объективно была максимальной». Этот парадокс объясняется прежде всего ненасильственным характером действий национальных движений Прибалтики и большей заинтересованностью Западной Европы в делах

этих стран. К делам Закавказья у партнеров Горбачева в то время был гораздо меньший интерес.

Реформаторская элита СССР благосклонно отнеслась к национальным движениям Прибалтики, считая, что, поскольку они действуют демократическими методами, то с ними всегда можно найти общий язык, особенно в противостоянии консервативной бюрократии. Горбачев просил Бразаускаса передать учредительному съезду «Саюдиса», «что в “Саюдисе” он видит ту позитивную силу, которая способна служить на благо перестройке...». Либерально-коммунистическая пресса в 1988 г. писала о прибалтийских движениях более благожелательно, чем даже о собственных демократах. Журналист В. Третьяков, после распада СССР известный своей державной позицией, в декабре 1988 г. писал о действиях Эстонии в войне законов с центром: «Новая для нас ситуация “и за, и против” не только демократична сама по себе... Несмотря на всю непривычную для нас свою, так сказать, парламентскую экстравагантность, шокирующую многих, он (“эстонский прецедент”. — А.Ш.) по сути своей намного демократичнее и социалистичнее тех методов, которыми стремятся решить свои проблемы некоторые “поборники справедливости” в Закавказье». Ужас перед вспыхивавшей на Кавказе резней заставлял реформистов принимать демократизм по форме за демократизм (и даже «социалистичность») по сути.

В 1989 г. Горбачев так разъяснял свою позицию: «Как бы не отбросить Народный фронт во враждебный КПСС лагерь, не смешать его с тем или иным крылом в этом Народном фронте. Если он, Народный фронт, объединяет все силы нации, надо же думать об отношениях с ним. А мы радикальное крыло в этом Фронте распространяем на все движение». Так Горбачев признал за Народными фронтами право представлять всю нацию (забыв об интерфронтах и просто нейтральных гражданах), не замечая, что радикалы-сепаратисты уже превратились в авангард, а не «уклон» национальных движений.

Вскоре русскоязычному населению пришлось создавать для защиты своих прав Интернациональный фронт, выступавший за сохранение СССР. В нем возобладали приверженцы консервативных коммунистических взглядов. Такая же ситуация сложилась и в других республиках Прибалтики. В Литве НФ назывался «Саюдис»,

а его противники объединились в организацию, названную на трех языках: Венибе—Единство—Едность. По мере того, как национальные организации стали добиваться привилегий по национальному принципу, консервативные интернациональные организации стали апеллировать к принципам демократии: «Демократия внеациональна! Безнравственно говорить о правовом государстве и одобрять антидемократический закон!» — говорилось в обращении «Венибе—Единство—Едность» по поводу принятия «Указа о языке», ограничивающего употребление русского в государственных учреждениях республики. Однако интерфронты фактически не получили поддержку центра.

* * *

Конфликт между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха перерос в настоящую войну. Иной была логика конфликтов на юге страны. В 1989—1990 гг. не раз происходили столкновения между грузинами и абхазами, а также осетинами; между молдаванами и русскоязычными жителями входившего в Молдавию Приднестровья. Силовые структуры СССР не могли справиться с ситуацией, но в отсутствие реформ в сфере национальных отношений именно они стали главным средством «разрешения» конфликтов. Всю страну потряс разгон митинга грузинской оппозиции в Тбилиси союзными войсками 9 апреля 1989 г. Сам митинг был вызван не стремлением к независимости, а грузино-абхазским конфликтом. После его разгона стремление к независимости в Грузии стало преобладать. Но первичным было не насилие центра, а его неспособность быть третейским судьей в межнациональных конфликтах.

Затяжной характер конфликтов постепенно радикализировал массы. Аресты активистов национального движения Армении и Азербайджана в конце 1988 г. не поправили ситуацию. В конце 1989 г. начался переход власти в Азербайджане к Народному фронту, стремившемуся к провозглашению независимости. Только когда в Баку снова начались погромы, направленные против армян, 19 января 1990 г. в столицу Азербайджана вошли войска СССР. Им было ока-

зано сопротивление, погибло более сотни людей. В итоге тот же результат — стремление к независимости только усилилось.

Насильственные формы приняли выступления национал-экстремистов в ряде республик Средней Азии, но они были быстро подавлены. Но там эти события сами по себе не вели к усилению сепаратизма, так как конфликты не были затяжными и действия центра не были в этих случаях направлены против национальных элит.

* * *

В 1989 г. уже в каждой из республик СССР существовало влиятельное национальное движение, выступавшее за суверенитет, то есть верховенство национальной власти над вышестоящими структурами СССР. Но даже в это время лидеры массовых национальных движений не только на Украине и в Средней Азии, но и в Прибалтике были готовы вести конструктивный диалог с центром.

Не имея возможности применить вооруженную силу даже для сдерживания националистов (такая попытка сдерживающего насилия в Прибалтике в январе 1991 г. показала свою полную неэффективность), союзное руководство пыталось удержать прибалтийские республики в рамках СССР, принимая их сценарий переустройства для всего Союза. Так возобладали идея перезаключения Союзного договора, легитимизирующего наиболее разрушительные для СССР тенденции. Альтернативой этому были переговоры о выходе из СССР Прибалтики на определенных условиях (гарантии прав всего населения республик, сохранение советских баз на несколько десятилетий, таможенный союз и др.). В 1989 г., когда стремление лидеров национальных движений Прибалтики рано или поздно уйти из СССР определилось, Горбачев еще мог выступить с инициативами, которые обеспечили бы СССР выгодные условия неизбежного восстановления независимости трех республик. Но эти возможности были упущены.

Азербайджанский кризис января 1990 г. показал, что политика поддержания статуса кво, которой Горбачев придерживался в национальном вопросе, потерпела полный крах. И Горбачев решился на проведение масштабных преобразований в межреспубликанских отношениях. Они были запоздалыми, но это полбеда. Все зависело

от того, поставит ли эта реформа под угрозу сам факт существования СССР.

Одновременно становилось очевидно, что в ходе республиканских выборов в Прибалтике и Грузии придут к власти силы, которые объявят о курсе на независимость. Вместо того чтобы заранее определить условия предоставления независимости, выгодные для остальной части СССР, Горбачев стал предпринимать усилия для превращения государства в свободную ассоциацию, которая могла бы привлечь даже сторонников независимости. Он не понимал, что для стран Прибалтики самоцелью является не свобода и даже не независимость, а переход в состав западноевропейских институтов. И тут у Прибалтики и остальной части СССР были заведомо разные дороги.

В 1990 г. национальные движения одержали победу на выборах в республиках Прибалтики и Закавказья, а также в ряде автономных республик. В условиях нараставшего социально-экономического кризиса это стимулировало центробежные процессы. После победы на выборах в Литве национального движения «Саюдис» новый Верховный Совет 11 марта 1990 г. провозгласил восстановление независимости Литвы, которая была утрачена в 1940 г. В ответ Горбачев начал экономическую блокаду отделившейся республики. Это лишь обострило противоречия между Литвой и союзным центром, сплотило литовцев вокруг «Саюдиса». Поражение было настолько очевидным, что в 1990 г. Горбачев выдвинул стратегию решения национальных проблем, причем продиктованную именно прибалтийской спецификой, — перезаключение Союзного договора.

Союзное руководство не смогло своевременно предложить альтернативное решение этнонациональных проблем, а когда эти предложения прозвучали в виде проекта Союзного договора, радикализация национальных движений в Прибалтике и Закавказье зашла уже слишком далеко, чтобы перезаключение договора могло стать для них сдерживающим фактором. Все большая часть жителей этих республик считали, что лучший способ избавиться от эксплуатации со стороны центральной бюрократии — это отделение от СССР.

Однако, если Прибалтика и Грузия уже в начале 1990 г. взяли курс на восстановление независимости, на остальной территории СССР ситуация была более сложной. В России подавляющее боль-

шинство населения и политиков ни о какой независимости от СССР не помышляло. Лозунги подобного рода, выдвигавшиеся, например, Демократическим союзом, остальной части общественности казались абсурдными. Близкой была ситуация в Белоруссии. На Украине «самостийники» представляли очевидное меньшинство, что подтвердил даже референдум 17 марта 1991 г. В Закавказье СССР имел сильные «точки опоры» в лице автономий Грузии, мог играть на противоречиях Армении и Азербайджана. Средняя Азия сохраняла относительное спокойствие и оставалась резервом консерватизма, который к 1990 г. из противовеса политике Горбачева превратился в ресурс централизма. Таким образом, при всей опасности национально-сепаратистских движений для структуры СССР, сами по себе они не обладали достаточными силами для «развала» Союза. Не случайно и те авторы, которые считают, что «непосредственной силой, приведшей к распаду СССР, были национальные движения», вынуждены включать в их число и «движение за российский суверенитет». Но это движение как раз и не было собственно национальным (ни в смысле этнонационального, как все остальные, ни в смысле движения нации, так как в РСФСР не было сформировано собственно российской нации как гражданской целостности). Несмотря на то что российское демократическое движение использовало национальные идеологии наряду с другими, первичны были все же демократические, либеральные и западнические. Национальные мифы более активно использовали противники «демократов» от «Патриотической России» на выборах 1990 г. до ГКЧП в 1991 г. Так что нам придется различать феномены национальных движений и «демократического движения» России, что значительно снижает совокупную роль национальных движений.

Безусловно, в тяжелой социальной ситуации 1988—1991 гг. этнические конфликты заметно осложнили положение союзного центра, показали его неумение решать сложные проблемы, которые встали перед страной. Но, приняв затяжной характер, превратившись в «ноющие раны», многие из которых существуют до сих пор, эти конфликты сами по себе еще не вели к распаду СССР. Советский Союз тяжело страдал от этой болезни, но это не значит, что именно она оказалась смертельной.

Глава 13 ЗАВЕРШЕНИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Перестройка и завершение «холодной войны» шли параллельно, и финал обоих процессов почти совпал по времени. В результате возникает подозрение: не является ли перестройка результатом поражения СССР в «холодной войне» и, следовательно, распад СССР — свидетельством победы в войне? Получается, что «холодная война» завершилась в декабре 1991 г. с распадом СССР. Понятно, что такой вывод является базой для более широких идеологических конструкций. Не случайно, в пункте о том, что СССР был уничтожен в результате сознательных действий со стороны США, сходятся «ястребы патриотизма» как в России, так и в США.

Стал ли СССР жертвой геополитического убийства, или главной причиной кончины были внутренние болезни? Коммунистический режим, монополю на власть КПСС убила перестройка, которая представляла собой не только преобразования сверху, но и движение снизу. Сам выход населения из-под контроля КПСС был смертельной болезнью для коммунистической системы. Но был ли он фатален для Советского Союза? И какую роль во всем этом сыграли внешнеполитические факторы?

И коммунистический режим, и СССР пережили натиск американской администрации 1982—1987 гг. и почил в связи с большим комплексом более поздних факторов, среди которых важную (хотя и не определяющую) роль играла американская политика, заметно отличавшаяся от последнего обострения «холодной войны». Достаточно очевидно, что кризис горбачевских реформ стал проявляться в процессах «распада» как раз после того, как воздействие на СССР факторов гонки вооружений, СОИ, Афганистана и Польши резко ослабло.

Версия о победе НАТО в «холодной войне» вызывает сомнение уже и в зарубежной историографии. Если мы действительно хотим понять, когда кончилась «холодная война» и кто в ней победил, необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Что такое «холодная война» и каковы ее признаки?
2. Когда эти признаки прекратили существование?

3. Насколько противники СССР по «холодной войне» способствовали распаду этого государства после 1987 г., когда официально политика уничтожения СССР не проводилась. Может быть, она проводилась тайно?

* * *

«Холодная война» — это противоборство между СССР и США, а также их союзниками, которое развернулось в середине 40-х — 80-х гг. XX века и сопровождалось не войной между ними, а гонкой ракетно-ядерных вооружений и множеством локальных конфликтов. «Холодная война» вызвала раскол мира на два лагеря с разными социальными системами.

Исследователи сходятся на том, что «холодная война» между СССР и США — явление, имевшее место после Второй мировой войны, хотя отношения между двумя странами были скверными и до войны, особенно до 1933 г. Так что речь идет не просто о конфликте, а конфликте с конкретно-историческими признаками:

1. Каждая из сторон возглавляет военно-политический блок, существующий для противостояния другому блоку.

2. Каждый из блоков контролирует половину Европы. Граница между ними проходит по Германии, разделенной после Второй мировой войны.

3. Происходит гонка (наращивание) атомного оружия.

Этот конфликт начался в 1946—1947 гг. В первой половине 70-х гг. в «холодной войне» наступила пауза в связи с переходом СССР и США к политике, получившей название «разрядка международной напряженности». В 1975 г. в Хельсинки был заключен «мир» между основными участниками «холодной войны». Тем не менее в 1979—1980 гг. конфронтация возобновилась. Поэтому можно говорить о двух «холодных войнах» или об одной большой, в которой «разрядка» является перемирием.

При этом вторая «холодная война», начавшаяся в 1979—1980 гг., была связана с еще более конкретными конфликтами: присутствием советских войск в Афганистане (временный характер которого признавался СССР), кризисом коммунистического режима в Польше,

размещением американских ракет средней дальности в Западной Европе.

Сохранились ли эти факторы и конфликты, возникшие в 1946—1947 гг., к моменту распада СССР?

Геополитический кризис, в котором оказался СССР, ставил на повестку дня вопрос об «экономии на внешней политике» ради осуществления решительных изменений в политике руководства СССР, но отнимал ресурсы, необходимые для проведения реформ. Однако, по данным Агентства по контролю над вооружениями и разоружению США, в первой половине и середине 80-х гг. «СССР постоянно отставал от США с валовым продуктом приблизительно в половину меньше американского, но ни абсолютного, ни относительного упадка не наблюдалось».

Зато давление США начиная с 1987 г. стало заметно снижаться. Перспективы «новой разрядки» оказались более заманчивыми, чем открытая конфронтация с «империей зла». Администрация США отказалась от фронтального наступления на СССР, которое закончилось неудачей.

«Нулевой вариант»

Чтобы перейти к новому международному климату, в котором бывшие враги становятся «партнерами», нужно было выйти из тупика, возникшего в первой половине 80-х гг. Рейкьявик не позволил этого сделать. Горбачев завязал свои предложения в «пакет», который можно было бы открыть только при условии отказа США от СОИ. Военные специалисты с обеих сторон уже понимали, что СОИ — блеф, но понимали ли это лидеры? Рейгану нравилось говорить с позиции силы, имея «в запасе» космические войны, а Горбачеву нравилось выглядеть спасителем мира от этой новой угрозы. Отказ от условий 1985—1986 гг. был теперь делом престижа.

В 1993 г. бывший министр обороны США Карлуччи признался, что сам никогда не верил в программу СОИ. Горбачев утверждает, что и он это понимал. Карлуччи «говорил, между прочим, что советское руководство переоценило значение СОИ. Но я-то думаю, не переоценило: мы ставили вопрос с принципиальной точки зрения...».

Нужно было попытаться разрубить гордиев узел на другом направлении и тем показать противнику свою добрую волю. Поскольку вторая «холодная война» началась с ракетного кризиса в Европе, то и преодоление «холодной войны» логично было бы начать именно с него. Но здесь был свой тупик — Рейган еще в 1981 г. предложил «нулевой вариант», который считался неприемлемым для СССР. Из Европы выводятся все ракеты средней дальности США и СССР. Но тогда у НАТО — остаются еще ракеты Великобритании и Франции, а у Варшавского договора — ничего.

Горбачев решил, что можно рискнуть, — ведь сейчас реальной угрозы ракетно-ядерной войны нет, а если она в будущем возникнет, но можно будет произвести новые ракеты средней дальности. Только это все равно будет делать уже какое-то новое руководство — крах «нового мышления» будет означать и крах Горбачева, связавшего с новой разрядкой всю свою политику.

Такая логика была новой для военного руководства СССР. Маршалы и генералы привыкли поддерживать паритет, когда огромную роль играла каждая боеголовка. А здесь потенциальный противник получает явное преимущество.

Зато уступка в деле ракет средней дальности давала Горбачеву политические преимущества в давлении на Рейгана. Советник А. Черняев пишет о расчетах Генсека обойти глухую оборону президента: «Изменит он свою позицию только в том случае, если мы перетянем на свою сторону Западную Европу и если мы и дальше будем умело натравливать на Рейгана мировое общественное мнение. Но, оставляя СС-20 в Европе, мы Западную Европу на свою сторону не получим». Уже в Рейкьявике Горбачев согласился принять «нулевой вариант» в обмен на отказ от СОИ. Теперь предстояло сделать следующий шаг — согласиться уже без всяких условий.

1 марта Горбачев выступил с заявлением, призвав США безотлагательно выделить проблему ракет средней и меньшей дальности в Европе из всего блока вопросов и заключить по ней отдельное соглашение. Если у Горбачева были опасения, что руководство Министерства обороны «не поймет» эту уступку, то скоро у Генсека появился повод снять эту проблему вместе с руководством.

28 мая на Васильевском спуске Красной площади в Москве приземлился легкомоторный самолет, пилотируемый гражданином ФРГ М. Рустом. Сначала телезрители восприняли эту новость как какое-то новое свидетельство разрядки международной напряженности, но затем им объяснили, что произошел крупный провал нашей обороны.

ПВО все время полета держало «Сессну» под прицелом, но военные руководители не решились сбить пилота, отказывавшегося подчиняться командам советских военных самолетов. Горбачев отсутствовал в стране, а после скандала со сбитым в 1983 г. «Боингом» решение об уничтожении гражданского самолета считалось политическим. Ни министр обороны С. Соколов, ни командующий ВВС А. Колдунов не знали, как скажется инцидент на международной ситуации. При этом «хулиган» производил сложные маневры, которые наводили на подозрения: ему хорошо известна дислокация советских аэродромов и объектов ПВО.

Сдавшись властям, Руст заявил, что хотел продемонстрировать поддержку Горбачеву. Ему это удалось. Горбачев воспользовался скандалом, чтобы 30 мая отправить в отставку и Соколова, и Колдунова, с которыми у него были разногласия по вопросам о сокращении вооружений. С постов были сняты полторы сотни офицеров, некоторые были отданы под суд. Горбачев хотел иметь более послушное военное руководство, обязанное выдвижением новому Генсеку. Новым министром обороны стал генерал армии Д. Язов. Язов на международных переговорах «проявлял гибкость», что и требовалось.

По свидетельству работника аппарата ЦК В. Фалина, «генеральный искал в ту пору безотказный предлог, позволявший ему взнудать и засупонить военных. Генералы и адмиралы — не партсекретари в регионах и отчасти в республиках. Здесь перевыборы не назначишь, чтобы “демократически” избавиться от неугодных. И вдруг как “манна небесная” — М. Руст. Нежданный и столь желанный подарок». Был ли Руст «манной небесной», или подарком западных спецслужб, или плодом сотрудничества спецслужб двух лагерей в борьбе против своих «ястребов»? Любой из этих ответов пока не опровергнут.

4 сентября Руст был приговорен Верховным судом СССР к четырем годам заключения в исправительно-трудовой колонии. 4 ав-

густа 1988 г. советские власти в качестве гуманного жеста освободили летчика. Прошло некоторое время, и стало известно, что Руста снова посадили, на этот раз по обвинению в нападении на медсестру. Мавр сделал свое дело...

* * *

Чтобы превзойти «нулевой вариант» Рейгана, Горбачев предложил «глобальный нуль», то есть уничтожение целого класса вооружений — ракет средней и меньшей дальности (РСМД) с дальностью полета 500—1500 км. Однако 13—14 апреля прилетевший в Москву госсекретарь США Д. Шульц потребовал присовокупить к соглашению и ракеты еще меньшей дальности — советскую «Оку». Делать было нечего — в ответ на отказ СССР демонтировать «Оку» американцы могли модернизировать ракету «Лэнс» и разместить ее в Европе, что было бы откатом от ядерного разоружения. Начальник Генерального штаба СССР С. Ахромеев был против уступки по «Оке», и, чтобы не сорвать соглашение, его не пригласили на ту часть переговоров, где речь шла о ликвидации ракет малой дальности. США будут пугать Горбачева ракетой «Лэнс» и в 1989 г., но с падением «железного занавеса» наращивание тактического ядерного оружия в Европе станет бессмысленным.

Уступка для Горбачева была средством перейти к решению более масштабных задач. 27 октября Горбачев предлагал Рейгану после подписания договора по ракетам средней дальности уже к следующей весне подготовить договор о 50%-ном сокращении баллистических ракет. Согласившись развязать пакет, Горбачев все же настаивал, что «без взаимоприемлемого решения проблемы космоса невозможно будет окончательно договориться о радикальном сокращении стратегических наступательных вооружений...».

8 декабря в Вашингтоне Горбачев и Рейган подписали Договор между СССР и США о ликвидации РСМД, а также документы, сопутствующие договору: меморандум об исходных данных, протоколы о процедурах ликвидации ракет и проведении инспекций.

В течение 3-х лет было уничтожено Советским Союзом — 826 и 926 и Соединенными Штатами — 689 и 170 РСД и РМД соответ-

ственно. Были также ликвидированы пусковые установки к этим ракетам, вспомогательные сооружения и оборудование.

В итоге СССР ликвидировал носителей ракет в пропорции 2 : 1, а ядерных боеголовок на них в пропорции 4 : 1 больше, чем США.

Был сделан первый и практический шаг к ликвидации самых опасных и современных вооружений.

Горбачев считает, что «подписанием Договора по РСМД мы, по сути дела, отвели пистолет от виска страны». Миллиарды людей вздохнули с облегчением. Когда 10 декабря Горбачев остановил свой автомобиль в Вашингтоне и вышел к толпе, это вызвало фурор, который был сопоставим с восторгом советских людей 1985 г. И позднее в беседах с советскими гражданами большинство западных людей искренне удивлялись, почему соотечественники так недовольны Горбачевым.

Теперь можно было попросить Рейгана об ответной любезности: отказе от СОИ. Горбачев вспоминает: «Американцы добивались принятия совместного заявления, предусматривавшего право обеих сторон после десятилетнего периода разворачивать оборонные системы. (Представьте, пойдете мы на эти условия, в 1997 г. над землей могли быть подвешены ядерные и лазерные средства поражения!). Получается, что Горбачев все-таки верил в способность американцев создать эффективную систему СОИ уже к 1997 г. То, что уже осознали советские военные специалисты, Горбачев, видимо, не понимал. Ему оставалось лишь надеяться на асимметричные ответы. Как сегодня Путину. Горбачев считал, что без договора по ПРО сокращение стратегических ядерных вооружений бессмысленно.

Договорились не выходить из ПРО 10 лет. Горбачев рассказывал коллегам по Политбюро: «Для нас это время нужно для сокращения разрыва... Надо нам внимательно разобраться с новыми оборонными темами. В чем они опережают?» Горбачев все еще не был уверен в том, что США не смогли обогнать СССР в гонке вооружений. Но теперь у обеих сторон было время «разобраться». К 1989 г. Ахромеев убедил Горбачева в бесперспективности СОИ, и СССР снял отказ от СОИ как предварительное условие сокращения стратегических ядерных вооружений. Тем более что у американцев были свои претензии к соблюдению договора по ПРО Советским Союзом — мощ-

ный радар в Красноярске мог использоваться для задач противоракетной обороны. До 1989 г. СССР этого не признавал.

Американцы, заморозив выход из ПРО, добьются существенно ядерного разоружения, а потом все-таки выйдут из договора уже в 2000 г. Правда, это не приблизит их к созданию эффективной системы СОИ.

Антифултон

29 мая Рейган прибыл с визитом в Москву. Это был символ того, что отношения между двумя странами вернулись как минимум на уровень 1972 г., когда в СССР приезжал Никсон. Кульминацией его встречи с Горбачевым стал обмен ратификационными грамотами Договора о ликвидации РСМД. Рейган встречался с москвичами на улицах столицы и дружески с ними беседовал. Обстановка «холодной войны» ушла в прошлое. Сам Рейган так вспоминал об этом визите: «Наверное, самым глубоким впечатлением, вынесенным мной во время этой и других встреч с советскими гражданами, было то, что они в целом ничем не отличались от людей, которых я видел всю свою жизнь на бесчисленных улицах Америки».

Но подписать новые договоренности по сокращению ядерных вооружений не удалось.

Этому мешала проблема подуровней, так как у сторон были разные виды стратегических вооружений, и их было трудно привести к общему знаменателю. Здесь переговорный процесс увяз в согласовании деталей.

Тем временем Горбачев начал собираться в Америку. Но на этот раз речь шла не просто о визите в США, а о выступлении в ООН. Горбачев готовил речь, которая должна была по значению превзойти речь У. Черчилля в Фултоне в 1946 г., с которой принято отсчитывать срок «холодной войны». «Антифултон» Горбачева должен был начать отсчет последних дней этой войны.

7 декабря Горбачев заявил в ООН: «Наш идеал — мировое сообщество правовых государств, которые и свою внешнеполитическую деятельность подчиняют праву». По мнению советского лидера, «сегодня едва ли возможно сохранение каких-то закрытых обществ...

Мировое хозяйство становится единым организмом, вне которого не может нормально развиваться ни одно государство, к какой бы общественной системе оно ни принадлежало и на каком бы экономическом уровне оно ни находилось... Мы не отказываемся от наших убеждений, от нашей философии, традиций, не призываем никого отказываться от своих. Это вело бы к духовному оскудению, ибо означало бы отказ от такого мощного источника развития, как обмен всем тем оригинальным, что создается каждой нацией самостоятельно. В ходе такого обмена пусть каждый доказывает преимущества своего строя, своего образа жизни, своих ценностей...». Выдвигая такую концепцию плюралистического глобального общества, Горбачев не учитывал, что неолиберальный глобализм не терпел никакого «многообразия систем», стремясь растворить социалистический лагерь в глобальном капиталистическом рынке. Горбачев предупреждал мировое сообщество об угрозах XXI в., хотя и не выработал пока представления о методах решения этих глобальных проблем: «В то же время рост мировой экономики обнажает противоречия и пределы индустриализации традиционного типа. Дальнейшее ее распространение “вширь и вглубь” толкает к экологической катастрофе».

Горбачев развернул пацифистскую утопию будущего мира, в котором не будет применения силы во внешней политике, где народы будут свободны в выборе общественного устройства. Горбачев явно исходит из того, что две системы общественных отношений сохранятся надолго.

Демонстрируя готовность СССР двигаться к новому, правовому и ненасильственному мировому порядку, Горбачев заявил о сокращении состава армии на 500 000 человек в течение двух лет. За тот же период сокращению подлежали 10 000 танков. Горбачев заявил о намерении вывести половину всех танков из стран Восточной Европы. Выводу подлежала и значительная часть войск, размещенных вдоль советско-китайской границы.

Но не вывод войск играл ключевую роль для судеб стран Восточной Европы, а провозглашенный в «Антифультоне» принцип новой внешней политики СССР: «Свобода выбора — это всеобщий принцип; тут не должно быть места ни для каких исключений».

Горбачев встретился с уходящим в отставку Рейганом и его премником Дж. Бушем. Встречу с двумя президентами Горбачев характеризует как «искреннюю и дружественную». Рейган был готов констатировать завершение эпохи «холодной войны». Когда его спросили, считает ли он по-прежнему СССР «империей зла», президент ответил: «Нет, я имел в виду другое время, другую эпоху». Но теперь многое зависело от нового президента Дж. Буша.

Теперь, после избрания, Буш приглядывался к Горбачеву. Это для Рейгана он был привычным партнером, с которым удалось подписать историческое соглашение по РСМД. Бушу был чужд рейгановский мессианизм, его помыслы были заняты Латинской Америкой ничуть не меньше, чем Восточной Европой. Его больше всего волновало вмешательство Кубы в Центральной Америке, и это был главный (даже по сравнению с Афганистаном) упрек СССР. Пока вмешательство здесь продолжается, «холодная война» не кончилась. Буш намеревался навести порядок в «своем полушарии», вести борьбу с колумбийскими наркобаронами и панамским правителем Норьегой, которого обвинял в контрабанде наркотиков. Буш одержит победу над этими врагами. Но наркомания в Америке, естественно, никуда не денется. В иную эпоху Буш стремился бы к международной стабильности. Он был осторожен — не в пример своему сыну. Но обстановка стремительно менялась сама по себе, и американские элиты не простили бы полной пассивности.

В Белом доме и Госдепартаменте шли оживленные дискуссии — закончилась «холодная война», и чего еще предстоит добиться, чтобы факт ее окончания стал несомненным. Консервативное крыло республиканцев убеждало Буша «давить еще больше, выжимать уступки у Советского Союза». Посол в СССР Мэтлок, напротив, считал возможным уже сейчас предложить Горбачеву инвестиции в сырьевой сектор, чтобы его плодами воспользовались и СССР, и США. В эпоху «холодной войны» такое предложение от посла было бы немислимым — в Госдепе решили бы, что он сошел с ума. Теперь никто так не думал, и Мэтлок продолжал доказывать, что крах советской экономики ударит по интересам США — ведь СССР аккурратно платит за американское зерно. Мэтлок полагал, что «холодная война» закончится после «прекращения советской интервенции

в Афганистан, советского вмешательства в другие конфликты в третьем мире... ликвидации раздела Европы...». Эти критерии были практически полностью выполнены к концу года.

Советники Буша рисовали сценарии возможного возобновления «холодной войны». Они утверждали, что Горбачев будет свергнут консерваторами или сам станет агрессивным коммунистом, что он хочет развалить НАТО. Надо держать ухо востро, но помогать внутрисоветской оппозиции нельзя — это ее только скомпрометирует и укрепит позиции консерваторов. Распад СССР как практическая перспектива не обсуждался. Программа-максимум — независимость Прибалтики. Но даже в отношении прибалтийских национальных движений нужно соблюдать дистанцию, хотя США продолжали настаивать на незаконности включения Прибалтики в СССР. Все эти сомнения привели к длительной паузе в отношениях США и СССР, которые раздражали западноевропейских лидеров, стремившихся «ковать железо», пока у власти Горбачев. Тэтчер убеждала американского госсекретаря Бейкера: «Не тяните. Не давайте посевам оставаться под паром». Трещина в НАТО расширялась, хотя и не так быстро, как трещины в Варшавском договоре.

Только в мае 1989 г. Буш, взвесив «за» и «против», предпочел политику осторожного давления и подписал Директиву национальной безопасности-23, которой предстояло определять курс США в отношении СССР. Директива сменяла приоритеты политики США со «сдерживания» на «интеграцию Советского Союза в международную систему». Этот план не предусматривал развала СССР, так как можно интегрировать и малые и большие государства (Индию, например), а сам процесс распада вел к непредсказуемым последствиям. Консервативное руководство США с опаской воспринимало «неожиданный всплеск сепаратизма... в результате чего Советский Союз может расколоться, и ядерное оружие окажется в руках неизвестно кого». 12 мая Буш публично заявил: «Политика сдерживания сделала свое дело». Характерно, что рисуя картину мира после «сдерживания» (то есть, по существу, после «холодной войны»), Буш уделил ключевое внимание проблемам Латинской Америки и наркотиков.

Вкладывать капиталы в советскую экономику до введения в СССР оптового рынка было нереально, но и экономические диверсии были

не нужны. Буш требовал от Горбачева, чтобы тот придерживался своей собственной политики — не применял насилия в Прибалтике и Восточной Европе, выводил войска из Афганистана. Буш претендовал на роль гаранта ненасильственности политики Горбачева, но советский реформатор сам по себе был таким гарантом, ибо широкомасштабные репрессии и национально-освободительная война в Европе стали бы провалом его политики. Так что осторожному Бушу оставалось просто смотреть, как развивается процесс разрушения коммунистической системы, и подбирать то, что от нее отваливается.

Путь из Афганистана

Война в Афганистане стала одним из тяжелейших внешнеполитических кризисов, с которыми СССР столкнулся в 80-е гг. И дело было даже не столько в материальных затратах, сколько в «человеческом факторе». В Афганистане в «мирное время» гибли люди, сотни тысяч советских граждан, возвращаясь после «выполнения интернационального долга», рассказывали о зверствах, достойных средневековья, о гибели друзей и неспособности Советской армии решить поставленные задачи. «Самая передовая страна» оказалась в положении колониальной империи, которая не может справиться с восстанием каких-то «феодалов». Сам по себе факт войны в Афганистане отравлял морально-политический климат в СССР и подрывал престиж Советского Союза и его перестройки в мире.

После прихода к власти Горбачева произошел последний всплеск войны — советские войска предприняли отчаянную попытку разгромить все базы боевиков. Понеся самые большие потери за время войны и нанеся немалый (но вполне восполнимый) урон моджахедам, советско-афганские войска опять не смогли решить все поставленные задачи. Моджахеда не только сумели отвести основные силы в Пакистан, но и удержали стратегически важную базу Жавара.

Это наступление было призвано создать предпосылки для вывода войск на выгодных для СССР условиях. В октябре 1985 г. на Политбюро было решено уйти из Афганистана. Горбачев год спустя говорил об этом решении: «Цель, которую мы поставили, заключалась в том, чтобы ускорить вывод наших войск из Афганистана и в то

же время обеспечить дружественный нам Афганистан». Пока предпосылок для решения второй задачи не было.

Горбачев, как до него Андропов, стремился покинуть Афганистан так, чтобы «не потерять лицо» и не превратить эту страну в плацдарм экстремизма у южных границ СССР. Для решения этой задачи нужно было другое руководство. 4 мая 1986 г. без лишнего шума Б. Кармалы заменили на посту главы НДПА руководителем службы безопасности Наджибуллой, который провозгласил политику национального примирения. Только большинство моджахедов не поверили в нее.

Горбачеву, Шеварднадзе и другим руководителям «афганского направления» казалось, что симпатичный и влиятельный Наджибулла, отказавшись от радикальной политики предшественников, сможет создать коалицию с частью оппозиции и прекратить войну. Увы, моджахеды хотели получить все, а их спонсоры стремились изматывать СССР и тем подталкивать его к новым уступкам не только в Афганистане, но по всему миру. Афганистан должен был стать уроком для СССР и в Центральной Америке, и в Африке, и даже в Восточной Европе. США отказывались прекратить помощь моджахедам в обмен на вывод советских войск. В условиях «холодной войны» США были заинтересованы в том, чтобы СССР как можно дольше не мог выйти из «капкана», в который попал в Афганистане.

Только по мере завершения «холодной войны» в мире возникла возможность прекратить войну в Афганистане.

* * *

14 апреля в Женеве представители Афганистана, Пакистана, СССР и США в присутствии Генерального секретаря ООН подписали соглашение о политическом урегулировании ситуации вокруг Афганистана. В число подписанных документов вошли двустороннее соглашение между Афганистаном и Пакистаном о принципах взаимоотношений, и в частности о невмешательстве и об отказе от интервенции, двустороннее соглашение между Афганистаном и Пакистаном о добровольном возвращении беженцев, Соглашение о взаимодействии при урегулировании (подписано представителями Аф-

ганистана, Пакистана, а также государств-гарантов СССР и США), Декларация о международных гарантиях (подписана представителями СССР и США), Меморандум понимания. Стороны договорились «обеспечить, чтобы своя территория не использовалась каким-либо образом для нарушения суверенитета, политической независимости, территориальной целостности и национального единства... другой стороны, воздерживаться от содействия... повстанческой или сепаратистской деятельности...».

Советский Союз принял обязательство вывести из Афганистана к 15 февраля 1989 г. свой «Ограниченный контингент», численность которого оценивалась Западом в 115 тысяч человек.

Соглашение стало результатом сложной челночной дипломатии, при которой представители Афганистана и Пакистана долгое время не встречались напрямую (два режима не признавали друг друга), и между ними сновали дипломаты СССР и США.

Лидеры афганской оппозиции и Иран эти соглашения не признали. В реальности положение о прекращении поддержки противоборствующих сторон не соблюдалось ни СССР, ни Пакистаном, ни США.

15 февраля 1989 г. в 9 ч 50 мин. в районе г. Термез (Узбекская ССР) пограничный Хайратонский мост пересек последний бронетранспортер последней оставшейся на афганской территории советской воинской части — разведбатальона 201-й мотострелковой дивизии. Прямое участие СССР в Афганской войне прекратилось. 17 августа 1989 г. в «Правде», впервые в СССР, были опубликованы данные по советским потерям в Афганистане: убиты, умерли от ран и болезней, погибли в катастрофах, в результате происшествий и несчастных случаев 14 453 человека; пропали без вести и попали в плен 417 военнослужащих. Последний командующий 40-й армией противоречиво оценивает итоги войны. Одну из глав своей книги он назвал «Накануне поражения», но в другом месте опровергает версию поражения советских войск в Афганистане: «Советские войска в конце 1979 г. беспрепятственно вошли в страну, выполнили — в отличие от американцев во Вьетнаме — свои задачи и организованно вернулись на Родину».

Выполнила ли Советская армия задачу? Задачи, поставленные в 1979—1980 гг., она выполнить не смогла. Это было невозможно, так

как Афганистан стал одним из основных фронтов «холодной войны», и за плечами моджахедов стояло полмира — коалиция государств НАТО и исламских стран. Эта коалиция будет определять развитие мировых процессов и после распада СССР, вплоть до конца века.

С 1983 г. в Афганистане ставились уже более скромные задачи — сохранение дружественного режима. Обеспечить эту задачу военными средствами тоже не удалось, но в принципе баланс сил в мире к 1989 г. изменился настолько, что режим Наджибуллы при продолжении советской помощи сохранял устойчивость. Если раньше афганцы из НДПА предпочитали экономить силы, «пропуская вперед» советских солдат, то после ухода советских войск сторонникам светского режима пришлось сражаться не на жизнь, а на смерть. И в этом был шанс на то, что СССР, в отличие от США во Вьетнаме, решит задачу сохранения дружественного режима. Оценивая итоги вмешательства США — во Вьетнаме, экс-президент Р. Никсон сказал, что США выиграли войну, но «проиграли мир». Для СССР «выиграть мир» — это значило сохранить дружественный себе режим в Афганистане. Но это было возможно только при продолжении помощи Наджибулле — ведь его противников продолжали поддерживать и США, и исламский Восток.

Кабульский режим выстоял под ударами моджахедов в 1989 г., не дал им взять Хост и Джелалабад. Наджибулла продолжал прикрывать южные границы СССР в последние годы его существования. А это были критические годы, когда натиск исламских радикалов на Среднюю Азию мог кардинально изменить ситуацию, и огонь войны охватил бы не только Таджикистан, и раньше, чем в 1992 г. Но после распада Союза Российское руководство, поддавшись оценкам вроде процитированной выше, прекратило оказывать помощь Наджибулле. Его правительство пало, и моджахеды стали вмешиваться в дела среднеазиатских республик. СССР худо ли бедно «выиграл мир» в Афганистане, Россия — проиграла.

Конец железного занавеса

Перестройка в СССР предопределяла драматичные перемены в Восточной Европе. Дело в том, что Венгрия в 1956 г., Чехословакия в 1968 г. и Польша в 1980—1981 гг. уже сталкивались с ситуацией, по-

добной перестройке. Реформы в духе демократического социализма и самоуправления, подъем массовых гражданских движений, действующих в союзе с реформистами-коммунистами... Каждый раз эти «перестройки» подавлялись либо силами стран Варшавского договора, либо при их поддержке. Причем подавление сторонников реформ происходило еще до того, как преобразования принесли очевидные отрицательные результаты, что создавало Венгерской революции, «Пражской весне» и польской «Солидарности» ореол неиспользованного шанса, возможности третьего пути между капитализмом и «реальным социализмом» советского образца. Начав реформы, Горбачев де-факто признал, что предыдущие попытки создать «социализм с человеческим лицом» были оправданны и подавили их зря. Это лишало советской поддержки режимы «нормализации», которые были установлены при подавлении «контрреволюционеров». Теперь «контрреволюционеры» пришли к власти в СССР. Они не собирались тратить дополнительные средства на поддержку восточноевропейских режимов и требовали от них «перестраиваться», чтобы решать свои проблемы самостоятельно, без поддержки извне. В то же время пример перестройки активизировал реформистов в Восточной Европе. Их влияние среди населения росло. Горбачев убеждал восточноевропейских коммунистов проводить реформы и тем сохранить популярность. Некоторые следовали этому совету, некоторые — нет. Но финал был одинаков. Народы этих стран стремились «жить на Западе», где уровень жизни был выше, чем на Востоке. В отличие от народов СССР (кроме Прибалтики) поляки, венгры, чехи и словаки еще могли вспрыгнуть на подножку западноевропейского «поезда».

Таким образом, перестройка в СССР неизбежно вызвала реформы в части стран Восточной Европы, а они в свою очередь — цепную реакцию. В 1989 г. восточноевропейские режимы стали рушиться один за другим — у них уже не было внутренних резервов стабильности.

Горбачев, увлеченный событиями в своей стране, упустил восточноевропейскую и прежде всего германскую проблему, а его аппарат мыслил в примитивной антитезе «невмешательство — силовое вмешательство». Силовое вмешательство в дела зарубежных стран было невозможно. Зато ФРГ оказала прямое воздействие на пред-

выборную ситуацию в ГДР. Богатые западные партии поддерживали своих «партайгеноссе» в ГДР. Единственные, кто не получил поддержку, — восточногерманские «новые левые» и наследница СЕПГ Партия демократического социализма, позиция которых была наиболее выгодна СССР. Но Советский Союз не оказал левой оппозиции симметричную поддержку.

* * *

Уход войск СССР из Восточной Европы выглядит как поражение в «холодной войне». А зачем они там находились? Прежде всего — ради предотвращения внезапного нападения на территорию СССР. Исчезла такая угроза — и пребывание войск стало иметь только политическое значение — поддержание прокоммунистических режимов. Но эти режимы уже не были союзниками кремлевских реформистов. Да и реальных возможностей для силового вмешательства в Польше или Венгрии, Германии или Чехословакии не было — это вызвало бы крушение всего внешнеполитического курса Горбачева и втянуло бы СССР в войну с населением и частью армии Восточной Европы. В ситуации второй половины 80-х выбор был в другой плоскости — поддерживать ли «своих» левых или пойти по пути полного невмешательства. Поражение Горбачева заключается в том, что он не сумел найти союзников в Восточной Европе за пределами номенклатуры. А номенклатура уже потеряла поддержку большинства граждан.

Сам Горбачев оправдывался: «И у нас, и за границей стали раздаваться голоса: Горбачев “сдал социалистические страны”».

Уместно спросить: кому принадлежат “отданные” страны? Ответ ясен: Польша — полякам, Чехия и Словакия — чехам и словакам, Венгрия — венграм, Болгария — болгарам...» Однако сегодня эти страны принадлежат не только своим народам, а точнее — своим элитам, но и тем, кто этими элитами руководит извне. В 1996 г., когда Горбачев писал свои мемуары, он еще не знал, но уже мог догадаться, в каких союзах через несколько лет окажутся страны, которые вышли из состава стран Варшавского договора и СЭВ. Другой вопрос, что это действительно был выбор большинства населения, хотя

и сделанный в условиях жесткого информационного и экономического давления.

Падение Берлинской стены и решение об уходе СССР из Восточной Европы означали окончание «холодной войны» де-факто. Это было последнее поле конфликта, которое питало «войну». Теперь здесь воцарился «мир», который для СССР уже установился и на других направлениях.

«Агенты влияния»

Насколько внешняя поддержка помогла оппозиции встать на ноги и победить в СССР? Пытаясь оправдать свое бессилие в борьбе с оппозицией, ветераны госбезопасности утверждают, что их победили не соотечественники, а американцы. Считается, что это не так постыдно. Генерал КГБ В. Широнин, говоря о планировании действий оппозиции, приводит единственный аргумент в пользу такой версии: «Никакой “мозговой” штаб не смог бы справиться с такой сложной и многоплановой задачей, тут хорошо чувствовалась рука специализированных и многоопытных коллективов-разработчиков». Комплекс национальной неполноценности подсказывает генералу — оппозиция была «слишком умной», значит — не соотечественники. Правда, КГБ не смогло выяснить, как конкретно осуществлялось руководство из-за рубежа Е. Боннэр, Ю. Афанасьевым, А. Собчаком, Г. Бурбулисом, Г. Старовойтовой и В. Новодворской. Получается, генералы зря ели хлеб. Может быть, тоже были в заговоре? В любом случае, влияния перечисленных людей явно недостаточно, «шпионов» должно было быть гораздо больше.

В июне 1991 г. председатель КГБ В. Крючков сделал сенсационное заявление о том, что политическая элита напичкана западными «агентами влияния». Он сослался на записку Ю. Андропова 1977 г., в которой говорилось, что «американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза». Итак, в середине 70-х гг. американцы поставили задачу завербовать и обучить шпионов, а затем (обратим внимание) продвигать их в руковод-

ство СССР. Похоже, Крючков не очень понял, о чем писал его учитель. Программа ЦРУ, если таковая существовала, была рассчитана на несколько десятилетий. Только за это время можно было продвинуть обученных шпионов в советские верхи. Перестройка в любом случае сорвала такие планы, ведь американцы готовились к затяжной борьбе.

Вообще-то выступления Крючкова удивляли участников оппозиции своей некомпетентностью. Так, в декабре 1990 г. он доложил депутатам о подрывной деятельности на территории СССР. Спецслужбы противника не дремали — они собирали информацию «о развитии политической ситуации в СССР...». В 1990 г. это можно было легко сделать, просто читая газеты. Означенные спецслужбы не думали отказываться «от использования радиостанции “Свобода”», а также такой страшной силы, как НТС. С поразительной неосведомленностью о влиянии тех или иных оппозиционных сил Крючков пугал депутатов НТСом как возможным «главным объединителем антисоциалистических сил». Словно продолжая жить обстановкой 50—70-х гг., Крючков обрушился на ОУН, но забывал о «Рухе». И это говорилось в обстановке конца 1990 г., когда объединителем антисоциалистических сил уже было руководство России, а сепаратистские идеи глубоко проникли в руководящие элиты компартий республик. Конечно, Крючков не мог говорить обо всем прямо. Но зачем было смешить аудиторию, выдавать мух за слонов, не замечать бревен в глазу и вообще ссылаться как на эксклюзивную информацию на факты, о которых печатали газеты. В одном с председателем КГБ можно было согласиться: «Основные источники нашего неблагополучия, по мнению Комитета госбезопасности, находятся внутри страны». Это позднее, чтобы оправдать ухудшение ситуации, Крючков заговорит «об агентах влияния».

Кто же это? Все, чьи действия приближали финал СССР 1991 г.? Но в той или иной степени поступки всех активно действовавших политиков могут быть истолкованы таким образом — в том числе и Крючкова. Они совершали ошибки, они меняли режим (а можно ли было оставлять его вечно неизменным?). Что если предположить, будто государственные руководители от Горбачева до Крючкова руководствовались не своим представлением о том, что лучше для

СССР, а указаниями зарубежных центров. Доказательства? Зачем нужны доказательства, если результат всех этих действий оказался выгоден США. Значит, Америка и ставила задачи всем, кто действовал. Одно непонятно, почему сразу не приказала сдать, а так долго возилась?

Если разбираться серьезней, то в пособничестве противнику в «холодной войне» могут быть обвинены те, кто добивался и добился роспуска СССР. Правда, до 1990 г. серьезные политики не ставили такую задачу. Решение о роспуске СССР возникло на поверхности политической жизни в 1991 г. как результат политической борьбы, соответствовало интересам тех политиков, которые принимали соответствовавшие решения. Соответствуют ли эти политики критериям, которые выдвинуты в записке Андропова?

Начать следует, конечно, с Ельцина. Если его «завербовали», то когда учили шпионской деятельности? На тайной базе под Свердловском? Абсурд. Точно так же к началу 80-х гг. большинство перечисленных генералом Широным людей или уже сделали значительную карьеру, или уже стали диссидентами и воспринимали Запад как союзника, но не могли внедряться в бюрократию.

С какой стороны ни посмотри, версия о том, что «демократами» руководили завербованные и обученные ЦРУ «агенты влияния», не дотягивает даже до рабочей гипотезы.

Запад оказывал некоторое воздействие на «демократов», но совсем иным образом.

Слетав в Америку, Ельцин стал переходить на прокаталистические позиции. Но не потому, что был завербован в «агенты», а из-за того, что сравнил магазины двух стран. Взгляды Ельцина на общественные процессы были довольно примитивными, и сравнение магазинов вело к простому выводу, — чтобы люди жили, как в Америке, нужно позаимствовать «все лучшее» в американской общественной системе, в том числе частную собственность. Ни КГБ, ни пропагандистский аппарат КПСС не смогли переубедить Ельцина, но они не могли переубедить и «либеральных коммунистов», и массы населения. Не помогла ни монополия на телевидение, ни многотиражные газеты — официальный марксизм-ленинизм был слишком далек от известной всем реальности.

Монополия КПСС на СМИ была подорвана к началу 1989 г., причем практически без поддержки из-за рубежа (но при поддержке Прибалтики). Качество неформальных изданий сначала не имело значения — изголодавшиеся по свежему взгляду люди были готовы читать хоть самиздат, напечатанный на машинке. Но в 1990 г. можно было договориться и с государственной типографией. Хозрасчет. Только в 1990—1991 г. из-за рубежа поступила помощь, которая помогла редакторам «независимой прессы» макетировать свои газеты и журналы качественнее и быстрее. Свой вклад в это дело сделал фонд Сороса. Но деньги распределялись самими оппозиционерами, значительная их часть уходила не на политические, а на культурные инициативы. В любом случае доплачивали тем, кто и так занимался оппозиционной деятельностью. Начались поставки оргтехники. Европейские партнеры оказывали помощь своим единомышленникам в России (христианские демократы — христианским демократам, социал-демократы — социал-демократам, анархисты — анархистам). При этом западные политики не должны были заставлять советских союзников действовать в определенном направлении — они и так это делали.

От «холодной войны» к «холодному миру»

2 и 3 декабря состоялась неофициальная встреча М. Горбачева и президента США Дж. Буша на борту теплохода «Максим Горький», бросившего якорь в порту столицы Мальты Валлетты.

Встреча мало дала вялотекущему процессу ракетно-ядерного разоружения. Оба лидера понимали, что угроза ядерной войны сейчас не актуальна, и сосредоточились на локальных конфликтах. Буша волновало Западное полушарие, и он пытался использовать Горбачева для давления на Кастро, чтобы он также не поставлял оружие в Центральную Америку. Фидель в свою очередь «попросил содействия в деле нормализации отношений с США», но американцы отказались от этого. Советско-кубинское вмешательство в Центральной Америке остается единственным и самым серьезным «камнем преткновения» в советско-американских отношениях. Что же, Горбачеву будет не сложно убрать этот камень. После обсуждения ситуации в Латинской Америке Горбачев высказал сомнение, «не при-

ходит ли на смену “доктрине Брежнева” “доктрина Буша”?» Учитывая ситуацию в Восточной Европе, СССР мог демонстрировать обратный подход, хотя эта позиция и была вынужденной, но зато, с точки зрения общественности Запада, более красивой, чем экспансионизм США в Латинской Америке.

Руководители двух стран затронули и проблемы разоружения. Еще в сентябре советская сторона согласилась «отложить споры» о размещении оружия в космосе ради ускорения подписания договора о сокращении стратегических вооружений. Блеф СОИ уже не волновал Кремль.

Теперь дело стояло только за согласованием внутренних пропорций этого сокращения. Военные эксперты спорили по поводу того, как засчитывать ракеты передового базирования и бомбардировщики. Это тормозило подписание исторического соглашения, что раздражало Горбачева. Ракетно-ядерное разоружение было его коньком. Но уже сам процесс этих переговоров и уже достигнутые соглашения отвели мир от грани атомной войны. В конце концов этот бессмысленный (в условиях отказа от ракетно-ядерной войны) спор закончился тем, что советские военные специалисты почти полностью согласились с американской позицией — Горбачев требовал как можно более скорого разрешения разногласий. В сентябре 1989 г. СССР пошел на крупные односторонние уступки — согласился не включать в договор по СНВ крылатые ракеты морского базирования. Эти уступки заметно подорвали авторитет Горбачева в высшем военном руководстве СССР, что скажется на внутривнутриполитических событиях 1991 года. Но незадолго до ГКЧП соглашение по СНВ будет наконец подписано. К этому времени «холодная война» будет уже достоянием истории.

Итоги встречи на Мальте позволили представителю МИД СССР заявить на пресс-конференции: «Мы похоронили “холодную войну” на дне теплого Средиземного моря».

* * *

Если учесть, что в 1987 г. был разрешен ракетный кризис, в 1988 г. заключено соглашение по Афганистану (в феврале 1989 г. были выведены советские войска из этой страны), в 1989 г. исчез авторитарный

режим не только в Польше, но и в других странах Восточной Европы, то говорить о продолжении «холодной войны» не приходится. Были сняты проблемы, вызвавшие обострение международной напряженности не только в 1979—1980 гг., но и в 1946—1947 гг. Уровень отношений между СССР и странами Запада вернулся к состоянию до «холодной войны», и ее вспоминали лишь для того, чтобы провозгласить «окончание», как это сделал президент Дж. Буш, объявив о победе в «холодной войне» после распада СССР, и президенты Б. Ельцин и Дж. Буш, заявив о ее прекращении в 1992 г. Эти пропагандистские заявления не опровергают того факта, что в 1990—1991 гг. признаки «холодной войны» уже исчезли. СССР распался после окончания «холодной войны» по внутренним причинам, под воздействием процессов, происходивших в обществе и правящей элите.

Сказанное, конечно, не означает, что геополитический тупик, в котором СССР оказался к середине 80-х гг., вообще не способствовал падению коммунистического режима. Но связь эта опосредованная. Если в качестве «убийства» рассматривать роспуск СССР, то американская администрация затеряется в толпе «убийц», имеющих гораздо более непосредственное отношение к этому событию. Внутренние факторы гораздо существеннее подтачивали основы системы «реального социализма», чем обстановка «холодной войны».

Кто выиграл в «холодной войне»? Народы мира. Потому что альтернатива была жесткой — или прекращение конфронтации, основных конфликтов между «системами», начало ракетно-ядерного разоружения, либо третья мировая война, массовая гибель людей. Первый вариант и был победой народов. СССР не проиграл «войну». Но после распада СССР блок НАТО и исламские государства «выиграли мир».

Глава 14 ДЕМОКРАТЫ НА АРЕНЕ

1989 г. во многом является переломным годом перестройки. Если в 1988 г. демократические выступления происходили вспышками, то в 1989 г. возникли уже постоянные центры оппозиции со всеобщей

известностью. Вожди революции побороли страх и вышли на арену. Теперь вся страна следила за драматической и, как казалось, неравной борьбой демократов с бюрократическим режимом. И борьба эта на глазах становилась массовой — народ вышел на улицы. Если в 1988 г. было неясно, началась ли в стране революция или это только идеологические заклинания Горбачева, то в 1989 г. обычными стали сравнения ситуации в СССР с Великой французской революцией или по крайней мере с 1905 годом.

Первым актом этой пьесы стали полудемократические выборы 1989 г. Их значение в развитии перестройки трудно переоценить уже потому, что это были первые выборы, где хотя бы части избирателей действительно был предоставлен выбор. Все на этих выборах было впервые, в диковинку. Последующая череда выборов была развитием этой кампании 1989 г.

Выбор и избранники

29 ноября 1988 г. была проведена Конституционная реформа. Суть реформы заключалась в создании съезда народных депутатов численностью в 2250 человек. Четверть его состава не избиралась, а назначалась руководством официальных общественных организаций, причем 100 из них — ЦК КПСС («красная сотня»). По списку этой сотни прошел и М. Горбачев, который, таким образом, не был избран гражданами. Огромным съездом было легко манипулировать, он был своего рода «защитным барьером» между народом и законодательным органом — Верховным Советом. Он избирался съездом. Кандидаты в депутаты проходили строгий отбор окружных предвыборных собраний, состоявших из представителей местных партийных, производственных и профсоюзных структур. Однако резкое расширение количества депутатов позволило приблизить избранников к народу, что в условиях общественного подъема позволяло известным «либералам» обойти препоны избирательного законодательства и пройти на съезд. По правилам, ниспосланным стране Горбачевым, парламент должен был напоминать орган сословного представительства средневекового образца (недаром его сравнивали с французскими Генеральными штатами, с которых началась революция). Из

2250 мест 750 получали общественные организации. Закон определил, какие организации займут 525 мест: КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ и т.п.; 75 — научные организации, 75 — творческие союзы, 75 — другие всесоюзные организации. Еще две трети мест должны были быть разыграны на выборах — 750 мест по территориальным округам, 750 — по национально-территориальным.

КПСС еще не действовала как единая политическая партия, считая себя чем-то вроде партии всех общественно активных людей. Можно выдвинуть шесть кандидатов и предоставить народу возможность выбирать между ними. Эта «либеральная» позиция способствовала дальнейшему размежеванию внутри КПСС, которое уже на следующих выборах парализует ее политическую волю. КПСС «уже» не будет действовать как единая политическая партия.

Партии было не до целенаправленных действий. Ее крылья стремились в совершенно разные стороны, а лидер маневрировал в ЦК, чтобы «избежать открытого бунта на корабле»...

Стремясь удержать равновесие и сохранить свободу рук, Горбачев лишил власти даже Политбюро, не говоря уж о без того безвластном ЦК. ЦК был опасен как средство нового «антихрущевского переворота», и поэтому даже на «выборах» депутатов от КПСС (названных демократами «красной сотней») список был безальтернативным, — чтобы точно прошли все, и никто не обиделся. По оценкам Горбачева, если бы он включил больше кандидатов на выборах «красной сотни», то наибольшее число «черных шаров» получили бы Лигачев, Ульянов и Яковлев. Если бы выборы были еще свободнее, не прошло бы большинство членов Политбюро. Малейшее отклонение могло вызвать ожесточенное столкновение между Лигачевым и Яковлевым, что вело бы к открытому расколу. А Горбачеву не нужен был раскол.

В 1989 г. стало очевидно, что такая партия как единый политический организм действовать не может, тем более — на выборах. Как справедливо говорил Ельцин: «Ведь это иллюзия, что у нас одна партия... если у нас в одной КПСС состоят Юрий Афанасьев и Виктор Афанасьев, Ельцин и Лигачев, депутат Самсонов и депутат Власов, полные антиподы и по позициям, и по поступкам, значит, мы уже совсем запутались в понятиях и забыли вообще, что такое партия». Распадаясь сама, партия становится источником развала политичес-

ких и государственных структур. Спасение общества от распада стало возможно лишь путем освобождения от распадающейся партии.

* * *

Административный ресурс играл на выборах 1989 г. не меньшую роль, чем в начале XXI века.

Можно было выдвинуться даже от парикмахерской, но если у кандидата не было знакомого директора, то нужно было собрать по месту жительства 500 избирателей. Сложность заключалась в том, чтобы тебе на это дали помещение.

Проведением выборов руководили окружные избирательные комиссии, которые создавались местными органами власти старого созыва.

Особое значение комиссий заключалось в том, что они имели право предварительного отсева «неправильно выдвинутых кандидатов» и, что еще важнее, созыва окружных собраний, которые могли уже безо всяких объяснений отсеять всех кандидатов, которые по каким-то причинам были неуютны.

В окружное собрание входили представители коллективов и организаций, выдвинувших своего кандидата, а также люди, представлявшие официальные общественные организации и советские органы. Окружные собрания формировались окружными комиссиями относительно произвольно. Часть этих выборщиков составляли представители местных предприятий и жэков. Отбор делегатов на окружные собрания не отличался даже формальным демократизмом. Но мнение делегата, прежде известного консервативной позицией, могло измениться под влиянием агитации на собрании — в это время взгляды людей менялись стремительно. К тому же от предприятий попадало много случайных людей с критическими взглядами. Поэтому система, авторитарно отсекавшая большинство непартийных кандидатов, в то же время могла отсеять и кого-либо из номенклатуры. Например, в Колпино избирательное собрание проголосовала против председателя Ленгорисполкома В. Ходырева, а в Калининградской и Магаданской областях окружные собрания проголосовали

против первых секретарей. А вот в Ивановской области окружные собрания «зарезали» известного директора станкостроительного завода В. Кабаидзе. Он слишком ярко выступил на XIX партконференции.

Аппаратчики отсеивали также неформалов — персонально они не были широко известны, так как не имели доступа к СМИ, поэтому их провал не вызывал скандала. Отсекли кандидата комитета самоуправления Братеево, что вызвало переход местного актива к протестной кампании. Лишь немногие неформалы с партбилетами (например, С. Станкевич) смогли «обмануть бдительность» окружных собраний.

Определенную опасность собрания представляли для наименее желательных кандидатов, например Ельцина и Гдляна. Во всяком случае, им так казалось. Поэтому демократические кандидаты требовали от избирательных собраний, чтобы они не мудрствовали лукаво и допускали до выборов всех кандидатов. Это естественное требование было популярно и у избирателей, которые проводили митинги вокруг окружных собраний (например, в Свердловске) под лозунгом: «Доверим выбор депутата всем жителям округа!».

В Гагаринском округе Москвы собрание последовало этому совету и отказалось от предварительного отбора кандидатов, оставив в списке 12 фамилий. Но в целом в Москве окружные собрания действовали решительно, и «громким именам» в большинстве своем пришлось идти через общественные организации или через провинцию — Евтушенко, Коротич, Афанасьев, Щекочихин были избраны не от столицы.

* * *

При выборах от общественных организаций роль окружного собрания играли высшие органы этих структур. Везде выборы прошли гладко. Поскольку в некоторых из этих организаций сильные позиции занимали «либеральные коммунисты», то через них без всякой предвыборной нервотрепки прошли видные «либералы», включая Г. Попова, Т. Заславскую, А. Яблокова и Д. Лихачева.

Наиболее драматичные выборы от общественной организации прошли в Академии наук. 18 января расширенное заседание Президиума АН СССР не утвердило академика А.Д. Сахарова и ряд других ученых демократической ориентации в качестве кандидатов в народные депутаты СССР. Большинство академиков были настроены консервативно и предпочитали видеть своими избранниками лояльных КПСС коллег.

Сахаров в это время был выдвинут рядом инициативных групп в нескольких городах страны, но предпочел бороться за выдвижение именно от академии, признав таким образом легитимность принципа, по которому часть депутатов не избирается населением, а назначается общественными организациями. Демократически настроенная научная общественность горячо поддержала опального академика.

Возвращение Сахарова к активной общественной деятельности «на внутреннем фронте» можно отнести к маю 1988 г. В ходе митинговой кампании 1988 г. Сахаров выступил на митинге «Мемориала» и затем активно участвовал в формировании этого движения. В декабре 1988 г. Сахаров подключился к разрешению армяно-азербайджанского конфликта (без особого успеха).

Вернувшись в Москву, Сахаров погрузился в предвыборную кампанию. В своей предвыборной программе он предложил «разукрупнять крупные предприятия с целью стимулировать конкуренцию и не допускать монопольного ценообразования». Программа предусматривала прямые выборы депутатов парламента и его председателя, заключение Союзного договора между всеми национальными образованиями. Несмотря на то что Сахаров подхватил идею перезаключения Союзного договора, в его интерпретации эта идея была дополнением к пересмотру Конституции. Мы увидим, что это — очень важный нюанс, от которого зависела судьба страны.

Сахарова с триумфом выдвинули кандидатом в депутаты по Московскому национально-территориальному округу. На собрании присутствовало 947 избирателей и еще тысячи две за порогом. Но Сахаров снял свою кандидатуру — формально из-за того, что его «прокатили» в АН и он желает бороться там. В действительности возникла угроза соперничества Сахарова и Ельцина в Москве. Сахаров был выдвинут еще в 200 других округах, но очевидно, что в провинции у диссидента было меньше шансов пройти.

2 февраля в Москве у здания Президиума АН СССР прошел митинг сотрудников около 50 академических учреждений, протестовавших против неутверждения Президиумом АН А. Сахарова и других известных либеральных ученых кандидатами в народные депутаты СССР. Митингующие развернули плакаты: «Долой бюрократа из АН!», «Академия тяжело больна», «Сахарова, Согдеева, Лихачева — в депутаты!» Инициаторами митинга стали участники неформальных организаций («Мемориал», «Перестройка») и инициативные группы либеральной интеллигенции нескольких институтов. Вокруг Сахарова наконец была прорвана информационная блокада, закипели споры.

Под давлением общественности руководство АН допустило на конференцию по выборам депутатов от академии представителей научных коллективов, но так, что академики и члены-корреспонденты имели 554 голоса, а вся остальная научная общественность — 903. Но все равно 15 из 23 предложенных руководством кандидатов были провалены. На второй тур был вынесен уже более широкий список, дополненный кандидатами от институтов. 20 апреля были избраны еще 12 депутатов, в том числе А. Сахаров, Р. Согдеев, Н. Шмелев, Ю. Корякин, Г. Лисичкин, П. Бунич, Н. Петраков, Г. Арбатов.

* * *

В принципе Горбачев тогда еще не опасался выдвижения кандидатами ни Ельцина, ни Сахарова, ни Афанасьева и, как покажут последующие события, даже рассчитывал на их присутствие на съезде. Но местные партийные князья не хотели допустить выдвижение популярных «либеральных коммунистов» именно у себя — ведь тогда придется втягиваться в трудную предвыборную конкуренцию, вместо того чтобы спокойно пройти по монопольному округу.

Чтобы парировать угрозу со стороны тщательно отобранных избирательных собраний, вождям демократии приходилось прибегать к действиям в стиле боевика. 19 февраля 1989 г. Ельцин «оторвался от слезки» в Москве и на грузовом самолете (чтобы не заметили в аэропорту) прибыл в Березняки Свердловской области. Уже было известно, что он будет баллотироваться в Москве или Свердловске, и «аппаратчики» в Березняках Ельцина не ждали. Но Ельцин

опасался, что выдвинуться в Москве ему могут все же не дать, и озаботился запасным аэродромом, внеся смуту в планы местных начальников: «Мое появление вызвало шок у организаторов, так как из обкома партии прилететь и что-то изменить уже не успевали». А что можно было изменить, прилетев из обкома партии?

После ожесточенных споров с президиумом собрание утвердило кандидатуры всех кандидатов. Ту же тактику Ельцин избрал и в Москве, где требовал зарегистрировать всех. Свердловчане обещали Ельцину на всякий случай забаллотировать всех кандидатов по округу, чтобы в случае неудачи в Москве он все равно смог избраться.

Окружное собрание по Московскому избирательному округу проходило в Колонном зале Дома Союзов. Конкурировало десять кандидатов. Все кандидаты предложили зарегистрировать их всех. Но собрание отклонило просьбу, как казалось, всех кандидатов. Очевидно, политики понимали, что предложение зарегистрировать всех популярно, и даже если в душе выступали против него, публично позиционировались как демократы. А уж группы поддержки должны были голосовать как надо. После обсуждения, которое продолжалось до полуночи, публика в зале поляризовалась «за» и «против» Ельцина. Решающий удар по консерваторам нанес космонавт Г. Гречко, который снял свою кандидатуру в пользу Ельцина. В итоге более половины из 789 голосов, достойных решить за избирателя, из кого можно выбирать, получили Ю. Браков — 577 и Б. Ельцин — 532. Как показали реальные выборы, мнение окружного собрания мало соответствовало мнению самих избирателей. Но такой неестественный отбор подарил Ельцину на редкость удачного соперника — невзрачного хозяйственника.

* * *

В Центризбирком поступило более 8000 жалоб на грубое нарушение закона, допущенное властями при проведении собраний.

Окружные собрания не пережили 1989 г. Их антидемократический характер был слишком очевиден. Но и сегодня у разборчивых избирателей сохраняется ощущение бедности выбора. Такое впечат-

ление, что где-то работает «окружное собрание». Теперь его роль играет многопартийный партаппарат и руководство телевидения.

Итогом проведения окружных собраний стало резкое снижение конкурентности выборов. Было выдвинуто 9505 кандидатов, но через окружные собрания смогло пройти только 5074.

В Москве на 26 мест претендовал 81 кандидат, безальтернативных округов не было. В стране по два кандидата боролись в 952 округах, три и более кандидатов было зарегистрировано в 149 округах, а в 399 округах, т.е. более четверти, был только один кандидат. Большинство первых секретарей ставили себе задачу пройти на выборах безальтернативно. Они понимали, что население неважно относится к их должностям.

Но такой выбор без выбора уже не устраивал жителей значительной части регионов страны — в советском человеке пробуждалось гражданское чувство, которое часто начинается с обиды — обещали, что со мной посоветуются, а теперь опять все решают без меня. В 195 округах избиратели вычеркнули единственного или обоих кандидатов. На повторных выборах испуганное начальство допускало до выборов всех кандидатов, и их соотношение с количеством мест достигло 6 к 1. В некоторых округах соревновалось более 20 кандидатов.

* * *

Наибольшее внимание страны вызывала кампания Ельцина, представлявшая собой своеобразную битву за Москву, от руководства которой опальный боярин был отстранен и теперь возвращался с боем.

В 1988 г., переместив Ельцина в Госстрой, Горбачев предоставил ему аппарат за государственный счет, но без четких обязанностей и значительной нагрузки. Идеальные возможности для оппозиционной деятельности. Ельцин был в это время фигурой загадочной. Его таинственное выступление 1987 г. все еще не было опубликовано. Интервью Ельцина из латвийских газет пользовались огромным спросом, их перепечатки малотиражками иногда приводили к частичному изъятию тиража, что только разжигало ажиотаж. В декабре

1988 г. журнал АПН «Спутник» уже с санкции руководства перепечатал материал Ельцина в преддверии визита Горбачева в США. Горбачев демонстрировал — у меня есть оппозиция.

Вероятно, Горбачев длительное время недооценивал политическое искусство Ельцина, предпочитая иметь такого недалекого человека в качестве оппозиционера № 1. Сейчас эта ошибка кажется очевидной. Но, возможно, Горбачев и был прав в оценке Ельцина. Он не учел способности Ельцина подбирать себе «выносные мозги». Как опытный номенклатурщик, Ельцин хорошо разбирался в искусстве подбора кадров. В 1989 г., при формировании предвыборной команды, «Борис Николаевич, как правило, с каждым из них разговаривал, «экзаменовал» взглядом...». Тогда, по словам первого помощника Л. Суханова, «сформировалась сильная команда», в которую входили А. Музыкантский, А. Шимаев и др.

По правилам игры Ельцин должен был изложить в ходе выборов свою конструктивную программу, что заставило его систематизировать свои взгляды. Конечно, содержание и детали этой программы не решали исхода выборов. В пользу Ельцина свидетельствовал его «бунт против номенклатуры» 1987 г. (человек дела, что-то сделал, «пожертвовал карьерой»). Он был на стороне демократии, но от других кандидатов демократического лагеря у него было важное отличие — он профессиональный государственный руководитель. У избирателей создавалось впечатление, что ему-то можно доверить управление страной, в отличие от либералов-интеллигентов, которые должны быть советниками, а не управленцами.

Но такова уж предвыборная игра — кандидата принято спрашивать, и он должен отвечать без запинки так, чтобы не разочаровать большинство присутствующих.

В ходе предвыборной кампании Ельцин пришел к выводу, что нужно признать частную собственность, которую, правда, он еще смешивает с индивидуальной, «владением на собственность». Предприятия он еще отождествляет не с собственником, а с трудовым коллективом. Выступает за экономическую самостоятельность республик, не разъясняя, кто все-таки будет руководить работой предприятий — коллектив, собственник или республиканские власти?

Коньком предвыборных выступлений Ельцина была не конструктивная программа реформ, а обличение партийных привилегий и некомпетентности высшей бюрократии. Партийное руководство обижалось, и ее капризные «наезды» на Ельцина доводили его популярность до уровня экзальтации.

15—16 марта 1989 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. Обсуждалась аграрная политика КПСС и «дело Ельцина». На Пленуме выступил рабочий В. Тихомиров, который обличил антипартийные выступления Ельцина в ходе предвыборной кампании. Была создана комиссия по проверке высказываний Ельцина. Опальный боярин снова был обижен.

Это вызвало еще большее сочувствие к нему. 18 марта в Москве прошла демонстрация в поддержку Б. Ельцина, в которой участвовало около 10 000 человек. На следующий день вдвое большее количество людей собралось перед Моссоветом и скандировало: «Ельцин! Ельцин!» Впервые на улицы Москвы вышло столько народа. Простые лозунги сплывают.

Москва в политическом отношении шла впереди страны по скорости формирования политического плюрализма. Здесь быстрее внедрялись современные методы ведения предвыборной борьбы многопартийного типа, здесь неформалы уже сформировали настолько разнообразный политический спектр, что дошло до конкуренции между различными неформальными группами в Черемушкинском округе — фактом стала не просто двухпартийность «КПСС — независимые» коалиции («демократов» тогда еще не было), а многопартийность: «КПСС — демократы — патриоты — экологисты». Против нескольких партхоз-кандидатов выступали патриоты и экологисты, поддерживавшие М. Лемешева, и группа «Московского народного фронта», которая выдвинула С. Станкевича.

С. Станкевич был не случайной фигурой. Он был направлен в неформальное движение райкомом, быстро стал среди неформалов «своим»; одним из лидеров «Народного фронта». В ходе предвыборной кампании вопреки линии райкома Станкевич поддержал Ельцина, тем самым набрав «очки». Ответный гнев райкома только добавил популярности Станкевичу, и он победил.

Выступление Станкевича было поддержано большой группой кандидатов, их имена были распространены как «партийный» спи-

сок «демократов». Результат этого действия был двояким — Ельцин получил публичную поддержку группы кандидатов, а кандидаты стали «вагонами», прицепленными к «паровозу» Ельцина. Сторонники Ельцина теперь могли определиться, за кого голосовать по более мелким округам. В СССР стала формироваться «вторая партия».

* * *

В Ленинграде неформалы и группы статусной интеллигенции бросились в предвыборный бой. Своих кандидатов также выдвигали. Неформалам удалось выдвинуть одного из лидеров группы «Перестройка» П. Филиппова. Сито избирательной комиссии прошла и председатель Клуба друзей журнала «Огонек» М. Салье. Один из лидеров «Перестройки», В. Монахов, отсеченный окружной комиссией, подал апелляцию в Центризбирком. На центральном уровне реформаторы решили подыграть плюрализму, Монахов был зарегистрирован. Клуб «Перестройка» в Ленинграде создал общественный комитет «Выборы-89», — модель общедемократического предвыборного объединения. Его целями были, во-первых, поддержка «либеральных» кандидатов, в том числе и не выдвинутых оппозиционными организациями, но заявивших свою оппозиционную позицию, как Ю. Болдарев и А. Собчак, и во-вторых, борьба против главного кандидата номенклатуры в Ленинграде — первого секретаря обкома партии Ю. Соловьева. Ему окружное собрание расчистило дорогу, обеспечив безальтернативные выборы. Но большинство активных избирателей не устроила такая игра в одни ворота, и Соловьева «прокатили».

В обкоме КПСС возмущались: казалось, нам был обеспечен перевес над «независимыми» кандидатами и в тиражах, и в телеэфире. А они обклеили своими листовками весь Ленинград. Это нечестно!

Установив оперативный контакт с Эстонией, демократы печатали там листовки многотысячными тиражами, хотя и меньшими, чем обком. Конечно, типографская поддержка национальных движений сыграла большую роль в усилении демократов. Но что мешало коммунистам печатать остроумные листовки? Нехватка авторов — в среде интеллигенции сотрудничество с обкомом уже считалось дурным тоном.

Все 7 кандидатов, поддержанные комитетом «Выборы-89», прошли. Были провалены все аппаратные кандидаты. По национально-территориальному округу Ленинграда прошел известный следователь — правая рука Т. Гдьяна Н. Иванов.

Некоторые кандидаты в провинции быстро освоили передовые методы политической борьбы — митинги, действия небольшими группами, раздача листовок. По всей стране начался большой призыв политического актива, который составит основу популистского движения 1989—1991 гг.

26 марта состоялся 1-й тур выборов народных депутатов СССР. В Прибалтике уверенную победу одержали национальные движения. Наибольшим успехом оппозиции стала победа Ельцина в Московском национально-территориальном избирательном округе № 1 РСФСР — за него проголосовали 89,4 % избирателей, его соперник Ю. Браков получил 6,9 %.

В целом говорить о поражении номенклатуры на выборах 1989 г. нельзя — ранг победителя оказался в полтора раза выше, чем ранг побежденного. Демократы и сочувствовавшие им составляли примерно седьмую часть депутатов. Но и это был невероятный успех в условиях полудемократических выборов и сохранения консервативной общественной обстановки в большинстве регионов страны.

Бюрократический класс был шокирован частными успехами демократии. Поражение потерпели 33 первых секретаря и 31 секретарь обкомов (почти треть кандидатов этого ранга).

Членов партии среди депутатов в 1984 г. было 71,4 %, а на выборах 1989 г. среди победителей было 87,6 % коммунистов. С. Андреев пишет: «Вывод отсюда такой: нанеся поражение партийному аппарату, население вовсе не отождествило его с КПСС в целом». Таковой же логики придерживался и Горбачев, но она была обманчива. Если бы из числа депутатов вычеркнули не избранных населением представителей общественных организаций, особенно «красную сотню», то процент коммунистов в парламенте опустился бы до уровня 1984 г., когда аппарат следил за пропорциями коммунистов и беспартийных. Вывод из этих соотношений другой: население не отождествляло коммунистов-«либералов» с КПСС в целом, и это было правильно. Такие члены КПСС, как Г. Бурбулис и А. Собчак, избранные

на этих выборах и неизвестные прежде в качестве оппозиционных деятелей, вскоре стали лидерами демократического движения. Отдельные коммунисты все меньше подчинялись решениям своей партии и ее структур. Партия распадалась, и население голосовало за отдельные ее фракции. Открытых оппозиционеров до выборов пока не допускали. Но в условиях, когда в оппозицию переходили «либеральные коммунисты», это уже было вопросом времени. Тем не менее «прорабы перестройки» с успехом воспользовались этим временным лагом, и в 1989 г. сумели возглавить демократическое движение, опираясь на депутатские кресла.

Выборная кампания привела к политизации миллионов людей. Но это было лишь преддверие всеобщего увлечения политикой, которому придаст новый стимул драматичный съезд народных депутатов.

Народное море

Пока шла предвыборная кампания, власть не сидела на месте. 9 апреля был принят Указ «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР “Об уголовной ответственности за государственные преступления” и некоторые другие законодательные акты СССР». «Статья 7. Публичные призывы к свержению советского государственного и общественного строя... в целях подрыва политической и экономической систем СССР... наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до двух тысяч рублей». Отягчающие обстоятельства — до десяти лет. 11 прим.: «Публичные оскорбления или дискредитация государственных органов и должностных лиц, назначаемых, избираемых или утверждаемых съездом народных депутатов СССР или Верховным Советом СССР, а равно общественных организаций и их общесоюзных органов... — наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до двух тысяч рублей». Указ был сформулирован так, что можно было посадить по нему любого активиста оппозиционной организации и даже неосторожного журналиста. Власть дала понять, что неформалы рано расслабились — за критику режима могут посадить и при перестройке. Одновременно власть показала себя в действии в Тбилиси (см. главу 12).

Расчет был понятен — уличная оппозиция «разгулялась» в ходе предвыборной кампании, и теперь пора заставить ее «сбавить обороты». Однако такой расчет не оправдался — после первого испуга оппозиционные организации решили, что если посадят, то и так посадят, и избежать этого можно, только переломив общественную ситуацию. В мае активность общественных организаций будет нарастать и выльется в небывалые митинги поддержки демократических депутатов.

После выборов «независимые» депутаты автоматически превращались в авангард освободительного движения. Считалось, что в соответствии с принципами демократии они будут советоваться с поддержавшим их низовым активом. Пока никаких проблем в этом отношении не было — требования были ясны и в целом соответствовали программе, уже «обкатанной» неформалами и «либеральными коммунистами». Общность идей требовала консолидации действий. Однако мажоритарный характер выборов привел к тому, что и консолидация демократов сначала шла в регионах.

15 апреля депутаты демократической ориентации создали Московскую депутатскую группу, которая позднее преобразовалась в Межрегиональную депутатскую группу.

КПСС также занималась организационными вопросами, но если демократы готовились к решительной схватке, то Горбачев — к сложному маневрированию. 25 апреля открылся Пленум ЦК КПСС. На нем Горбачев провел давно готовившуюся операцию — одновременно подали в отставку 110 престарелых членов и кандидатов в члены ЦК КПСС, а также членов ревизионной комиссии ЦК. Их уламывали несколько месяцев — мол, возраст, все давно в отставке, а кто и в опале. Еще недавно это ослабило бы консервативное крыло руководства, но теперь старые распри консерваторов и «пуристан» теряли смысл — перед лицом растущей демократической оппозиции большинство членов ЦК переходило на консервативные позиции. Это касалось и проигравших выборы, и тех, кто пока держался. Ленинградский первый секретарь Ю. Соловьев возмущался: «Сейчас вольготно ловкачам, авантюристам. В партии оказались люди идейно рыхлые, выступающие против принципиальных позиций КПСС». Но в чем эти принципиальные позиции КПСС? Краснодарский первый

секретарь И. Полозков обличал демократов: «Присваивают идеи и дела партии». В этом была главная опасность — партаппарат терял монополию на идеи и политические дела.

Горбачев как мог успокаивал, мол, не надо бояться за партию, избрано 85 % коммунистов. «И вдруг взрыв: “Какие это коммунисты”!»

* * *

21 мая в Москве в Лужниках состоялся небывалый по численности (во всяком случае для России) митинг в поддержку демократических депутатов съезда. Этот митинг положил начало массовой кампании, которая во многом меняла моральную обстановку на съезде.

В оргкомитет митинга впервые вошли «прорабы перестройки», которые имели имя, и неформалы, которые могли организовать уличное мероприятие. К делу подключились «Мемориал», «Московская трибуна», писательское общество «Апрель», «Гражданское достоинство», Конфедерация анархо-синдикалистов, «Московский народный фронт», «Демократическая перестройка». Для неформалов это был еще и хороший повод преодолеть распри прошлого года. Совместными усилиями удалось распечатать тысячи объявлений о митинге и обклеить ими всю Москву.

Поняв, что избежать митинга не удастся, власти предоставили для него удаленную от центра и людских потоков площадку в Лужниках. С марта здесь проходили митинги «народного фронта», но на огромной площадке даже тысяча людей смотрелась сиротливо. Чиновники и не подозревали, что на этот раз площадка окажется в самый раз.

С утра 21 мая в Лужники от ближайших станций метро устремились многотысячные потоки сторонников демократии. Обширная площадка была затоплена народом. Поддержать демократию собралось 150—200 тыс. человек, чего в Москве прежде не случалось. Над поверхностью людских голов развевались флаги национальных движений и политических организаций, включая дээсовский триколор и черное знамя анархии. Перед грузовиком, служившим трибуной, висели лозунги: «Вся власть — съезду народных депутатов!», «Завоевания Октября — защитим!» (имелась в виду власть советов).

Грузовик был отделен от людского моря легким ограждением и охраной «мемориальцев» и анархо-синдикалистов. На трибуне толпилось около ста претендентов на выступление, что создавало сильную давку. Между ними происходила сложная борьба за место у ведущего — Г. Попова, который держал в руках список претендентов и в зависимости от лоббистских давлений передвигал кандидатов выше и ниже по списку, допуская их затем к микрофону. По правую сторону от Попова располагалась монументальная фигура Ельцина, недвижно смотревшего в людское море. Депутаты с борта грузовика живо общались с ходоками, прорывавшимися через оцепление.

Вообще появление на площади Ельцина вызвало в народе ликование, заставлявшее вспомнить времена Керенского и Ленина. Периодически плотная группа, расположившаяся ближе к трибуне, начинала скандировать «Ельцин! Ельцин!», заглушая ораторов. И либеральные коммунисты, и неформалы испытывали неприятные чувства от этой популистской эйфории, напоминавшей кинохронику тоталитарных режимов.

В резолюции митинга говорилось, что «съезд не должен расколоться, пока он не заложит законодательные основы для решения» таких проблем, как разгосударствление экономики, введение демократических прав, прежде всего на печать и независимый суд, равное избирательное право. Резолюция высказалась за то, чтобы СССР был содружеством свободных и суверенных республик.

Перед началом съезда народных депутатов оппозиция убедительно продемонстрировала массовую поддержку своих требований народом.

Митинги в Лужниках продолжались все дни работы I съезда народных депутатов СССР. И депутаты-демократы знали, что если в стенах съезда они в меньшинстве, то на улице их поддерживает народное море. После заседаний многие участники Московской группы и их союзники спешили «зарядиться» — на митинги-встречи избирателей, а по выходным — в Лужники на гигантские манифестации демократов. Это придавало демократам на съезде уверенность в себе, заставляло власть колебаться под натиском меньшинства.

Первый съезд: теледебаты и улица

25 мая в Кремле открылся I съезд народных депутатов СССР, который продолжался до 9 июня. Съезд стал крупнейшим политическим событием года. Его телетрансляцию смотрела вся страна. По мнению итальянского исследователя Д. Къезы, Горбачев сознавал, «что прямой эфир опасен и для него». Вероятнее, однако, что Горбачев видел в телеэфире возможность мобилизовать общественный актив страны именно в свою поддержку и в то же время предоставить гражданам зрелище вместо хлеба. Опыт XIX партконференции вдохновлял его на это. Без телетрансляции съезд немедленно оброс бы слухами — и не в пользу Горбачева, как после выступления Ельцина в 1987 г. Демократы и так каждодневно выступали перед избирателями в Москве, интерпретируя события в свою пользу. А так население получало иллюзию соучастия в политическом процессе, принятии важнейших государственных решений.

Из огромной массы в 2250 депутатов выступило только 464 человека. Большинство депутатов так и не выступило за всю историю существования съезда в 1989—1991 гг.

По сценарию этих выступлений должно было быть еще меньше. Предстояло чинно избрать председателем Горбачева, выслушать его доклад, обсудить его в нескольких десятках выступлений (как на партконференции — с соблюдением пропорции либералов и консерваторов), избрать Верховный Совет и затем утвердить избранных им высших руководителей страны, создать Комитет конституционного надзора. Некоторое волнение у организаторов вызывал таинственный план Московской группы. Но события пошли не по тому и не по другому сценарию, так как активные депутаты просто стремились заявить на всю страну о наиболее острых вопросах, которые волнуют «наших избирателей».

Горбачеву пришлось бороться с «несанкционированными» прорывами демократов к микрофону, с хаосом многотемья — все кризисные проблемы обрушились на зрителей этого шоу.

Первый такой прорыв произошел сразу же по открытии съезда, когда на трибуну вышел депутат из Риги врач В. Толпежников. Заседание еще вел председатель избиркома, который просто не знал, что

делать с такой наглостью. Толпежников предложил почтить вставанием память погибших в Тбилиси 9 апреля 1989 г. Отказаться было невозможно. «Политическое шоу началось: весь зал молча встает», — комментирует итальянский журналист. Не успел зал опомниться, как Толпежников зачитал депутатский запрос: «Кто отдал приказ об избииении мирных демонстрантов в городе Тбилиси 9 апреля 1989 г. и применении против них отравляющих веществ, а также сообщить название этих отравляющих веществ» (*аплодисменты*). Так вся страна узнала оппозиционную версию событий в Тбилиси, и поняла, что в зале есть немало людей, готовых этой точке зрения аплодировать. И это было только начало.

На историков и политологов стенограмма съезда производит впечатление хаоса. Люди стремились прорваться к микрофону с одним вопросом, а «дорывались» тогда, когда обсуждалась совсем другая тема. Получалось, что все темы обсуждаются одновременно, каждый говорит о своем самом важном. Представители регионов обращали внимание на местные проблемы, либералы на те, которые они считали приоритетными, Горбачев маневрировал, пытаясь выдержать первоначальный замысел. В хаосе выступлений была своя логика, поскольку несколько групп придерживались вполне осознанной тактики. Получалась междоусобица, в которой центр действовал на нескольких фронтах, также противостоявших друг другу. Разнонаправленность региональных интересов пока позволяла Горбачеву привычно маневрировать — он уже привык использовать региональный фактор в своих интересах. Горбачев не учитывал, что как только регионы станут еще сильнее после местных выборов, они растащат в разные стороны не только тему обсуждения на съезде, но и ресурсы центра.

Законы политической учебы универсальны — съезд повторяет хаос первых неформальных форумов 1987—1988 гг. Политическая элита училась политической культуре с отставанием на год от оппозиции.

В дальнейшем, как и неформалы, аппаратчики упорядочивали свою «демократическую» процедуру, что тут же даст им перевес над сплоченной, но малочисленной группой демократов. Хаос порождался не только процедурной слабостью аппарата, но и целенаправлен-

ной атакой демократов, которые в условиях своего явного меньшинства вынуждены были, как и неформалы, применять «партизанскую» тактику — нападать со всех сторон, растаскивать любой вопрос, растекаться «мыслью по древу», затрагивая самые важные вопросы, все время выводя дискуссию на те проблемы, которые не собиравшись рассматривать Горбачев, — изменение Конституции, рынок и ответственность, национальные проблемы.

Поскольку съезд имел наивысшие телевизионные рейтинги, выступление на нем давало человеку всесоюзную известность.

Горбачеву приходилось иметь дело с несколькими группами.

Горбачев располагал «собственной» фракцией, сознательно готовой подыгрывать именно председателю. Она занимала реформаторский центр. Левое крыло фракции олицетворяли бывший диссидент Р. Медведев и «советник вождей» Ф. Бурлацкий. Более консервативное крыло фракции Горбачева представляли реформаторы-аппаратчики, такие как А. Лукьянов. Горбачев опирался на обширный корпус пассивных депутатов, не выступавших и голосовавших «как надо». Их обычно относят к консерваторам или «болоту» без определенных идей. Однако это неверно, поскольку многие из них были настроены вполне реформистски, были исполнены сознания важности своей миссии поддержки реформ. Так, один из «молчаливых» депутатов, рабочий В. Шубин, говорил перед началом съезда: «Вот беда — встала поперек нашего начинания ведомственная министерская система. Здесь, на съезде, ее надо сломить». Несмотря на то что эти люди не имели навыков и амбиций выступать, они все же занимали политическую позицию в спектре между консерватизмом (под которым здесь мы понимаем охранительство, стремление к сохранению существующих общественных отношений) и умеренным реформизмом.

Наиболее заметны были «либералы», ядро будущей Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Называя Ельцина, Попова, Собчака и т.п., таким образом, нельзя забывать о переходном характере периода перестройки и, соответственно, подвижности и относительности понятий. Демократами депутаты МДГ были в том смысле, что поддерживали требования народовластия, предоставления власти представительным, выборным органам (Советам), расширения и соблюдения гражданских прав, демонополизации экономики. Эти тре-

бования, ясно сформулированные неформальным движением, отражали чаяния широкого демократического движения. Наряду с неформалами в общедемократическом движении, особенно с появлением МДГ, усиливалась популистская струя. Выступая против опостылевшей и неэффективной власти КПСС, поддерживая демократические лозунги, люди отождествляли их воплощение в жизнь с несколькими известными политическими фигурами. Позднее, в 1990—1993 гг., когда фигуры изменяют требования и изменяют требованиям, часть популистской толпы пойдет за ними по привычке, продолжая считать, что раз идет борьба с коммунистическими символами, то это и есть борьба за демократию.

Итогом эволюции демократов в 1989—1993 гг. станет отказ многих из них от демократических позиций. Это вызовет горькое разочарование демократического актива, которое много лет спустя выразил один из героев съезда А. Казанник: «Для меня страшнейший удар, что эти идеи предали. Мы были настроены решительно. Но я разочаровался. Первое: Г.Х. Попов — стал мэром Москвы, ничего не сделал... Но конечно, Собчак, и даже скажу, что и Борис Николаевич, которые отступили от этих демократических принципов, — вот это было самое страшное. Носители благородных идей, которые их формировали, которые вдалбливали даже их, они их предали».

Таким образом, лидеры МДГ были демократами недолго, до 1990—1991 гг., обратившись затем к авторитарным идеям «сильной исполнительной власти» как условия перехода к капиталистическим отношениям. Учитывая этот итог, МДГ можно считать либералами, поскольку они проделали эволюцию от либерального (в смысле — допускающего отход от ортодоксии в сторону большей терпимости, индивидуальной свободы) коммунизма к классическому либерализму — апологии частной собственности и многопартийной политической системы.

Но и здесь нельзя забывать, что демократы 1989 г. по своей идеологии не были классическими либералами (большинство из них станут таковыми позднее). Их идеология соответствовала позициям социал-демократии в спектре от социал-либерализма до демократического социализма. Этот разброс зависел от отношения того или

иногo депутата к современному западному обществу как норме, желательной и для нашей страны.

Большинство выступавших на съезде принадлежит к тем или иным оттенкам реформаторов, но после дискуссии о процедуре либералов поддержало 379 депутатов.

Отдельную позицию, близкую к МДГ, занимали **националистически настроенные депутаты из Прибалтики и Закавказья**. Их взгляды тоже находились в развитии, но общее направление было очевидно — максимально возможная самостоятельность республик от Союзного центра. Если эволюция либералов сдерживалась их собственными представлениями о недостатках капитализма, трудностях перехода к нему, о преимуществах социализма, то националисты исходили из того, что радикальность из требований может быть ограничена сопротивлением центра. Пока центр сохранял рычаги воздействия на ситуацию в их республиках, они должны были давить на него, прощупывать рамки возможного в направлении расширения автономии, превращения СССР в конфедерацию. Лидеры национальных движений, в отличие от 1988 г., теперь уже выдвигали цель независимости от СССР (см. главу 12).

Но на этом этапе развития взглядов двух групп возникало очевидное противоречие между либеральными требованиями прав человека независимо от национального происхождения и отстаиваемыми националистами этническими приоритетами, между требованиями ослабления вмешательства чиновничества в экономику и усилением контроля над экономикой со стороны республиканских властей. Эти противоречия двух групп проявляются и на съезде.

Между либералами и националистами оформилась личная уния — часть прибалтийских депутатов вошла в МДГ и руководство группы. Демократы поддерживали большинство выступлений республиканских делегаций против центра. Главными пунктами их кампании были события в Тбилиси, возмущившие широкие слои ответственности, причем не только демократической, и Пакт Молотова — Риббентропа, из которого прибалтийские депутаты выводили незаконность включения своих стран в СССР. Литовцы были готовы добиваться своего с помощью решительных демонстраций. Так, они выступали против комитета конституционного надзора, поскольку ни-

куда не годится сама Конституция. Когда вопрос ставится на голосование, 50 литовских депутатов, включая Бразаускаса, выходят из зала. Приходится аннулировать итоги голосования, создавать комиссию, и вопрос откладывается до II съезда.

Обсуждение темы Тбилиси было особенно эмоциональным, так как на трибуну выходили генерал И. Родионов, проводивший усмирение, и Д. Патиашвили, отдавший это указание (интрига заключалась в том, сделал ли он это по указанию сверху). Родионову устроили настоящую обструкцию.

Горбачев нашел выход в том, чтобы создать комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с событиями в Тбилиси и по оценке Пакта Молотова — Риббентропа (см. главы 13 и 19).

* * *

Консервативную позицию занимали лидеры КПСС, уже скептически относившиеся к реформам Горбачева, но сохранявшие внешнюю лояльность, такие как В. Воротников и Е. Лигачев.

Радикальные охранительные позиции занимала относительно небольшая, но активная группа, которую Д. Къеза называет «правые независимые» (В. Ярин, В. Алкснис и др.). «Если бы Нина Андреева была избрана депутатом, она оказалась бы в этой группе». Однако «правые независимые» занимали более широкий фронт, чем сталинистская позиция Н. Андреевой. Эту группу лучше было бы характеризовать как **«державную»**. Триумфом державников на съезде стало выступление ветерана Афганистана, инвалида С. Червонопиского, который закончил речь формулой: «Держава, Родина, Коммунизм!». При этих словах почти весь зал встал и устроил выступавшему овацию. Некоторые демократы остались сидеть в «колодцах», стоявших вокруг депутатов, тем более что в своем выступлении Червонопиский обличал Сахарова.

Однако предложение Алксниса учредить комиссию по вопросу о нарушении закона о выборах в Латвии собрало 246 голосов — это стартовая площадка группировки державников.

Более умеренные консерваторы на съезде составляли 900—1000 депутатов. Это — и максимум, которого добивались либералы

по отдельным вопросам (максимум — 934 голоса при голосовании за Оболенского в качестве члена конституционной комиссии). Горбачев на I съезде без труда контролировал большинство примерно в 1300 депутатов. Но если и державники, и либералы выступают против Горбачева, то его надежный оплот сократится примерно до 500 голосов.

Первые симптомы возможного сближения двух радикальных крыльев проявились уже на I съезде. Державник В. Ярин заявил: «Я полностью поддерживаю народного депутата Гдьяна». Андроповское стремление решить проблемы страны с помощью чистки было популярно и у державников, и у демократов.

Другое выступление было еще более грозным предзнаменованием. Писатель В. Распутин, обличая националистов, заявил: «Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас... Здесь, на съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путем добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести распорядитесь сами своей судьбой. Но по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие». Впервые слова о выходе России из Союза были сказаны с высокой трибуны. Идея развала СССР через Россию не была «подброшена» с Запада, не была озвучена «демократами». Она была выдвинута «патриотами».

Два года спустя, когда вполне проявилось значение призыва к выходу России из СССР, ее «независимости от самой себя», Распутин так разъяснил смысл своего выступления 1989 г. «Угрозы выйти из Союза и оставить Россию у разбитого корыта раздавались неоднократно. Послушать — будто только она одна, расталкивая без стеснения всех остальных, и кормилась до отвала у этого корыта, будто не разделила она общей участи и даже не пострадала больше...

Рядом со случайными выкриками просматривалась и продуманная объединенная тактика расчленителей Союза — с краев отваливать действиями “народных фронтов” (опять “народные” и опять захватом), а в центре расшатывать опоры государственного здания...

В такой обстановке и прозвучал мой вопрос, в котором имеющий уши услышал не призыв к России хлопнуть “союзной” дверью, а предостережение не делать с одури или сослепу, что одно и то же, из русского народа козла отпущения». Но в 1989 г. «шутку» Распутина многие приняли за чистую монету, в том числе и его соратники. «Патриоты» стали азартно раскручивать идею суверенитета российской государственности над союзной. Увидев это, «демократы» не желали отставать от конкурентов.

* * *

Горбачев рассчитывал сначала избраться председателем, а затем зачитать свой доклад. Московская группа требовала сначала доклада и его обсуждения, а потом — выборов. Никто не сомневался в избрании Горбачева, но для оппозиции было принципиально важно получить как можно больше времени для дебатов, чтобы выплеснуть в эфир как можно больше идей.

Горбачев мог легко парализовать «либералов», просто поставив их в равные условия с остальными депутатами, — по одному выступлению «в одни руки», и вообще становиться в общую очередь. Но «либералы» прорывались к микрофону вне очереди с «процедурными» вопросами, и потом уже говорили обо всем. Горбачев терпимо отнесся к такой тактике. В итоге Сахаров выступил 10 раз и затем еще получил слово для пятиминутного выступления в финале съезда. Его шероховатые по форме выступления делили слушателей на аплодирующих и негодующих.

Загадка частого предоставления слова Сахарову заключается в его высоком авторитете на Западе (на что указал и сам оратор). По отношению к Сахарову будут судить о том, насколько СССР уже демократизировался. Горбачев демонстрировал таким образом миру, что он открыт к диалогу с «мировым общественным мнением». В качестве ответной любезности Сахаров заявил о поддержке Горбаче-

ва. Но добавил: «Моя поддержка носит условный характер». Западные наблюдатели ценили связку Горбачев — Сахаров: «Они борются, стараясь как можно меньше ранить друг друга... Сахаров будет говорить много дольше, чем те пять минут, которые ему были выделены, и Горбачев прервет его только тогда, когда ситуация станет выходить из-под контроля, и зал начнет грохотать».

Сахаров, таким образом, выдвинулся в авангард оппозиции (Ельцин выступал гораздо реже и умереннее).

Гвоздем его первого и последнего выступления на съезде была идея «Декрета о власти»: «Я предлагаю принять в качестве одного из первых пунктов повестки дня съезда декрет съезда народных депутатов СССР. Мы переживаем революцию, перестройка — это революция, и слово «декрет» является самым подходящим в данном случае. Исключительным правом съезда народных депутатов СССР является принятие законов СССР, назначение высших должностных лиц СССР...».

Суть «Декрета о власти» Сахаров сумел изложить только на заключительном заседании. Академик включил в него ряд требований, уже прочно вошедших в арсенал демократической оппозиции — отмена 6-й статьи Конституции, ограничение функций КГБ защитой от внешней угрозы. Сахаров выступил также за сокращение срока службы в армии. Политическая конструкция Декрета требовала расширения прав съезда — Верховный Совет должен был стать его рабочим органом, и съезд должен был утверждать все принятые им законы. Съезд представлял бы собой третье чтение законов. Сахаров не доверял Верховному Совету, отождествляя его с партийно-государственным аппаратом.

Конструкция СССР, по Сахарову, должна быть «горизонтальной», с минимальными полномочиями центра. Равные права должны были получить не только союзные республики, но все национально-территориальные образования с возможностью в будущем «уточнения» их границ. Впрочем, Сахаров считал необходимым оставить Союзу немало — оборону, внешнюю политику и др. Один пассаж речи Сахарова был прямо направлен против требований прибалтийских националистов: «Проживающие в пределах одной республики люди разных национальностей должны юридически и практически иметь равные политические, культурные и социальные права».

Выступая на острие демократических атак, Сахаров оказался и под наибольшим персональным обстрелом со стороны охранителей. Поводов к тому он предоставил немало. Встречное сражение вокруг фигуры академика произошло 2 июня, когда против Сахарова выступил инвалид войны в Афганистане Сергей Червонопиский, протестовавший против «травли Советской армии» и «безответственных заявлений депутата Сахарова по поводу Афганистана». Дело в том, что, выступая в Канаде на пресс-конференции, Сахаров утверждал, что есть сведения о расстреле советскими вертолетами советских же солдат, взятых в плен моджахедами. Заявление Сахарова было категорически опровергнуто маршалом С. Ахромеевым. Сахаров не взял своих слов назад, хотя опирался лишь на слухи.

Овация Червонопискому была одновременно и поддержкой его обвинений против Сахарова. Академик бросился отвечать, и Горбачев оперативно предоставил ему слово.

Сахаров попытался изложить свою позицию более широко — призвал к переговорам с «афганскими партизанами» (такая формулировка только подлила масло в огонь). Сахаров разъясняет, что его неправильно поняли. Он лишь поставил вопрос о слухах. Были ли подобные случаи — еще надо расследовать. Факт остался фактом: об этом Сахаров знал не достоверно, а «по передачам иностранного радио». Западническая интеллигенция слишком враждебно относилась к советским СМИ, и «от обратного» доверяла западным, а затем «своим» либеральным. Некритическая вера «своим» СМИ была столь же свойственна либеральной интеллигенции, как и массе советских граждан. Сахаров не был исключением. Он признавал в своих мемуарах, что «меня при этом в дискомфортное состояние ставило отсутствие документальных подтверждений (их нет и сейчас)». Теперь Сахарову оставалось напоминать о своих заслугах, о выступлении против введения советских войск в Афганистан. Но консерваторов это не останавливает, и новые выступающие продолжают натиск: «Я высказываю всеобщее презрение вам. Стидно должно быть!» Аплодисменты зала. Вся эта ситуация деморализовала часть демократов, сбавила темп их атак. «Сахаров был нашим лидером. Он растерялся на той трибуне. Растерялись и мы, его робкие ученики», — вынужден признать А. Собчак.

Уже в начале съезда стало ясно, что у демократов нет шансов увлечь на свою сторону большинство. По мановению Горбачева зал отбил первую атаку демократов и защитил повестку дня. Сначала нужно было избрать председателя съезда.

Теперь делом принципа для демократов стали альтернативные выборы. В качестве альтернативного кандидата выступил избранный в Апатитах при поддержке неформалов малоизвестный в стране социал-демократ А. Оболенский. Он говорил: «Ведь я не дурак, простите, и прекрасно понимаю, что шансов в борьбе с Михаилом Сергеевичем у меня никаких». Но важен прецедент выборов из альтернативных кандидатов.

Для Горбачева эта игра в демократию оказалась неприемлемой, что вызывает удивление — ведь опасности фигура Оболенского не представляла, но Горбачев все же не допустил его включения в список.

По мнению Д. Кьеца, «съезд народных депутатов действует как худшее из предвыборных окружных собраний... В действительности убийственный заградительный огонь, открытый по Оболенскому, должен был отвести другую опасность — кандидатуру Бориса Ельцина». Ельцин снял свою кандидатуру только в конце дискуссии, «оценив настроение собрания и возможные масштабы проигрыша в случае принятия его кандидатуры».

Ельцин обставил самоотвод как уступку, за которую ему нужно дать какой-то пост: «В связи с тем, что я со вчерашнего дня безработный, я, конечно, мог бы согласиться на какое-то предложение, которое могло бы быть выдвинуто. А сейчас я беру самоотвод». Он мотивировал его решением XIX партийной конференции о совмещении советских и партийных должностей. Демократические обожатели Ельцина были разочарованы такой мотивировкой: «Странно было слышать от столь самостоятельно мыслящего человека, что он подчиняется нелепому указанию КПСС». В данном случае Ельцин попросту воспользовался поводом, чтобы не подставляться под поражение. Но был ли Ельцин вообще самостоятельно мыслящим человеком? Бунтарь далеко не всегда умеет мыслить самостоятельно от той среды, в которой жил, но против которой взбунтовался. Ельцину в данном случае

важно было продемонстрировать лояльность Горбачеву, чтобы попасть в Верховный Совет, но Горбачев уступки не оценил.

За включение в список Оболенского проголосовало 689 депутатов. Это максимум оппозиции. Затем против Горбачева проголосовало 87 депутатов. Это ее минимум.

* * *

26 мая на съезде был избран Верховный Совет СССР.

Радикалы опасаются, что большинство съезда изберет Верховный Совет по своему образу и подобию, который будет совершенно не восприимчив к давлению снизу. Эти опасения разделял и Горбачев, который с 1985 г. опасался остаться один на один с консервативной бюрократией. Давление снизу, как казалось, обеспечивает ему более широкие возможности для маневра — с одной стороны, он мог направлять протест против консерваторов, давить на них, пугать их низами, с другой, опираясь на консервативные структуры, обеспечивать устойчивость своей власти под напором снизу, быть надеждой демократов в верхах. Все изменится, когда у демократов появятся свои рычаги власти, и напор снизу превысит предел прочности бюрократической структуры, разлагающейся изнутри. К тому же Горбачев был большим искусником в аппаратных играх и явно переоценил свои способности так же маневрировать на более широком политическом поле.

Новый скандал могло вызвать неизбрание в Верховный Совет Ельцина, большинство московских депутатов не стали его поддерживать. Но после того как в пользу Ельцина от своего места в парламенте отказался В. Казанник, опальный член ЦК был все же избран членом Верховного Совета. Гдян потом с досадой говорил Казаннику: «Нам Ельцин в Верховном Совете не нужен. Нам нужно, чтобы он каждый день ходил в Лужники и там говорил, что его не только выгнали из Московского горкома партии, лишили всех привилегий, но даже не избрали в Верховный Совет». Мол, ты испортил ему карьеру.

Поражение либеральной группы на выборах в Верховный Совет вызвало нервную реакцию. Ю. Афанасьев заявил: «Мы сформировали сталинско-брежневский Верховный Совет». В ответ на шум в

зале Афанасьев обличил «агрессивно-послушное большинство, которое завалило вчера все те решения съезда, которых от нас ждет народ...». Досталось и Горбачеву, который манипулирует, но и прислушивается к этому большинству. А ведь избиратели послали депутатов сюда «для того, чтобы мы изменили решительным образом положение дел в стране». Изменили решительным образом — это ключевые слова в понимании оппозицией своей миссии.

Большинство Верховного Совета — это не большинство выступающих на его заседаниях. «Болото» пассивно, многие влиятельные аппаратчики не присутствуют на заседаниях парламента, поскольку заняты своей основной работой. Вот и получается, что «тон работе благодаря своей большой активности будут задавать депутаты-реформаторы». Во всяком случае, Верховный Совет оказался более самостоятельным от Горбачева и консерваторов, чем съезд в целом.

30 мая Горбачев наконец выступил с докладом. Критики Горбачева, которые утверждают, что он забыл об экономике из-за политики, несправедливы. Доклад посвящен именно экономике. Просто Горбачев уже не знает, что с ней делать, как двинуться к рынку, чтобы социальные издержки и сопротивление реформам оказались не очень велики. Теперь нужно «заняться разработкой хозяйственного механизма...». Это сказано через четыре года после прихода к власти и через два после начала экономической реформы.

Съезд утвердил Н. Рыжкова Председателем Совета Министров СССР. Он заявил о поэтапном переходе к оптовой торговле средствами производства, но без указания сроков. И вообще, «сегодня, когда осталось полтора года до окончания пятилетки, принимать какие-то очень сильные, кардинальные решения, касающиеся больших изменений в экономике, нецелесообразно». Таким образом, Рыжков стал символом того половинчатого положения в экономике, которое возникло в 1987 г. До поры это было выгодно Горбачеву, потому что недовольство теперь четко концентрировалось на фигуре премьер-министра.

* * *

К концу съезда оппозиция уже могла реально оценить расстановку сил на съезде и эффективность своей телевизионной агитации. Теперь

можно было создать организацию, которая объединит демократов на съезде и на которую будут ориентироваться демократы в стране. Поскольку частные выступления на съезде либералов-москвичей стали вызывать возмущение (почему дают слово столице, а не провинции?!), то группу решили назвать «межрегиональной» (то есть не московской). Это название удачно обходило вопрос об идеологии группы.

7 июня на съезде было объявлено о создании Межрегиональной депутатской группы (МДГ), объединившей депутатов демократической ориентации. Фактически МДГ стала первой оппозиционной фракцией в высшем органе власти страны после Гражданской войны. Публицисты вроде С. Сорокиной по неведению даже считают МДГ «первой оппозицией коммунистической партии». Интересно, слышали ли они, например, о Новодворской и ДС, не говоря уж о событиях первой половины XX века? Забавно, что в фильме, посвященном съезду 1989 года и «первой» оппозиции, демонстрируются кадры разгона дээсовского митинга, снятые почти за год до образования МДГ.

После принятия за основу проекта итогового постановления съезда Лукьянов сказал Горбачеву: «Ну, Михаил, все». Но этот вздох облегчения был преждевременным. Депутаты использовали эту последнюю возможность для того, чтобы все же «вставить свои пять копеек». В проходе выстроилась очередь. Когда депутат Шаповаленко заявил о создании МДГ, Горбачев указал прекратить трансляцию. Миллионы телезрителей, прилипшие к экранам, увидели картинку футбольного матча с середины игры. Но когда выяснилось, что скоординированная атака МДГ не планировалась, телетрансляцию снова возобновили.

В очередной раз (но уже для официального выступления) слово получил Сахаров, который в три раза превысил регламент. Гвоздем его речи стал «Декрет о власти», но была и другая важная тема. Накануне на площади Тяньаньмэнь в Пекине было подавлено выступление студентов. Первым действием МДГ стало подписание 150 депутатами составленного Г. Старовойтовой обращения по Китаю, в котором выражалась солидарность с китайскими студентами и их лозунгами: «Нам, гражданам страны, начавшей перестройку, хорошо понятны эти лозунги... Почерк напуганных сил реакции везде одинаков — будь то в Минске или Вильнюсе, Тбилиси или городах Китая». Обращение призывало к диалогу с народом и прекращению

кровапролития. Сахаров пошел дальше — он призвал отозвать из Китая советского посла. И это в условиях, когда только что закончился визит Горбачева в КНР — долгожданная нормализация отношений между двумя странами.

Заключительные аккорды съезда были выдержаны в либеральных тонах. Были отменены репрессивная статья 11 прим. и смягчена редакция 7-й статьи.

В заключительном слове Горбачев снова призывал к сотрудничеству и компромиссу: «Все разумное, новаторское, конструктивное, полезное для дела надо без всяких предвзятостей использовать». Горбачев готов привлечь к работе демократов, но оставляет за собой право решать, что является конструктивным и полезным, а что нет. Он еще раз дал понять оппозиционно настроенной общественности, что ее лидерам открыта дорога к вхождению во власть: «Те, кто критикует аппарат вообще, сами в общем-то готовятся к тому, чтобы войти в новый аппарат... Давайте так и говорить, что нам нужен новый аппарат. Вот с этим я соглашусь».

У зрителей съезд сначала вызвал ажиотаж, а потом довольно быстрое разочарование результатами. Но ситуация в стране изменилась. Политическая борьба «вышла из-под ковра», стала открытой. Произошел сдвиг власти от КПСС лично к Горбачеву — как руководителю государства, опирающемуся на равновесие консерваторов, реформистского центра и «либералов». Теперь Горбачева нельзя было, как Хрущева, отстранить от власти решением Пленума ЦК. Для этого нужно было либо произвести силовой переворот, либо собрать съезд народных депутатов и там бороться за большинство. Горбачеву предоставили, по существу, президентские полномочия. Теперь от Горбачева можно было избавиться... только вместе с СССР.

Глава 15 ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

В 1989 г. гражданское общество в СССР стало массовым. Если в 1987—1988 гг. сеть неформальных организаций напоминала тонкую паутинку, то в 1989 г. она покрыла всю страну. Почти в каждом об-

ластном центре и большинстве городов без труда можно было найти отделения нескольких политических организаций разной степени радикальности, ознакомиться с новинками оппозиционной прессы, обменяться идеями и политическими слухами. Появились независимые профсоюзы, которые действительно занимались профсоюзной работой, комитеты самоуправления, информационные центры. Митинги в несколько тысяч человек стали обычным явлением. Активная часть общества стала постоянно давить на местные и центральную власти. Представители нигде не зарегистрированных организаций на равных разговаривали с высокопоставленными чиновниками и возмущались, если ощущали толику неуважения. Но чиновники старались понравиться, потому что не хотели оказаться в осаде народных масс. Они то шли на уступки населению в малом и большом, то разгоняли толпы, что только подливало масла в огонь. Скандал вовлекал в движение новые тысячи возмущенных людей.

Между тем освободительное движение, приобретя массовость, стало отчетливо разделяться на два потока. Один, в авангарде которого по-прежнему шли неформалы, сосредоточился на расширении гражданского общества, усложнении его структуры и идей. Другой поток, в авангарде которого оказались либеральные коммунисты и популисты из неформалов призыва 1988 г., стали выстраивать систему политической власти. Обличая аппаратчиков, они создавали новый аппарат.

Именно отсутствие собственного аппарата затрудняло переход «либеральных коммунистов» в открытую оппозицию к КПСС. Всем было очевидно, что МДГ — оппозиция. Но ее лидеры продолжали использовать номенклатурные возможности и продолжали утверждать, что они — не оппозиция. Неформалы тоже не стали аппаратом депутатов. Это показали митинги весны — лета 1989 г. и февраля 1990 г., когда лидеры неформалов требовали (и получали) себе наравне с депутатами право выступления на гигантских митингах за то, что брали на себя организационную работу. Каждая митинговая кампания предварялась переговорами между «звездами» и «организаторами». «Прорабы перестройки» по-прежнему были союзниками, но не руководителями неформалов, принимавших решения самостоятельно. Конечно, действия неформальных организаций использо-

вались «шестидесятниками», в том числе и либералами в руководстве КПСС. Но и неформалы каждый раз решали, какую кампанию «верхов» поддержать, а какую — нет.

В 1989 г. МДГ, обладавшая парламентской трибуной, была еще рупором гражданского движения. Влияние либералов с депутатскими значками возросло, и они все меньше советовались с другими «про-рабами перестройки». Это заставило идеологов «шестидесятничества» ускорить формирование своего политического центра. 4 февраля был создан клуб «Московская трибуна», который должен был обеспечить под эгидой видных журналистов и ученых связь между либеральными депутатами и неформалами. Более широкой структурой под руководством либералов стал «Мемориал». Но и для части неформалов, и для части «демократических» депутатов руководство идеологов-шестидесятников было неприемлемо. В итоге формирование партии «демократов» пошло другим путем.

С конца 1989 г. логика политического противостояния вела к дальнейшему усилению популистского течения и отходу неформалов на вторые роли. Требовалась консолидация оппозиции, концентрация внимания электората на вождях и как можно более простых популистских идеях. Неформалы с их идейными поисками только болтались под ногами наступавшего демократического фронта, который по законам войны все больше напоминал своего противника.

Наилучшим кандидатом на создание популистской организационной структуры были Народные фронты. В 1989 г. в России уже возникло более 20 региональных Народных фронтов и еще несколько инициативных групп, которые так и не стали Народными фронтами, влившись затем в движение «Демократическая Россия».

У Народных фронтов, в силу стремления руководить неформальным движением оказавшихся в изоляции от части гражданского общества, не было организационных ресурсов, необходимых для поддержания общероссийской или всесоюзной структуры. Эту нишу легко заполнили «либеральные коммунисты», обладавшие доступом к СМИ, и депутаты МДГ. Тем более что их претензии на руководство имели более солидные основания — всесоюзная известность, победа на выборах (иногда, правда, номенклатурных выборах от общественных организаций). В итоге «либеральные коммунисты» лег-

ко замкнули на себя оппозиционную структуру, построенную «народными фронтовиками». Они легко «разбавили» старых «фронтовиков» новым популистским активом, переварив и отторгнув марксистов, монополизировавших ОК МНФ в 1988 г.

МНФ и другие Народные фронты сменились «объединениями избирателей» без четкой идеологии.

* * *

Укреплялась и материальная база оппозиции. Откуда деньги? Их собирали прямо на мероприятиях неформалов (конференциях, лекциях, митингах, собраниях). В ходе избирательных кампаний разовые выплаты производились из фондов государственных предприятий, поддерживавших демократических кандидатов. Обсуждались и возможности создания «своего бизнеса». Обсуждение необходимости создать «собственную финансовую базу» привело к уходу части неформальных активистов в кооперативный бизнес. Так, например, организаторами кооператива «Перспектива» в 1988 г. стали Г. Пельман (КСИ), В. Корсетов (КСИ, «Община»), В. Аксютин (православный журнал «Выбор», затем — лидер христианско-демократического движения), В. Игрунов (КСИ, «Перестройка-88») и др. Первое время кооператив поддерживал неформальные проекты (прежде всего обмен информацией, распечатку материалов), но затем по «закону деления» общественных организаций времен перестройки раскололся на ряд отдельных проектов, которые стали поддерживать деятельность разных партий или просто «зарабатывать деньги». До 1990 г. занятие бизнесом и политикой плохо совмещалось — демократы не могли предоставить «крышу» своим предпринимателям.

Успешным коммерческим начинанием была независимая пресса. Ее рынок был гораздо шире предложения, и тиражи в несколько тысяч экземпляров расходились на митингах по цене рубль за экземпляр. Как мы видели, третьим (в том числе и по значимости) источником материальной базы оппозиции была «интернациональная помощь» западных организаций. Оппозиционеры везли из-за границы горы «тамиздата», дареные компьютеры, принтеры и другую оргтех-

нику. Что эта помощь добавила в политический процесс? Компьютеры в 1990 г. стали стремительно распространяться в СССР и безо всякой благотворительности. Кооператоры вывозили из страны металллом, а закупали наиболее дефицитные товары — как раз компьютеры. Без компьютеризации было невозможно дальнейшее развитие науки и технологии. Она была неизбежна и предопределяла обзаведение оппозиционных групп «домашними типографиями» в виде компьютера и принтера. Деньги на расходные материалы с избытком обеспечивала прибыльность издательского бизнеса. Хозрасчетные типографии были рады заработать, тем более что их персонал с интересом читал то, что печатал.

Так что оппозиционное движение зависело от иностранных денег меньше, чем Ленин, и уж никак не подчиняло свою деятельность указаниям иностранных центров. Да центры и не настаивали. Их вполне устраивало, что усиливается оппозиция, которая предпочитает ненасильственные методы борьбы бунту и терроризму в ядерной державе. В этом отношении интересы западных центров объективно совпадали даже с интересами коммунистов, хотя чиновникам и не нравилось, что теперь с оппозицией приходится спорить почти на равных — при соотношении тиражей 1 : 1000, а не 1 : 1 000 000, как год назад.

Идейно-политический спектр 1989 года

В 1989 г. продолжилось оформление политического спектра СССР. Неформальные организации преобразовывались в политические структуры с собственными программами, написанными уже без оглядки на КПСС. Свои организации создали социал-демократы, анархо-синдикалисты, советские консерваторы, кадеты. Свообразным явлением стала ЛДПР В. Жириновского.

Конфедерация анархо-синдикалистов

22 января близкие по взглядам к «Общине» группы ФСОК после очередного преобразования создали организацию с шокирующим названием — Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС). Она стала одной из наиболее активных левых организаций времен перестройки. При том, что в КАС состояло менее тысячи членов, так или иначе

десятки тысяч людей были вовлечены в ее деятельность: митинги, распространение агитационных материалов и многочисленных анархистских изданий (ведущим оставалась «Община»), создание сети информационного агентства независимого рабочего движения «КАС — КОР» и др. Идеология КАС была основана на принципах свободы, самоуправления и анализе перспективных проблем человечества. В ее программе говорилось: «В передовых странах мира начинает размываться важнейшее разделение труда на умственный и физический. Компьютерная революция создает принципиально более совершенные средства коммуникации, согласования различных социальных интересов, окончательно делает ненужным иерархический аппарат чиновников, созданный для накопления и переработки информации».

Радикальное название привело к эволюции организации, на которую не рассчитывали ее организаторы. В КАС «повалила» молодежь, для которой анархия была символом не свободного ненасильственного общества, а «крутизны», вызова обществу, радикальной конфронтации с властями, «контркультурного» образа жизни. Подчеркивая свою независимость от норм современного общества, «радикалы» стали одеваться, как анархисты из советских пропагандистских фильмов, — в шинели, папахи и т.д. Тем самым, впрочем, они как раз и укрепили стереотипы «анархистской вольницы», с которыми прежде боролись «общинники». Это направление затем растворилось в других «контркультурных» течениях, придав российскому панку привкус театрализованной политики. Все это было чуждо «общинным социалистам» призыва 1986—1988 гг. Между двумя течениями начались конфликты, которые усложнялись участием в них анархо-коммунистов, настаивавших на том, что КАС должна строго следовать идеям анархистов начала XX века. Другие анархисты — «настоящие».

В 1990 г. начались расколы в КАС. Большинство старых лидеров защищали идеологию «общинного социализма». Это вызывало постоянные обвинения в нарушении демократии. В марте — ноябре 1990 г. противники «общинного социализма» выделились в Ассоциацию движений анархистов (АДА) (возникла в июне), которая затем уже размножалась делением в ходе многочисленных расколов. Но и

в КАС прежние противоречия воспроизводились с притоком новых активистов, которые смешивали «анархию и вседозволенность». В 1991 г., устав от дрязг с «анархистами по форме», большинство бывших лидеров отошли от активной работы в КАС или вышли из нее. После этого влияние КАС на политический процесс быстро пошло на убыль, и остатки конфедерации затерлись среди других левацких групп, многие из которых были порождены в ходе расколов КАС и АДА.

Несмотря на то что КАС формально существует до сих пор, его бывшие лидеры после 1991 г. сосредоточились на работе в профсоюзном и экологическом движении, журналистике. Большинство активистов покинуло КАС. Но в 1989 г. появление на политической арене анархистов оказало воздействие на общество — стало ясно, что политический плюрализм отныне не имеет «рамки дозволенного».

На пути к Социал-демократической партии

4—5 февраля на конференции в Ленинграде создана Социал-демократическая конфедерация (СДК).

Социал-демократия в России возрождалась на основе двух источников. Этим взглядам сочувствовали лидеры московской «Демократической перестройки». Более радикальные (в смысле противостояния КПСС) социал-демократы после раскола ВСПК (см. главу 7) создали Социал-демократический союз (СДС) в Ленинграде, а затем в большинстве своем вошли в ДС. Но ДС выступал как радикально-либеральная организация, и тогда остатки СДС и социал-демократы из ДС создали Социал-демократическую конфедерацию, в которую вошло меньшинство неформальных активистов социал-демократической ориентации (А. Болтянский, А. Воловик, А. Лукашев, С. Храмов и др.).

Большинство неформальных активистов, симпатизировавших идеям социал-демократии, ориентировались на клубы «Демократическая перестройка» (Москва) и «Перестройка» (Ленинград), которые готовились к созданию более «солидной» организации и, опасаясь конфронтации с КПСС, действовали осторожно. 20—21 мая 1989 г. они создали в Москве «Межгородское рабочее совещание демократических клубов социальной ориентации». Делегаты понимающе кивали друг другу, мол, всем ясно, что речь идет о социал-де-

мократической ориентации, но в случае чего коммунисты не докопаются и не отнимут помещения, не выгонят организаторов с работы. Собрание показало, что за создание социал-демократической партии выступает уже достаточно многочисленный актив, и было решено создать Социал-демократическую ассоциацию СССР (СДА). 10—11 июля в Таллине II конференция СДК, соперничавшей с «Перестройками», согласилась с проектом создания СДА. Но и СДА, и затем партия были созданы уже в следующем, 1990 году, когда формирование многопартийности приняло лавинообразный характер.

ОФТ

13 июня возник Объединенный фронт трудящихся (ОФТ).

В 1987 г. в Ленинграде возникло Общество научного коммунизма, в котором ортодоксальные марксисты-ленинцы совершенствовали свое знание теории и через ее призму оценивали «текущий момент». Пропагандистам научного коммунизма удалось установить контакты с рабочими-активистами и создать несколько коммунистических политклубов с участием пролетариата. Совет политклубов «За ленинизм и коммунистические ориентиры перестройки» возглавил рабочий В. Кашин. Идейнными вдохновителями были «научные коммунисты» М. Попов и А. Пыжов. 1 июня лидеры этого движения приняли воззвание о создании ОФТ «Медлить больше нельзя».

Организаторы ОФТ отказывали в праве называться коммунистами тем реформаторам, которые «не защищают интересы трудящихся». 13 июня на конференции 400 делегатов от трудовых коллективов, профсоюзов, политклубов и комсомола был создан ОФТ Ленинграда. Под влиянием рабочих делегатов позиция ОФТ сдвинулась от классического марксизма-ленинизма к демократическому социализму, в частности ОФТ выступил за участие рабочих в управлении своими предприятиями.

28 июня ОФТ выдвинул идею выборов от трудовых коллективов. Эта попытка скрестить парламентаризм и производственную демократию пришлось по вкусу областной номенклатуре — ведь на предприятия интеллигентам-демократам было попасть нелегко, и кандидаты обкома получали преимущества. Развернулась кампания в официальной прессе, рекламировавшая новую идею. Против нее активно выступило все демократическое движение. Неформалы-со-

циалисты доказывали, что идея выборов по производственным округам не имеет ничего общего с самоуправлением и интересами рабочих, а «либералы», — что эта идея не имеет ничего общего с демократией. В итоге сражение было проиграно ОФТ, и идея производственных округов так и не воплотилась в закон.

15—16 июля прошла учредительная конференция ОФТ СССР. В ней участвовали делегаты из 18 городов и 6 республик. Это было рыхлое объединение крупной ленинградской организации, небольших групп поддержки в других городах России и гигантских по численности Интерфронтов Прибалтики. Ленинградский ОФТ включал несколько тысяч человек, московский — несколько сотен, но с Интерфронтами «тянул» на несколько миллионов человек. ОФТ выступил против роста социального неравенства и восстановления «буржуазных республик». Взаимодействие с Интерфронтами ограничилось общей солидарностью. В условиях предвыборной кампании в России лидеры ОФТ сосредоточились на этой республике. 8—9 сентября был создан ОФТ РСФСР во главе с депутатом В. Яриным. Эта организация стала костяком предвыборного блока «патриотов». Одновременно ОФТ развернул борьбу за создание Российской компартии на действительно марксистско-ленинской платформе. II съезд ОФТ выдвинул идею Инициативного съезда коммунистов России. В 1991—1992 гг. с участием структур ОФТ были созданы еще и Российская коммунистическая рабочая партия, и движение «Трудовая Россия». К этому времени элементы демократического социализма уже исчезли из идеологии этого движения.

ЛДПР

13 декабря 1989 г. прошло организационное собрание Либерально-демократической партии России. Партия была создана двумя вождями — В. Жириновским, который уже в 1988 г. приобрел известность среди неформалов своими энергичными марафонскими речами в поддержку социал-демократических идей (см. главу 10), и В. Богачевым. Весной 1989 г. последний вышел из карликовой Демократической партии Л. Убожко (ранее оба были исключены из ДС). Богачев вышел не просто так, а провозгласив ЛДПР. В новой партии было туго не только с членами, но даже с вождями. Ситуация изменилась, когда в партию пришел Жириновский. На оргсобрании Жи-

риновский был избран председателем партии, а Богачев — главным координатором. Программой партии стал проект, написанный Жириновским в 1988 г. для социал-демократов, но «социал-» было заменено на «либерал».

Несмотря на то что Жириновский и Богачев утверждали, что в их партии состоят тысячи людей, реально они не могли пока предъявить более двух десятков. Для роста рядов членские билеты на съезде раздавались всем желающим. Однако выступления Жириновского в поддержку порядка привлекли благосклонное внимание властей.

31 марта 1990 г. в Москве прошла учредительная конференция Либерально-демократической партии Советского Союза (ЛДПСС), председателем которой был избран В. Жириновский. Съезд был широко анонсирован в официальных СМИ, в том числе в программе «Время», где комментатор Е. Киселев ошибочно назвал Жириновского Жиринским. Неформалы, для которых Жириновский был гораздо известней Киселева, посмеивались: «Вот, журналисты, балбесы, Жириновского не знают. Скоро узнают. Он далеко пойдет».

МДГ

29—30 июля прошла I конференция Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Парламентская группа оставалась центральной организацией «демократов», но она не решалась провозгласить свою оппозиционность, и гражданские движения относились к «прорабам перестройки» с подозрением.

Конференция организационно оформила возникшую на I съезде народных депутатов Межрегиональную депутатскую группу, в которую вошли 388 народных депутатов. В группу вошли также депутаты от Прибалтийских народных фронтов и Интерфронтов (в том числе такие известные в дальнейшем защитники СССР, как В. Алкснис и Е. Коган). Сопредседателями Координационного совета группы избраны Ю. Афанасьев, Б. Ельцин, В. Пальм, Г. Попов, А. Сахаров.

Между связкой Ю. Афанасьева и А. Сахарова и Б. Ельциным началось соперничество за лидерство. «Шестидесятники» ставили на Ю. Афанасьева, но популистские толпы и формировавшийся аппарат «объединений избирателей» тяготел к Б. Ельцину.

Летом оба фаворита «демократии» отправились в зарубежные поездки. Лекции Ю. Афанасьева в Италии прошли незамеченными

на родине, а вот визит Б. Ельцина в США стал одним из центральных политических событий, чему немало способствовал аппарат КПСС.

Ельцин в Америке и другие приключения

9—17 сентября — поездка Б.Н. Ельцина в США.

Визит в США серьезно повлиял на мировоззрение Ельцина, разрушив коммунистические мифы и утвердив новые. Витрина капитализма, которую увидел Ельцин в Америке, стала его новым социальным идеалом. Особенно сильное потрясение (вполне типичное для советских туристов) Ельцин испытал в супермаркете: «Кто-то из нас начал считать виды колбас... сбились со счета», — вспоминает помощник Ельцина Л. Суханов. Ельцин сделал ожидаемые политические выводы: «Когда я увидел эти полки с сотнями, тысячами баночек, коробочек и т.д. и т.д., мне впервые стало совершенно откровенно больно за нас, за нашу страну. Довести такую богатейшую державу до такой нищеты... Страшно». Ельцин еще не знал, что эту страну можно довести до еще большей нищеты, если стремиться наполнить полки супермаркетов за счет покупательной способности граждан. Ведь прилавки ломятся от товаров даже в самых бедных странах, идущих по пути капитализма. Не знали этого и те, кто голосовал за Ельцина.

Визит, имевший такое значение, стал одним из первых успехов «народной дипломатии» — сотрудничества западных и отечественных организаций в размывании «железного занавеса».

В Америке Ельцин на многочисленных встречах почти беспрерывно говорил. Этот эффект говорения после долгого политического молчания, характерный для всех общественно активных людей времен перестройки, доводил Ельцина до изнеможения. Он оставался голодным после обедов, так как не было времени есть — надо было говорить. Лейтмотив выступлений: «Перестройка началась без стратегии и что начинать ее надо было с перестройки самой партии». Американцы понимающе кивали.

12 сентября 1989 г. состоялось выступление Ельцина в Университете Дж. Гопкинса в Балтиморе. Оно приобрело большую известность после того, как 1 октября программа «Время» показала запись этого выступления. Ельцин выглядел ненормально — то ли пьяным, то ли под воздействием каких-то веществ. Он утверждал: «Специальные мастера произвели с видеопленкой особый монтаж...» Впро-

чем, в 90-е гг., когда «специальные мастера» работали уже не против Ельцина, а против его врагов, мы много раз видели все того же Бориса Николаевича в состоянии «сильного утомления» — то просыпавшего визиты, то дирижировавшего немецким оркестром. То же, на верное, монтаж.

Ельцин и его помощники объясняют «странности» этого выступления также тем, что накануне выступления в Балтиморе из-за перенапряжения и смены часовых поясов Ельцин долго не мог заснуть, принял снотворное (зачем тогда нужна версия «монтажа», если все же признается «ненормальность» его выступления). Однако Ельцин выглядел не столько заторможенным, сколько моторным, так что складывалось впечатление, что он перед выступлением принял «допинг». Вот как описывает это зрелище А. Суханов: «Ельцин оживился и даже начал подшучивать над Мюллером. На сцену они вышли вместе, и когда хозяин университета начал что-то читать по бумажке, Борис Николаевич подошел и забрал с его пюпитра текст. Это была еще та сцена!.. “Давайте будем в равных условиях, — смеясь, сказал Мюллеру Ельцин, — раз я буду говорить без бумажки, то и вы говорите без нее...” Слушатели от души смеялись...» Русский медведь разбушевался. А. Суханов продолжает: «Борис Николаевич, видимо, разнообразия ради, стал варьировать свои ответы, и, на верное, многие помнят, как он нарочито растягивал аббревиатуру — Ка-Гэ-Бэ...» Так что «монтаж» здесь явно ни при чем — Суханов, присутствовавший при встрече, видел то же, что и зрители программы «Время». Кривляние было вызвано не монтажом и не снотворным. Затем «шеф закруглил свою “веселую” лекцию...» В «заторможенном» состоянии вряд ли можно устраивать лекции, которые даже дружелюбно настроенному помощнику представляются «веселыми». А. Суханов, конечно, говорил шефу, что выступление ему понравилось, и, словно оправдываясь, добавлял: «Американцы не такие зацикленные, как мы, русские, и любят нестандартное поведение...» Здесь Суханов ошибался — «нестандартное поведение» для американской элиты — признак варварства. Так же как и для «зацикленных» русских.

Ельцин продолжал «буянить» и по дороге в Белый дом, где ему предстояло встретиться с помощником президента по национальной безопасности Б. Скоукрофтом. Ельцин был возмущен — ему не по

чину встречаться с каким-то там помощником — Буша давай. К. Райс насилу уговорила Ельцина войти в Белый дом, так как он упирался — без Буша там делать нечего. Когда Ельцину давали бейджик «визитер», он прорычал: «Я — Ельцин». «Мол, какие тут визитки...» Буш не замедлил явиться, обставив дело так, что случайно зашел к своему помощнику, когда у него в кабинете был Ельцин. Буш поговорил о том, что его волновало, — о наркомании. Ельцин подтвердил, что и в СССР это — серьезная проблема. После ухода Буша Ельцин долго говорил со Скоукрофтом. Ельцин развернул широкую картину советско-американского сотрудничества, включая приватизацию, строительство жилья в Москве и полет на Марс. Скоукрофт заснул.

Д. Мэтлок утверждает, что Ельцин «в Белом доме оставил о себе плохое впечатление». Это верно лишь отчасти. До приезда Ельцина Буш считал его «чем-то вроде незакрепленной пушки на скользкой, покачивающейся палубе советской политики». Но после встречи он сказал, что Ельцин показался ему «славным малым». Впрочем, госсекретарь Бейкер, также встретившийся с Ельциным, заключил: «Горбачев на его фоне отлично выглядит, верно?.. Он, безусловно, ничего не понимает в рыночной экономике. По сравнению с ним Горбачев просто эксперт!»

В итоге визита в американской администрации сформировался имидж Ельцина как непредсказуемого, эпатажного политика, но «своего сукина сына», обольщенного Америкой «русского медведя». Такой деятель был бы хорош для банановой республики, но СССР для Ельцина был великоват — здесь нужен был бы политик посolidнее. В качестве лидера России в составе СССР Ельцин годился — его выходки должны были отвлекать Горбачева, не превращаясь в проблему международных отношений. Имея в тылу такого медведя, Горбачев был бы более сговорчив в диалоге с Западом.

Ельцин открыл сезон финансирования оппозиции через лекционные туры. Форма была тактичная, считалось, что на Западе лекционная работа вообще всегда так щедро оплачивается. И лишь после победы демократии визитеры на Запад обнаружили, что плата за лекции уменьшается, а то и вовсе исчезла. Но как раз Ельцин понимал, что принимать деньги от США в собственный карман не стоит.

В последний день своей поездки он «полностью и исключительно» предоставил все доходы, связанные с поездкой, на дело борьбы с распространением в СССР СПИДа. Распорядители программы советско-американских обменов обязались на 100 тыс. долларов из сумм этих доходов поставить СССР «современное медицинское оборудование, включая системы одноразовых шприцев».

Эффектное возвращение Ельцина было омрачено информационной кампанией официальной прессы, осветившей подробности его визита. 18 сентября в «Правде» опубликован перевод заметки В. Дзукконы из итальянской газеты «Република» с красочным описанием разгульного поведения Б.Н. Ельцина в ходе его турне по США. 18 сентября Дзуккона заявил, что статья была перепечатана без его согласия, и он бы изменил ее стиль, если бы готовил публикацию для СССР, поскольку он «горячий поклонник господина Ельцина». Он не хотел шокировать советских людей привычной для итальянцев «светской хроникой».

После возвращения в СССР Ельцин узнал о плане показать его выступление в Балтиморе по ЦТ. Он потребовал предварительного просмотра. Присутствовавший на нем Л. Суханов не удивился телематериалу, зато Ельцин помрачнел и не дал «добро» на «демонстрацию этой не самой удачной встречи в США». Цензура Ельцина не подействовала. Передача пошла в эфир.

Черный PR западного образца был тогда еще в диковинку. Перепечатка «Републики» вызвала взрыв возмущения и стала поводом для давно намеченного Горбачевым снятия с поста консервативного редактора «Правды» В. Афанасьева. После этого «Правда» превратилась в обтекаемое «беззубое» центристское издание.

Одновременно с обсуждением итогов визита Ельцина в США он оказался в центре другого скандала. 28 сентября в районе подмосковных Успенских дач произошел таинственный случай. Водитель остановился у дач, и дальше Ельцин пошел пешком. Ельцин потом сообщил, что шел в гости к бывшему председателю Госстроя Башилову. По словам Ельцина, у проходной на него что-то накинули, и «не успел я очухаться, как меня куда-то понесли, и очнулся уже в воде, под мостом...». Свидетелей этого происшествия не нашлось, но Ельцин действительно был обнаружен за городом вымокшим до нитки.

Ельцин затем обратился в «органы» с просьбой не расследовать это дело, так как оно носит личный характер. Тем не менее руководство страны не нашло ничего лучше, как огласить этот инцидент, дабы представить Ельцина в глупом виде. 16 октября 1989 г. о «купании» публично доложил министр внутренних дел В. Бакатин. В глупом положении оказалась власть, так как Бакатин не смог внятно объяснить, что же случилось с Ельциным, и он опять оказался жертвой преследований.

Разгневанный Ельцин сделал заявление, где назвал это выступление «политическим фарсом, разыгранным М.С. Горбачевым». Сам инцидент он назвал «затрагивающим мои честь и достоинство». Это звучало двусмысленно. Ельцин объявил, что и публикация в «Республике», демонстрация его выступления в Балтиморе на ЦТ и распускание слухов «о моем поведении и частной жизни» — «все это является звеньями одной цепи акции травли меня и творится это под руководством товарища Горбачева М.С.». Но в выступлении Бакатина инцидент 28 сентября не объявлялся затрагивающим честь Ельцина и не связывался с его поведением. Выступление Ельцина, таким образом, только породило новые слухи. Кто и почему решил «макнуть» Ельцина? Куда шел Ельцин, к кому, и почему это так странно кончилось, почему он хотел замять дело, хотя в других ситуациях не склонен был скрывать подробности своей жизни и тем более нападений на себя? Видимо, у организаторов нападения действительно были личные претензии к Ельцину.

Таинственность и образ жертвы в любом случае придавали Ельцину дополнительные «очки». При всей нелепости его поведения, он воспринимался как «жук в муравейнике», способный «разворошить» номенклатурную пирамиду. Приход его к власти казался маловероятным, и потому сам Ельцин не выглядел угрозой жизни людей, которые его поддерживали.

Возвышение Ельцина в 1989—1990 гг. было связано с рядом обстоятельств: переход освободительного движения к популистскому этапу, которому полностью соответствовал и имидж, и негативная программа Ельцина, смерть Сахарова, переход на сторону «демократов» части номенклатуры, для которой Ельцин был психологически своим человеком.

16—18 сентября в Ленинграде состоялась Всесоюзная конференция демократических движений, которая создала Межрегиональную ассоциацию демократических объединений (МАДО). Но проект МАДО не «раскрутился» — неформальный актив еще не желал подчиняться либеральным коммунистам на том основании, что они стали депутатами. Однако МАДО станет одной из составляющих частей будущей «Демократической России» — блока кандидатов в депутаты, среди которых уже будет много как «шестидесятников», не получивших заветного депутатского значка в 1989 г., так и лидеров новых политических организаций. Только когда в депутаты пройдет большая генерация лидеров оппозиционных организаций, завершится создание «второй партии», в которой руководящие позиции займут депутаты — бывшие неформалы и бывшие «либеральные коммунисты».

Глава 16 ШАХТЕРСКИЙ ТАРАН

Обстановка общественного раскрепощения делала неизбежным выход на арену рабочего движения. Оппозиция ожидала массовой стачечной волны в связи с грядущим повышением цен. Этого же боялся и Горбачев. Он колебался и ждал, ждал и колебался, оттягивая срок «революции снизу». В 1988—1989 гг. массы уже вышли на улицу, но именно рабочий класс мог парализовать экономику и нанести режиму смертельный удар. Поэтому Горбачев оттягивал «непопулярные решения».

Реформаторы считали, что они могут определить хотя бы срок, когда будет открыт социальный ящик Пандоры. Они не учитывали, что может «прорваться слабое звено». Этим звеном стали шахтеры. Несмотря на то что рабочему классу с детства внушали, что он — хозяин СССР, шахтеры имели множество претензий к власти. Труд был тяжел, техника безопасности нарушалась, что приводило к жертвам. Шахтеры не знали, что их условия труда неизмеримо лучше, чем в странах Третьего мира, например в Боливии. Но

тогда это казалось неважным — ведь СССР был «самой передовой страной мира», и все в Советском Союзе должно было быть самым передовым. В условиях экономических трудностей управленческий персонал не мог обеспечить даже положенного — нормальной поставки мыла в душевые, например. Труд был тяжелым, но шахтерам казалось, что он оплачивается не целиком — ведь они прибывали на шахту раньше начала рабочего дня (нечто подобное происходит с жителями больших городов, которые вынуждены давиться в транспорте по пути на работу). Чиновникам казалось, что трудности компенсируются относительно высокой зарплатой — в среднем 434 руб., что выше среднего и по стране, и по области. Но шахтерские регионы, особенно Кузбасс, были отдаленной провинцией, и потому плохо снабжались. Так что рост зарплаты не обеспечивал качества жизни.

Нужно учитывать и то, что шахтеры по характеру своей деятельности — люди не робкого десятка. В Кузбассе свою роль играл еще и сибирский характер — склонность к автономии от центра, представление о центральной власти как о чем-то далеком и не своем, расположенном «за камнем», за Уралом.

С началом перестройки вступили в действие новые факторы — усилилось имущественное расслоение, появилось немало людей с зарплатами выше шахтерских. В то же время в обществе происходило оживленное обсуждение политических, социальных и экологических проблем. А здесь шахтерам было что сказать. Показатели заболеваемости в Кузбассе среди молодежи были в два раза выше, чем в среднем по СССР. Детей-хроников в Кемерове было 88 %. Можно ли было решить эту проблему? Вполне вероятно, если бы власть не была глуха к нуждам простых людей. Форма власти в 90-е гг. изменилась, но и в начале XXI века над Кемерово висит невыносимый смог...

Политические события первой половины 1989 г. изменили общественный климат во всей стране, в том числе и в шахтерских регионах — движение начиналось не на пустом месте. Как вспоминал один из лидеров движения Ю. Рудольф: «Трансляции со съездов народных депутатов мы смотрели как развлекательное шоу». Это сказано почти десять лет спустя, когда шоу заменило собой общественную

жизнь. В 1989 г. люди не столько развлекались, глядя на политические перипетии, сколько надеялись. Надежды создавали предпосылки для действия.

Жаркое лето

Так же как и восстание на броненосце «Потемкин», забастовка шахтеров началась с тухлого мяса. Именно его и подали в столовой 8 июля 1989 г. на шахте им. А. Шевякова в г. Междуреченске. «Рабочие возмутились. Ночная смена (в ночь с 9-го на 10-е) решила на коллективный протест. Выйдя на-гора утром, 10 июля, 88 горняков светильники не сдали и по домам не разошлись. К ним присоединились 200 горняков первой смены, а затем и второй, всего — 344 человека. Тут же прямым голосованием избрали стачечный комитет из 11 человек. Его возглавил горный мастер коммунист В.Г. Кокорин». Кокорин был известен тем, что отправил письмо о безобразиях на шахте в «Прожектор перестройки», после чего туда приехала комиссия, ничего, впрочем, не решившая. После этого рабочие выработали 20 требований к администрации, под которыми подписалось около 500 человек. Требования не были выполнены, и шахтеры стали ждать первого повода для забастовки. Если бы не злосчастное мясо, нашелся бы другой повод.

Выступление в Междуреченске вызвало цепную реакцию. Рабочие других шахт только и ждали сигнала к выступлению. Они ездили в Междуреченск как на экскурсию, и затем применяли передовой опыт дома. Как рассказал один из лидеров Кузбасской забастовки А. Малыхин, «комитетчики нам рассказали не только о сути своих требований, но и познакомили с азами организации забастовки...».

Рабочие надеялись, что подавить забастовку практически невозможно: «Танк в шахту не пошлешь», — напоминает старший механик шахты, член стачкома А. Асланиди. Но в шахту или на выход можно послать КГБ. Однако обстановка в стране была уже иной.

11 июля к забастовщикам присоединились горняки шахт «Усинская», «Томская», «Распадская», «им. Ленина». Вскоре — все угольные предприятия Междуреченска. Бастовали 16 тыс. человек. К 17 июля — уже 181 тысяча.

Стачка привела к быстрой самоорганизации рабочих. Первым делом нужно было избрать стачком. А. Асланиди продолжает: «Любой мог выдвинуть любого. Сначала решала смена, а потом — общее собрание шахты». Городские и областные рабочие комитеты формировались частично на митинге, частично методом делегирования — путем выдвижения представителей от шахт и разрезов. Выбирали не начальство, а связующее звено между бастующими предприятиями. Реально в городской стачком ездили по 3—4 человека с каждой шахты. В рабочих комитетах рабочие составляют около 80 %, коммунисты — более трети. В состав городских стачкомов вошли 6 председателей профкомов и 350 профработников и активистов. Стачкомы еще не разошлись с традиционными профсоюзами.

Рабочие комитеты взяли на себя поддержание жизнеспособности шахт и порядка на них. А. Асланиди утверждает: «Достаточно было одного нашего слова, чтобы “контора” все исполнила быстро и в точности». Власть в городах Кузбасса перешла к стачечным комитетам. Лидер березовского стачкома В. Голиков вспоминал: «Приходит, к примеру, начальник ОРСа (база снабжения. — А.Ш.) и говорит: “На базу привезли то-то и то-то. Куда это направить?”». Рабочие патрулировали улицы вместе с милицией. Опасаясь провокаций, стачкомы ввели запрет на ввоз водки в шахтерские города.

А на центральных площадях шел митинг. Люди уже не стояли, а сидели на земле — прямо в рабочих робах и в касках. Трансляция с площади шла по радиосети — в каждый дом. Шахтеры выкрикивали требования, которые заносились на бумагу в порядке поступления.

Министр угольной промышленности М. Щадов срочно прибыл в регион и попытался вмешаться в ход обсуждения требований. Он вышел к микрофону на площади: «По ночным — просчитать надо, ну, за ночь-то я не просчитаю, вы поймите, товарищи, если я сегодня решу вам, мне ведь завтра скажут — надо заплатить в Новокузнецке и в Белове и т.д.

Крик: Правильно скажут!

— Надо просчитать деньги, такой вопрос нельзя решать только голосовыми связками, это вопрос большой, государственной важности вопрос. Я на два-три дня...

Свист, крик: Продолжаем забастовку! Скандируют: за-бас-тов-

ка! Голос с площади: пусть он летит в Москву, а мы будем бастовать, пока он не решит вопросы.

Член стачкома: ...ответ, как видим, министр не может нам дать пока. Значит, мы его можем отпустить. Пусть он подумает».

Результат забастовки вытекает не из подсчетов, а из соотношения сил сторон конфликта. Об этом Щадову напомнил один из забастовщиков: «Вы понимаете, что получается, цены на продукты питания, на товары там они могут запросто поднять, не советуясь ни с кем. Понимаете, захотели — и подняли. А вот заработанную плату, министр говорит, он не может. Раз он ничего не может — пусть уезжает. Пусть приезжает Рыжков, с ним будем решать...»

В конце концов правительство решило подписать требования, не просчитывая их. Выполнить их целиком все равно не удалось. Министр понял, что придется уступать, иначе волнения выйдут из-под контроля. Он стал раздавать все более щедрые обещания. Рабочие вздохнули с облегчением — все кончится хорошо, не репрессиями, а уступками. После визита Щадова часть комитетов первого созыва выступила за прекращение забастовки, но шахтеры их переизбрали. Если для одних уступки были поводом для сворачивания стачки, то для других — сигналом, что нужно ковать железо, пока горячо. Вторые составы стачкомов были выдвинуты под сильным влиянием митинга.

Теперь нужно было закрепить обещания в соглашении, а для этого выработать единые требования.

И администрация шахт, и местные власти обеспечили стачкомам условия для работы. У них уже был опыт работы с шахтерским активом по выработке требований, и стачка стала своего рода продолжением давления на центр.

16—17 июля в Прокопьевске прошла конференция городских забасткомов, которая выработала проект соглашения с правительством. Она была подготовлена не только стачкомами, но и администрацией. Аппарат угольного объединения разослал приглашения. Директора, таким образом, обеспечили выход движения на более высокий уровень, рассчитывая использовать забастовочную волну в интересах отрасли, для «вышибания» ресурсов, а в случае дальнейших успехов — и для пробивания самостоятельности предприятий, прежде всего — самих директоров.

На конференции собрались не только забастовщики, но также представители СТК и профкомов Кузбасса. Получилась неуправляемая масса делегатов. Но шахтеры вывели из зала всех, у кого не было мандатов забасткома. Исключение составил депутат Т. Авалиани.

В. Голиков — председатель березовского стачкома, электрослестарь, имевший опыт публицистических выступлений в местной прессе, «взял быка за рога»: «Предлагаю дополнить первый пункт: предоставлять трудовым коллективам самостоятельно определять формы собственности — государственной, арендной, кооперативной. В рамках социалистической». Отлично. Сами все заработаем. Но что-то нужно отчислять государству. И тут начались сложности. «Мучительно долго, не час и не два, с перерывами, идет обсуждение “экономических” пунктов. Из зала предлагают 10 % прибыли отчислять в госбюджет, 20 — местным Советам, остальное оставлять предприятиям. С некоторой неуверенностью, но соглашаются. Зато вконец запутались с нормами отчисления валютной прибыли от грядущей внешнеэкономической деятельности. Кто-то предлагает отчислять государству 40 %. Другой недоумевает: а почему, собственно, не все 100 оставлять у себя?» В середине 90-х гг. шахтерам не достанется от этой внешнеэкономической выручки ни копейки, ни цента. Все останется собственникам шахт и торговцам углем.

Был сформирован региональный забастком — по два представителя от городских и по одному — от поселковых стачкомов, двое горноспасателей. Встал вопрос о его председателе. Сначала предложили Рудольфа — у него уже был и авторитет, и наработанные связи с администрацией. Но он отказался — у него была судимость, что могло дискредитировать движение. Как нельзя кстати оказался присутствовавший на конференции депутат Т. Авалиани, заместитель генерального директора объединения. По своим взглядам он был умеренным реформистом. С одной стороны, он утверждал: «Мы хотим передачи всей фактической власти Советам... мы хотим иметь боевые профсоюзы, сегодняшние или альтернативные, но боевые. Мы хотим иметь самостоятельно мыслящие СТК». С другой стороны, он считал, что «нам нужно настоящее, жесткое, хорошее руководство... А народ будет их контролировать». Для начального этапа революционного движения это был вполне подходящий лидер, но другие

вожди стачечного движения были настроены более радикально. На митингах Авалиани тоже не пользовался популярностью, так как призывал решать проблемы в рамках старых бюрократических структур: «На митинге кипели страсти. То, что я сказал, не понравилось...».

* * *

Между тем забастовка шагала по стране. 16 июля забастовал Донбасс, 19 июля шахты Ворошиловградской и Львовской областей, Карагандинского, Печорского угольных бассейнов. К 20 июля встала практически вся отрасль.

17 июля в Кузбасс прибыла правительственная делегация во главе с членом Политбюро Н. Слюньковым. Министру угольной промышленности М. Шадову и членам партийно-правительственной комиссии Н. Слюнькову, А. Воронину и С. Шалаеву пришлось держать ответ перед шахтерским митингом. Опыта трибунов у высоких чиновников не было, и успеха они не снискали. Общение с узкой делегацией стачечников Слюнькову понравилось больше: «В комитете народ подобрался солидный, ответственный. Не интригуют, не конъюнктурничают. Мыслят по-государственному, подходят к делу попартийному. Доносят до нас боль, сложность накопившихся проблем, хотят решать их всерьез, эффективно. Во всем присутствует понимание реальности и здравого смысла». Шахтерам общение понравилось меньше: «Скажем, мы записываем требование в формулировке “решить”, чиновники при перепечатке вписывают “рассмотреть”. Мы заменяем слово “рассмотреть” на “решить”, а они опять его вписывают», — рассказывает Рудольф. В состав делегации входил председатель ВЦСПС С. Шалаев. Шахтеров это навело на далекие размышления: «Если лидер профсоюзов, то почему не на нашей, а на правительственной стороне?»

Шахтеры заботились о том, чтобы правительство не применило тактику «разделяй и властвуй». Делегация выступала за повышение зарплат всем кузбассовцам путем введения повышающего коэффициента на 30 % (в этом регионе, как и других «северных» регионах, такой «поясной» коэффициент существовал, но составлял 15 %). Правительство согласно повысит зарплаты на 60 %, но только шах-

терам. Рудольф вспоминает: «Мы сразу поняли, что это делалось для того, чтобы размежевать народ». Слюньков уступил.

В ночь с 18 на 19 июля был подписан «Протокол о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС». С правительственной стороны подписали Н. Слюньков, А. Воронин (1-й зам. председателя Совмина СССР), С. Шалаев, со стороны забасткома: председатель — Т. Авалиани, заместители — Ю. Рудольф и Ю. Герольд. Протокол содержал 35 пунктов, 22 июля он был дополнен еще девятью.

Первый пункт протокола предполагал до 1 октября подготовить предложения о переводе Кемеровской области с 1 января 1990 г. на региональный хозрасчет. Пункт 2 исходил уже из другой экономической модели: «Предоставить полную экономическую и юридическую самостоятельность» предприятиям Кузбасса. Предполагалось реорганизовать существующие объединения «в различного рода ассоциации, другие добровольные формы организации управления». Считалось, что этому может помочь использование, как тогда говорили, «различных форм собственности» — государственной, кооперативной, арендной и др. Пункт 4 позволял с 1 августа «продавать продукцию, произведенную сверх заключенных договоров, по договорным ценам как внутри страны, так и в другие страны...». Между 1-м и последующими тремя пунктами крылось незамеченное шахтерскими лидерами противоречие. Модная прибалтийская идея регионального хозрасчета предполагала, что предприятия принадлежат региону (например, республике), а не менее популярная идея полной самокупаемости предполагала, что то же самое предприятие принадлежит коллективу работников или акционерам.

Дальнейший опыт Прибалтики сделал смысл регионального хозрасчета более прозрачным — речь шла о том, кто будет определять условия приватизации государственной собственности и нести ответственность за социальные выплаты. Либо это будет делать Москва, либо Таллин и Кемерово. Шахтеры еще не понимают этого — уже второго — противоречия между самокупаемостью (региона или предприятия) и дотационностью, именно от Москвы требуя финансовых вливаний в Кузбасс.

Соглашение вскрывает и еще одно противоречие, на этот раз унаследованное от половинчатости горбачевской реформы 1987 г. Чтобы шахты окупались так, как хотелось бы шахтерам, следует повысить цены на уголь. Шахтеры ссылаются не на рыночные законы, а на высокую себестоимость угля, то есть на бюрократический порядок ценообразования. Если бы власти действительно перевели отрасль на рыночный хозрасчет, шахтерам пришлось бы самим думать, как снизить себестоимость. Но переход на рыночные отношения затягивался, и шахтерам ничего не оставалось, как лоббировать себе все большие выплаты. По этому пути пошли и другие отрасли, обескровливая бюджет. Проблема шахтеров стала «последним звонком» Горбачеву: необходимо немедленное продолжение рыночных реформ, иначе государственная казна будет растащена. Но он понял сигнал как предупреждение — рабочие готовы восстать в случае повышения цен.

Шахтеры «подставились», сами требуя рыночных отношений. Удовлетворив это требование, можно было провести эксперимент и показать стране, что рыночные отношения имеют и плюсы, и минусы. Но Горбачев боялся и этого, — а то как рыночная идея будет дискредитирована, ведь рынок не может полноценно работать в отдельно взятом регионе.

* * *

20 июля, на следующий день после подписания соглашения, забастовка в Кузбассе завершилась. В других регионах бастовали до 26—27 июля, когда на них тоже были распространены решения, выработанные в Кузбассе. 24 июля прошла встреча Н. Рыжкова с представителями забастовочных комитетов Донбасса, а 25 июля — Печорского угольного бассейна. Когда Рыжков докладывал о шахтерских волнениях Верховному Совету, голос его дрожал, после чего премьер получил прозвище «плачущего большевика».

3 августа было принято постановление Совета Министров № 608, закрепившее итоги переговоров.

Забастовка стала чувствительным ударом по правительству. По официальным данным, потери от забастовки составили 2698 тыс. тонн

не добытого и 1940 тыс. тонн не отгруженного угля, что означало убытки в 52, 8 млн рублей. Общий ущерб составил 65, 8 млн рублей. Фонды шахт потеряли 40 млн рублей. Во время забастовки в 63 лавах произошли завалы, 6 забоев были затоплены.

Правда, по сравнению с общей бюрократической бесхозяйственностью это была капля в море. Склады были забиты произведенной ранее продукцией. В ноябре 1989 г. из-за нехватки вагонов только в Новокузнецке в нарушение всех норм безопасности скопилось 4800 тыс. тонн угля. Чтобы «разгрести» эти запасы, нужно было, чтобы шахты бастовали две недели.

В январе — августе 1989 г. недодано продукции из-за забастовок: по СССР — 489 848 тыс. руб., причем в Ростовской обл. — 4257 тыс. и в Кемеровской 58 000 тыс. Промышленность потеряла в тыс. человекодней в СССР — 3706, в России — 924, в Ростовской обл. — 15, в Кемеровской обл. — 848. Таким образом, шахтерское движение было лишь наиболее зримым выражением проходившей по всей стране забастовочной активности.

«Жаркое лето» 1989 г. в шахтерских регионах стало следующим после выборов и съезда народных депутатов сдвигом в общественной ситуации, углубившим революцию. Оно произвело сильное впечатление и на власть, и на страну.

Обманули!

К середине ноября 1989 г. из 44 пунктов протокола было выполнено 11. Многие пункты выполнены частично. На большее ресурсов не было. По данным самих шахтеров, совсем не были выполнены 17 пунктов. По мере продолжения переговоров рабочие лидеры приходили к выводу: нас обманули. Чтобы жизнь улучшилась, нужно потрясти режим еще раз. Если не уступит, то «мускулистая рука рабочего класса» вольна заменить коммунистов другой властью. Но как она будет выглядеть? Об этом речь на шахтерских форумах шла уже осенью.

Обманули ли рабочих? Социальное государство напрягалось изо всех сил, чтобы выполнить свой долг перед шахтерами. В 1990 г. по бюджетной обеспеченности на душу населения Кузбасс вошел в десятку лучших регионов. Но уже через несколько лет радикальных

либеральных реформ шахтеры снова впали в бедность. К весне 1990 г. в Кузбасс поступило 28,4 % техники, положенной по соглашению, но и это была определенная модернизация производства за счет других отраслей.

Обман шахтеров касался прежде всего не денег, а собственности. Гораздо сложнее шло выполнение первых пунктов Протокола об экономических правах региона и предприятий. Еще в июле Верховный Совет принял обращение, в котором говорилось: «Верховный Совет СССР гарантирует, что в течение нынешней и осенней сессий будут приняты законы, которые обеспечат подлинную самостоятельность и самоуправление трудовых коллективов, право распоряжаться предприятиями и результатами собственного труда...» И это была неправда. Вместо того чтобы дать шахтерам «поплавать» в рынке, бюрократические инстанции затягивали принятие необходимых правовых документов, пытаясь выпустить шахты на волю уже после начала более широкой реформы. А она затягивалась уже по социально-политическим причинам.

* * *

Одновременно власти прощупывали рабочее движение на прочность. Для начала нужно было ввести забастовки в прокрустово ложе закона. Раньше любые забастовки были незаконными, а теперь эта новая реальность оказалась регламентирована. 9 октября был принят Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)». Процедура была такова: коллектив числом не менее 3/4 членов вырабатывает требования, направляет их администрации в 3-дневный срок, администрация рассматривает также в 3-дневный срок и либо соглашается, либо создается примирительная комиссия по тем пунктам, где согласия нет. Комиссия рассматривает вопрос в 5-дневный срок, и в случае отсутствия согласия создается трудовой арбитраж с участием депутатов и вышестоящих профсоюзов, органа по труду и социальным вопросам. Вопрос рассматривается в 7-дневный срок. Если и после этого согласие не достигается, то 2/3 членов коллектива могут объявить о забастовке и предупредить администрацию об этом за 5 дней. В итоге правильно организованная забас-

товка может проводиться почти через месяц после возникновения проблемы. В противном случае забастовка признается незаконной.

Заручившись таким законом, министр Щадов решил перейти в контрнаступление. 14 октября он издал приказ о прекращении выплаты заработной платы освобожденным членам рабочих комитетов. Зарплату, в соответствии с законом о госпредприятии, им платили СТК. 19 октября воркутинские шахтеры приняли решение возобновить стачку, и министр был вынужден отменить приказ.

Но 25 октября в связи с невыполнением ряда условий соглашения забастовка в Воркуте все же началась. Она была очевидно «незаконной». Воркутинцам пригрозили санкциями. 18 ноября городская забастовка была прекращена по решению городского стачкома. Но крупнейшая шахта «Воргашорская» и еще две шахты продолжали забастовку в знак протеста против суда над инициаторами стачки (речь шла о крупных штрафах). «Воргашорская» держалась до 2 декабря.

Член стачкома «Воргашорской» Ф. Исмагалиев рассказывал мне: «Начали мы в неудобное время — 25 октября. У некоторых уже назревало выполнение плана, есть смысл получить деньги». Так стачки стали вступать в противоречие с экономическими интересами работников даже при ограниченном хозрасчете. Воргашорцев поддерживали и другие шахтеры — кратковременными стачками и деньгами (деньги собирали и неформалы). Получилось около 40 тыс. рублей.

Делегаты конференции Союза трудящихся Кузбасса обсуждали формы солидарности с Воркутой вплоть до идеи объявления забастовки солидарности, но ограничились лишь телеграммой в адрес Рыжкова, причем проект, предложенный делегатом Инты, был отклонен как «недостаточно взвешенный». Исмагалиев с обидой вспоминал, что кузбассцы заявили делегации воргашорцев: «Вступите в наш Союз — деньги получите». Все же дали 8 тыс., хотя первоначально обещали гораздо больше. Этот эпизод также объясняет, почему «Воргашорская» затем не поддерживала отраслевые стачки. Но есть и более глубокая причина этого.

«Воргашорская» приступила к добыче угля после подписания устава с широкими правами самостоятельности. После этого она уже не участвовала даже в отраслевых забастовках — стачки стали невыгодными рабочим, а шахта процветала вплоть до гайдаровских

реформ. Это была еще одна подсказка Горбачеву — нужно отпустить в рынок тех, кто желает.

Но дать самостоятельность всем, в том числе и не самым рентабельным шахтам, это означало разорить большую часть отрасли и резко увеличить цены на уголь, что катастрофически сказалось бы на уровне цен и привело бы к замещению угля газом и нефтью, в ущерб их использованию в других отраслях.

* * *

Трещины в шахтерском движении проходили не только между авангардом и общей массой рабочих комитетов, но и между комитетами и профсоюзами. Верхи советских профсоюзов были дискредитированы в ходе стачки, когда они выступили в роли чиновников министерства труда. Это стало уроком для ВЦСПС, который предпринял первые шаги к превращению в профсоюз в собственном смысле слова. Пленум ВЦСПС расширил права первичек, сделал первый шаг к образованию федеративной структуры ФНПР. Но в то же время ВЦСПС пытался повысить свой авторитет, играя роль консервативной квазипартии. Пленум потребовал заморозить цены на основные продовольственные и промышленные товары, ввести предельные розничные цены на картофель и овощи, оградить «кооперативное движение от разного рода перекупщиков, спекулянтов и вымогателей», для чего перерегистрировать кооперативы, приостановить деятельность торгово-закупочных и посреднических кооперативов, запретить продажу кооперативам государственного мяса и т.д.

Активизация ВЦСПС в свою очередь требовала от рабочих комитетов более четкого оформления и выдвижения своей социально-политической платформы. Эта платформа должна была преодолеть противоречия Протокола и показать движению тот общественный идеал, к которому ведет движение.

Анархо-синдикалистский уклон

5—6 сентября на III конференции Союза рабочих комитетов (СРК) было решено придать ему название, напоминающее партийное, — Союз трудящихся Кузбасса. 18—19 ноября прошла IV кон-

ференция Союза трудящихся Кузбасса, которая приняла устав и программное заявление Союза. Это означало, что шахтеры уже не намерены ограничиваться экономическими требованиями, что они поняли — затяжки с выполнением Протокола не случайны, для улучшения жизни шахтеров необходимы преобразования общества.

Эта конференция оказалась решающей во многих отношениях. Она определила идейное лицо движения, основные идеи, ради которых вели борьбу шахтеры. Но на этой же конференции проявились тенденции, которые уже в следующем году изменят характер движения и сделают шахтеров игрушкой в руках номенклатурной буржуазии.

Выступая с докладом, член Совета рабочих комитетов П. Пятенко утверждал: «Продукция Кузбасса в основном конкурентоспособная на внешнем рынке и рентабельная». Но это — гипотеза. Ее удастся проверить в 90-е гг., и выяснится, что многие шахты нерентабельны. Возможно, это результат махинаций новых частных собственников, и дело можно было бы наладить лучше. Но вряд ли весь российский уголь мог быть конкурентоспособен.

Итак, государство платит мало, а требует все. Минуглепром ввел госзаказ 95 % и повысил план «больше возможностей Кузбасса». Как после этого не сравнить свое положение с колониальным гнетом: шахтеры «поднялись на борьбу против колониальной политики правительства страны по отношению к Сибири, и к Кузбассу в первую очередь». Если Сибирь — колония, она имеет право на отделение — не хуже Прибалтики. Но из этой посылки не был сделан сепаратистский вывод. В этот период советские люди еще не помышляли о распаде страны. Выступления против центра шли под флагом автономии, то есть реорганизации единого государства СССР.

В докладе М. Кислюка проявилась и другая опасная тенденция. СРК предложил создать комиссию по предоставлению самостоятельности шахтам. Но — маленькая загвоздка — «к сожалению, официальные органы не дали согласия участвовать в этой комиссии, предложив в свою очередь комиссию облисполкома по организации угольного концерна “Кузбассуголь”». Концерн? Тоже интересно. Представители СРК Голиков, Асланиди и Кислюк вошли в этот проект, формально обусловив это выполнением шахтерских требований

самостоятельности шахт. 3 ноября началось обсуждение организации концерна, при котором за самостоятельность шахт активно выступили директора. Решили приступить к созданию концерна «на демократической основе». В состав правления концерна и его банка на правах наблюдателей разрешили войти СРК. Вместо самостоятельности рабочие получали статус наблюдателей в частной организации, которая получит права на шахты. Но их лидеров можно было бы устроить в руководстве концерна и получше...

Кислюк уже поддерживает этот путь: «Участие рабочих комитетов в финансовой деятельности угольной отрасли укрепит материальную базу рабочего движения». Коммерция на стыке с политикой — дело увлекательное. Хорошо бы и свой банк завести.

Но слышались и критические голоса. Секретарь парткома одного из предприятий доказывал, что «грабеж» со стороны областного центра не лучше, чем «грабеж» со стороны союзного центра. Звучала критика попыток подменить самостоятельность шахт созданием концернов.

Принятая в результате обсуждения программа дальнейших действий Союза уже явно отходит от п. 2 Протокола о самостоятельности предприятий — часть функций бюрократических объединений предлагается передать частному концерну.

Собственно, никто не выступал против создания какой-то ассоциации уже самостоятельными шахтами. Принципиально важно: что сначала — самостоятельность или концерн. Как говорил делегат — горнорабочий Нестеров, «проекты новых ассоциаций, концернов должны не навязываться сверху, предприятия, перешедшие на самостоятельность, должны сами выбирать формы объединения». Пока этот анархо-синдикалистский подход преобладает в идеологии движения. Высказывались сомнения в идее регионального хозрасчета, который бессмысленен в условиях плохой работы смежников, например железных дорог. Председатель рабочего комитета шахты «Распадская» А. Кунц выступал против попыток «ревизовать решения, принятые на площадях». Самостоятельные предприятия должны объединяться в территориальные ассоциации (в частности, в Междуреченске), а вместо этого «предпринимаются попытки растащить предприятия этого города по разным объединениям и концернам».

Эти разногласия и сомнения находились в зачаточном состоянии, и для преодоления коммерческого уклона лидеров было полезно четкое определение конструктивной программы движения. Программное заявление, принятое на съезде, выполнило эту задачу. Оно было результатом обобщения взглядов рабочего актива дружественной интеллигенцией. Это как раз тот случай, когда интеллигенция не диктует свои взгляды рабочим, а лишь придает им форму (другой вопрос, что взгляды рабочих формировались под влиянием московской интеллигенции, которые транслировались через СМИ и самиздат). Так, с разъяснениями основных положений программы выступил зав. кафедрой истории КПСС Кемеровского медицинского института Л. Лопатин. Через несколько лет он станет твердым сторонником либерализма гайдаровского толка. Но программа Союза трудовых коллективов далека как от программы КПСС, так и от либерализма, то есть апологии частной собственности. Рабочее движение выступает с социалистических позиций в спектре от анархосиндикализма до демократического социализма.

Программа четко отмежевывается от либеральной, капиталистической экономической модели: «Союз трудящихся Кузбасса не считает возможным использование частной собственности, основанной на эксплуатации человека человеком, но допускает частно-трудовую собственность, основанную на индивидуальном или семейном труде».

В политической области заметно влияние демократического социализма. Общение с лидерами МНФ не прошло для шахтеров даром. В обращении конференции СТК назван народным фронтом: «Мы призываем объединиться в Союз трудящихся Кузбасса — наш народный фронт за перестройку». Полемика на конференции развернулась вокруг «крамольного» вопроса о многопартийности. Часть делегатов настаивала, что для многопартийности еще не пришло время. Проект программного заявления выражался по этому поводу осторожно: «Мы будем приветствовать появление новой партии, отстаивающей принципы социализма и защищающей интересы трудящихся». Но конференция уже недвусмысленно поддержала идею многопартийности. Делегаты обсуждали даже, не является ли Союз трудящихся Кузбасса партией. Но решили все же, что это — общественно-политическое движение.

Такова была позиция наиболее массового рабочего движения к концу 1989 г. Казалось, идеи демократического и самоуправленческого социализма получили массовую поддержку. Однако в 1990—1991 гг. позиция если не массы шахтеров, то лидеров шахтерского движения драматическим образом переменится, шахтерское движение станет ударной силой сторонников перехода к капитализму.

Дальнейшая судьба перестройки и самой страны зависела от того, удастся ли массовым движениям удержаться в рамках борьбы за автономию (а не отделение) от союзного центра и за права трудовых коллективов (а не новых хозяев).

Глава 17 КРИЗИС НАЗРЕЛ

Распад бюрократического рынка

К концу 1989 г. обострение экономического кризиса было неизбежно в условиях «недоделанности» рыночных реформ. Импульса, который дало экономике раскрепощение работников и управленцев, хватило на год-два. Проблемы набегали одна за другой. Попытки бюрократического лечения макроэкономических проблем только ухудшали ситуацию.

В начале 1989 г. реформаторы спохватились: слишком много средств уходит на зарплату. А куда им еще уходить, если коллективы, по существу, не распоряжаются своим производством, не имеют возможностей закупки материальных ресурсов, не имеют самостоятельных возможностей модернизации производства? Соответственно, всеми правдами и неправдами они направляют заработанные средства в личные карманы. Прирост денежных доходов составил 13,1 % при статистическом приросте производительности труда в 2,3 %.

16 февраля 1989 г. на заседании Политбюро было решено «обеспечить более тесную увязку оплаты труда с конечными результатами работы предприятий». В соответствии с этим решением Совмин СССР ввел жесткое соотношение между ростом производительности

ти труда и его оплатой. Против предприятий, которые повысили цены на свою продукцию «необоснованно», вводились санкции. Однако было непонятно, какое повышение цен обоснованно, а какое нет. Рынка-то все еще не было.

Попытка Госкомцен увязывать и переналаживать миллионы и миллионы цен на разные виды продукции лишь усиливала нестыковки. То, что за предыдущие десятилетия как-то притерлось друг к другу, теперь разбалансировалось, потому что попытка сделать более оптимальной цену на один продукт тут же приводила к разбалансировке всего механизма. Решить эту проблему мог только рынок. Но введение рынка в условиях сверхмонополизированной промышленности само по себе означало быстрый рост цен, а значит, массовые недовольства в стране. И это — в преддверии выборов. Такая реформа в условиях выборов привела бы к быстрой поляризации, усилению как либералов, так и консерваторов при сужении базы Горбачева. Реформаторский центр решил ждать до весны 1990 г.

На мартовском Пленуме ЦК КПСС 1989 г. было заявлено, что розничные цены останутся без изменений еще 2—3 года. Это могло означать только одно, что рынок не будет регулятором и всех других цен. Ирония заключалась в том, что как раз розничные цены продолжали расти.

Ассоциации предприятий и концерны стали создавать свои банки. Действия министерств на начальном этапе реформы 1988—1989 гг. научили предприятия, что сверху все равно ничего хорошего ждать не приходится. Если раньше ведомство было обязано следить за результатом деятельности предприятия, помогало ему ресурсами и финансовыми средствами, то теперь их интересы вошли в острый конфликт. Министерство тянуло на себя как можно большую долю заработанных средств, стремилось придерживать ресурсы и в то же время спускать как можно больший госзаказ. Предприятие искало новые связи, которые расходились с госзаказом, прятало ресурсы, искало возможность увести их из-под крыла министерства и всячески саботировало те требования, которые исходили «от врага», саботировали госзаказ. В итоге экономические реформы столкнулись с параличом половинчатости. Когда каждая из социально-экономических сил получила большие полномочия, они вцепились друг в

друга для того, чтобы захватить доминирующие позиции. В прежней системе правящая олигархия указывала бюрократии ориентиры экономического развития, а бюрократия частично реализовывала их, частично саботировала, частично присваивала продукт, используя в своих интересах общественный заказ олигархии. В новой системе олигархия все так же пыталась направлять общее развитие экономики через бюрократические рычаги, но при этом сам бюрократический аппарат уже был волен выбирать: то ли транслировать эти указания (в том числе и абсолютно не нужные с экономической точки зрения), либо саботировать их и устанавливать выгодные связи с наиболее успешными предприятиями и бизнес-группами. В свою очередь администрации предприятий, которые выступали от имени коллективов, саботировали указания, исходившие сверху, которые были им не выгодны, и в то же время стремились устанавливать связи совершенно независимо от того, что требовалось сверху. В результате перестройка экономических связей шла хаотично.

Существовавший в СССР много десятилетий бюрократический рынок с 1988—1989 гг. стал распадаться. Если советская система сочетала централизованное регулирование и горизонтальные связи натурального обмена, то теперь центр воспринимается хозяйственными субъектами как враждебное начало, и все надежды возлагаются на горизонтальные связи. Однако их перевод на более эффективную для горизонтальных связей денежную основу запаздывает. Предприятиям в этих условиях были нужны координирующие центры. Ими стали региональные элиты и нарождающаяся банковская система.

Разрушительная борьба за ресурсы развернулась между различными кланами номенклатуры — центральными, региональными — и между агломерациями, группами предприятий, каждое из которых ориентировалось на тот или иной клан и противостояло остальным. Это произошло еще до потери райкомами и обкомами власти на местах.

При этом усиление автономии региональных кланов приводило к тому, что единая экономическая система распадалась — ее не связывал ни рынок, ни единый административный контроль. В авангарде распада общесоюзного рынка шла Прибалтика. Этому способствовали запоздалые уступки центра прошлогодним экономическим требованиям национальных движений (в то время как для самих Народных фронтов эти уступки уже были недостаточны). 27 июля было приня-

то постановление Верховного Совета «О переходе Литвы, Латвии и Эстонии на хозрасчет». 1 августа 1989 г. Латвия ввела визитные карточки на товары. Это был пример для подражания не только для Прибалтики, но и для российских регионов.

Людей раздражало и растущее социальное расслоение — особенно по мере того, как становилось ясно: больше «зарабатывает» вовсе не тот, кто больше работает. Уже и официальная пресса пестрила критическими письмами читателей: «Меня очень тревожат наши магазины. В них ничего не стало, а в кооперативах такие товары по тройной цене». «Почему человек, который честно трудится на вредном производстве, получает в месяц всего 300—340 рублей, да и то «грязными», а какие-то спекулянты в кооперативах по 500—800 рублей в месяц? «Люди, обладающие свободным временем и способностями, вместо того, чтобы составить эту конкуренцию, забрать у них покупателей, сделав свой товар дешевле, садятся и пишут жалобы на кооперативы». Но ведь жалобы на кооперативы пишут не люди, обладающие свободным временем, а занятые на производстве. Они не нужны обществу? Или обществу нужны только предприниматели? Более серьезный вопрос ставит председатель другого кооператива А. Климов: «Любому ясно, что лучше зарабатывать 1000 рублей, чем 200. Но почему этого не могут добиться, скажем, заводские рабочие?» Потому что им не предоставлены права кооперативов.

Либеральных публицистов раздражало недовольство населения социальными результатами реформ. Отвечая своему «соседу», а в действительности — всем недовольным, обозреватель «Московских новостей» В. Третьяков восклицал: «Вы лжете, что перестройка не принесла народу ничего, на что он рассчитывал... Теперь, когда перестройка дает возможность продавать меньше, но дороже, вы напуганы какой-то “зависимостью от империализма”». Так в условиях кризиса горбачевских реформ и ропота масс формировалось новое кредо либералов (уже без кавычек): не нужно бояться социального расслоения и зависимости от Запада.

* * *

В 1989 г. даже по официальной статистике в СССР было отмечено значительное падение темпов роста производства. ВВП в 1988 г.

возрос на 5,5 %, а в 1989 г. — на 3 %. При этом промышленная продукция возросла только на 1,7 %, а продукция сельского хозяйства — на 1,3 %. В условиях «лукавой» статистики это отсутствие реального роста. У государства не оставалось средств на инвестиции. При этом, стремясь сохранять контроль надо всей экономикой, правительство тратило 100 млрд рублей на дотации. В результате дефицит бюджета достигал 91 млрд. Решить эту проблему было еще можно, сузив сферу государственной ответственности, сосредоточения государства на сфере инноваций и обеспечения социальных гарантий. Но государство, приученное в условиях бюрократического рынка регулировать все хозяйственные процессы, никак не могло отойти от этой роли.

3 августа было введено налогообложение фонда оплаты труда, за исключением связанного с ростом производства товаров народного потребления. Эта мера, по существу, запрещала модернизацию производства (так как оно не связано непосредственно с производством товаров народного потребления). Но и достаточного роста товарной массы не получилось, так как предприятия предпочли наращивать показатели — ценовые и валовые, а не качество продукции.

В условиях неопределенности обострилась борьба за ресурсы, каждый, кто их контролировал, придерживал товары, ожидая — какие условия «перехода к рынку» изберут наверху. Прилавки пусты, но затем ситуация на время улучшилась.

Экономический кризис был острым, но в это время он еще не был катастрофическим. После 1989 г. экономика «падала» еще девять лет, и ее уровень 1989 г. все еще представляется России начала XXI века желанной перспективой. Экономике разъедала неопределенность и незавершенность модели 1987 г., зависимость хозяйства от распадающейся номенклатуры. Все знали средства лечения болезни — рынок и демократизация. Но у врачей не было согласия, как применять эти сильные средства.

Как переходить к рынку?

Несмотря на то что реформаторы решили «переходить к рынку» после выборов, они продолжали весь 1989 г. публично рассуждать на эту тему. Эти рассуждения заранее поляризовали общество. Одну его

часть они пугали. Экономическая неопределенность заставляла руководителей производства придерживать ресурсы и «годить» с легальными созидательными проектами. Другая часть общества, которая считала переход к рынку необходимым, была разочарована. Все время обещают рынок «вот-вот», а ничего конкретного не предлагают. Налицо заговор номенклатуры с целью «замотать» введение рынка.

Еще 24 мая Н. Рыжков представил план поэтапного перехода к «регулируемой рыночной экономике», по своей обтекаемости продолжавший лучшие традиции партийных постановлений. Обсуждать его пришлось новому, послесъездовскому Верховному Совету. Депутаты уже пообщались с избирателями и поняли, что чем более оппозиционно они выступают, тем они популярнее в регионах. В то же время ораторы, продолжавшие андроповскую традицию (такие как В. Ярин, А. Сухов и др.), резко атаковали правительство с охранительных позиций, называя кооперацию «раковой опухолью общества».

В условиях подъема популистских настроений обсуждение плана бюджета на 1990 г. способствовало решительной переориентации экономики на производство товаров народного потребления. Но заложенные в плане цифры по затратам — это благие пожелания, которые не учитывали сокращение ресурсов. Зато модернизационный импульс «ускорения» был окончательно погашен — на производство средств производства средств почти не осталось. Рост производства средств производства к предыдущему году в 1988 г. составил 3,4 %, в 1989 г. — 0,6 %, в 1990 г. падение составило 3,2 %. Рост производства товаров народного потребления сохранялся, хотя темпы его упали с 5,4 % в 1988 г. до 4,4 % в 1990 г. Впрочем, неудовлетворенный спрос к началу 1990 г. составлял 95 млрд руб. Это грозило обвалить потребительский рынок. Уже зимой прилавки почти опустели. Продукты в стране были, но теперь каждая местная администрация сама должна была искать товарные запасы для своих регионов. Дальнейшее промедление с переходом к легальному рынку означало экономический распад страны на регионы.

Верховный Совет поручил правительству к 1 сентября подготовить план и бюджет на 1990 г., которые должны обеспечить условия для перехода к рынку. Эту работу должна была выполнить команда академика А. Абалкина.

Логика Абалкина в значительной степени соответствовала либеральной логике монетаристов — денежные доходы слишком велики, и в качестве предпосылки реформы нужно это исправить. Денежная масса выросла на 13 %. Но ведь и инфляция реально нарастает, сводя на нет рост денежных доходов. Абалкин справедливо считал условием перехода к рыночным отношениям наличие торговых и финансовых бирж, центров информации, антиинфляционных и антимонопольных регуляторов, налогового и финансового контроля, банковской структуры. Очень многое из этого уже существовало на практике: возникли кооперативные банки и государственные банковские структуры, плановые органы могли стать основой информационных структур наряду с независимыми кооперативными центрами, также уже возникающими. Как покажет опыт 1991—1992 гг., создание бирж может произойти практически моментально, нужно только разрешить оптовую торговлю. Но именно этого и не было сделано.

Общество уверяли, что рынок заработает уже к 1991 г. 24 сентября Горбачев получил чрезвычайные полномочия на 18 месяцев для обеспечения перехода к рыночной экономике. После бурного обсуждения 19 октября Верховный Совет принял проект умеренной экономической реформы, разработанный командой А. Абалкина. Это были лишь самые общие контуры, перечисление основных благих пожеланий идеологии реформаторов. Идея заключалась в том, чтобы сначала улучшить ситуацию, создать «стартовые условия», «механизм активного регулирования рынка», а затем запустить рыночную реформу в благоприятных условиях. Но условия необратимо ухудшались в силу незавершенности реформ. Наметилась и новая тема раздела прав центра и республик. Если бы распоряжение собственностью в условиях рынка предстояло передать коллективам работников, это было бы не так важно. Но предстоял именно раздел государственной собственности между разными уровнями номенклатуры.

Программа Рыжкова — Абалкина исходила из монетаристских представлений о том, что рынок может нормально работать только в условиях минимального дефицита. Это значит, что введение рынка изначально планировалось за счет доходов большинства работников. В этом отношении взгляды А. Абалкина предвосхитили идеи «шоковой терапии», чем он, похоже, гордится: «Именно здесь впервые была

поставлена задача осуществить программу финансового оздоровления экономики как исходный пункт, предпосылку радикальных шагов к рынку.

К этой идее неоднократно обращались в последующем разработчики различных программ, правда, забывая указать на первоисточник».

При этом правительство исходило из того, что на переход к рынку есть несколько лет. На Пленуме ЦК КПСС 9 декабря Н. Рыжков выступил с докладом «О мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и подходах к разработке XIII пятилетнего плана». Он предложил 6-летний план из двух этапов. В 1990—1992 гг. — «преодоление кризиса в экономике и прежде всего бюджетного дефицита и разбалансированности потребительского рынка». Для этого этапа предусматривалось сочетание директивных мер с «нарастающим воздействием экономических рычагов». Когда наведем порядок, наступит второй этап (1993—1995 гг.) — «активизируется рынок». Обнародование этих сроков вызвало шок у реформистов и удивление у всех остальных. Оказывается, рынок «активизируется» только через три года. Позднее Рыжков так разъяснял свои мотивы: «Остановиться предлагаю. Оглядеться предлагаю. Подумать как следует. Не спешить». Горбачев делал в экономике ровно то, что предлагали консерваторы — остановился на пол-дороге. Для экономики это самое опасное положение. И когда позднее умеренные реформаторы и консерваторы критиковали его за невнимание к экономическим проблемам, они критиковали именно свою стратегию — остановиться, оглядеться, не спешить.

А надо было спешить. На фоне плана правительства крайне радикальными выглядели любые взгляды, исходившие из того, что промедление смерти подобно. Но промедление реформаторов в руководстве СССР не только предопределило их поражение, но и создало экономические предпосылки для распада Советского Союза. Справедливости ради отметим, что эти предпосылки были необходимым, но недостаточным условием распада государства. Произошло временное ослабление экономических связей, но не только между республиками, но и внутри них. Тем не менее распался только СССР, причем именно в тот период, когда связи были ослаблены

(даже после распада межреспубликанские связи частично восстановились). Для того чтобы СССР распался, экономические факторы должны были дополниться социально-политическими.

Политические стулья разъезжаются

Реформируя страну, Горбачев пытался сидеть на двух стульях: реформы и коммунистический режим. В 1989 г. стало ясно, что эти стулья разъезжаются в разные стороны все дальше. На I съезде депутатов «либералы» прямо выступили против главного реформатора. Теперь против Генсека КПСС стала подниматься партийная толща. Речь шла не о прежней угрозе со стороны консерваторов в Политбюро, которая была устранена еще политической реформой 1988 г. Разочарование реформами Горбачева охватывало региональную номенклатуру и массы рядовых коммунистов.

Новые тревожные сигналы прозвучали на Пленуме ЦК КПСС 19 сентября. На нем Горбачев надеялся решить ряд рутинных задач: огласить «национальную платформу» (как мы видели, на удивление обтекаемую), принять решение о созыве XXVIII съезда КПСС уже в 1990 г., провести кадровые перестановки, еще больше ослабив верхушечное влияние консерваторов. Пленум освободил от обязанностей членов Политбюро В. Никонова, В. Чебрикова, В. Щербицкого (он вскоре скончается), перевел Ю. Маслюкова из кандидатов в члены Политбюро, избрал членом Политбюро председателя КГБ СССР В.А. Крючкова, кандидатами в члены — Е. Примакова и Б. Пуго. Совершая эти перестановки, Горбачев не учитывал, что по мере радикализации перестройки умеренные реформаторы превращались в консерваторов.

Еще одно событие пленума укладывалось в линию на ослабление консерваторов. Выступивший на пленуме Генеральный прокурор СССР А. Сухарев заявил, что проведенное прокуратурой расследование обвинений Е. Лигачева во взяточничестве, прозвучавших на I съезде народных депутатов из уст депутатов Т. Гдляна и Н. Иванова, «показало полную несостоятельность этих утверждений». Подозрения сняты, но недоверие сохранилось — те, кто верил Гдляну, не поверили Сухареву...

В разгар обсуждения национального вопроса, когда ораторы гневно обличали сепаратистов, секретарь Смоленского обкома КПСС А. Власенко заявил: «Крупнейшая в стране республика — Россия — находится в условиях финансовой, ценовой, экономической дискриминации». Если раньше наступление на Союз шло с окраин, то теперь удар был нанесен в самый центр. Оказалось, что СССР — империя без метрополии. Империя, в которой центральные регионы считают себя угнетаемыми, существовать не может. Это было самое начало агитации за «освобождение» России от самой себя. Как и в случае с речью Распутина, консерваторы таким образом противопоставляли свои претензии претензиям национальных элит. Но теперь они говорили всерьез. Российское почвенничество перетянуло на свою сторону значительную часть консервативно настроенной номенклатуры, разочаровавшейся в коммунизме. В ходе предвыборной кампании лозунг борьбы за интересы России в ущерб интересам Союза будет закреплен. Его с удовольствием подхватят и «демократы». Риторика борьбы за суверенитет Российского государства позволит им наконец снять противоречия с прибалтийскими националистами и выработать новую стратегию борьбы против горбачевского руководства как против союзного центра. Коммунистические консерваторы и либералы превращались в объективных союзников.

22 ноября Ленинградский обком КПСС провел на Дворцовой площади первый массовый оппозиционный митинг коммунистов. Горбачев считал, что первый секретарь обкома Б. Гидаспов — вполне лояльный реформам человек. Он только что сменил на посту провалившегося на выборах Соловьева. Теперь Гидаспов руководил митингом с такими лозунгами: «Политбюро — к отчету на внеочередном Пленуме ЦК!», «Михаил Сергеевич, обратите внимание на партию!» Если в 1988 г. письмо ленинградки Н. Андреевой стало «манифестом консервативных сил», то теперь консервативные массы вышли на улицы. Среди тех, кто сидел дома, поддержка митинга тоже была не малой. По данным опросов того времени, ленинградцы раскололись по отношению к митингу примерно по третям: за, против и нейтрально. Казалось бы, Горбачев должен был предпринять какие-то контрмеры в отношении Гидаспова. Но вскоре Гидаспов был введен в Российское бюро ЦК КПСС, председателем которого был Гор-

бачев. В условиях размежевания КПСС на множество фракций, которые вскоре станут действовать открыто, Горбачев все еще стремился возглавить сразу несколько фракций — и социал-демократических реформистов, и патриотических коммунистов. Для каждого течения он пытался подыскать контролируемых вождей. А ступля под ним разъезжались все дальше.

* * *

В преддверии II съезда народных депутатов демократы попытались перейти в наступление. Они не учли такую черту политического «климата» перестройки, как «похолодание» в конце года. Она стала проявляться уже с 1987 г. Весной и летом — всегда подъем митинговой активности. К новому году — не до политики.

1 декабря депутаты А. Сахаров, В. Тихонов, Г. Попов, А. Мурашов и Ю. Черниченко (снял свою подпись и был заменен Ю. Афанасьевым) призвали демократов провести с 10 до 12 часов дня 11 декабря предупредительную забастовку с требованием отмены 6-й статьи Конституции СССР (о руководящей роли КПСС). В обращении депутатов говорилось: «Собственность — народу! Земля — крестьянам! Заводы — рабочим! Вся власть — Советам!» Все лидеры, подписавшие это обращение (за исключением скончавшегося вскоре А. Сахарова) через два года стали горячими противниками большинства этих лозунгов. Накануне забастовки в Москве прошла десяти тысячная демонстрация в День прав человека под лозунгами «От демократизации — к демократии!», «От гласности — к свободе слова и печати!», «От тоталитарного государства — к гражданскому обществу!», «От бюрократического централизма — к свободному союзу суверенных народов!», «КГБ — под контроль советов!».

А вот забастовка оказалась скромной. Из шахтерских регионов радикальных демократов поддержала только Воркута, в других городах прошли митинги.

Некоторым утешением для Сахарова было то, что на пресс-конференции в Центральном доме художника в Москве ему были вручены 60 тыс. подписей, собранных со времени I съезда народных депутатов СССР в поддержку его «Декрета о власти».

«Решение объявить 12 декабря политическую забастовку в поддержку требования немедленного обсуждения съездом отмены 6-й статьи Конституции, несомненно, способствует распаду единства радикальной группировки», — считал Д. Къеза. Западный наблюдатель ошибся не только в дате забастовки (11 декабря), но и в общей оценке ситуации зимы 1989—1990 гг. Радикальная группа как раз консолидировалась в ходе этих событий, превратилась в более плотное ядро, нацеленное на выборы, а не на работу в съездовских структурах. Несмотря на скромные результаты самой забастовки, депутаты-«либералы» вышли из нее более сплоченными и теснее связанными с активными оппозиционными структурами, которые окончательно переориентировались на оппозиционный депутатский центр. Кризис недоверия между либеральными коммунистами и оппозицией был преодолен, «либералы» с партбилетами доказали, что они достаточно радикальны в своей борьбе против партаппарата. В этих условиях оппозиция вступила в избирательную кампанию, которая в полную силу развернется после Нового года. Теперь в Кремле к неформалам относились серьезно. 28 декабря Воротников говорил Лукьянову: «Неформальные общественные организации действуют напористо, активно».

Второй съезд

12—24 декабря прошел II съезд народных депутатов СССР. Он должен был «доделать» непочатый край дел, на которые замахнулся I съезд. Поскольку реально решить все эти проблемы ко всеобщему удовольствию было невозможно, реформаторское руководство продолжало курс на «сглаживание углов» и «замыливание вопросов». Для этого нужно было всего-навсего перехватить инициативу у МДГ, которая неумоимо ставила эти самые вопросы. Теперь Горбачев и его аппарат были готовы к атакам «демократов» — не то что на первом съезде. Их выступления по возможности игнорировались президиумом. Большинство смогло приступить к нормальной законотворческой работе, которая, однако, в условиях продолжавшейся телетрансляции разочаровывала телезрителей. В целом большинство депутатов по-прежнему было послушно реформаторскому руковод-

ству КПСС. Но все более зримо усиливались консервативное и радикальное крылья. Так, предложение МДГ обсудить 6-ю статью Конституции было отклонено только 1138 голосами против 839.

Горбачев был готов пересматривать Конституцию в целом, а не по частям. Но МДГ настаивала, что начать нужно со статьи 6. Правда, останется КПСС руководящей силой или нет, — зависело от итогов выборов, а не от записи в основном законе.

В это время Горбачев еще считает, что в центре реформы государственного устройства должен стоять пересмотр Конституции, а не Союзного договора. Это придавало процессу реформ определенную устойчивость — во всяком случае, не ставило под сомнение правомерность самого существования СССР. Мы увидим, что таков же был и взгляд главного «конституционалиста» оппозиции — А. Сахарова.

А пока Горбачев стремится поставить экономические вопросы в центр дискуссии. Здесь у МДГ тоже было, что сказать — она предлагала значительно расширить сферу рынка, ограничив госзаказ 50 %. Для начала.

На фоне этого предложения правительства выглядели как демонстративное бездействие. Даже название доклада Рыжкова было выдержано в духе 1987-го, а не 1989 года: «Меры по оздоровлению экономики, этапы экономической реформы и основные направления по разработке XIII пятилетнего плана». Выступление Рыжкова подтвердило, что его технократический подход к реформе бесконечно отстал от ситуации — Рыжков все еще надеялся решить проблемы макроэкономики с помощью реорганизаций бюрократии. По докладу Рыжкова было принято решение разработать пятилетний план на 1991—1995 гг. Большинству депутатов казалось, что время на переход к рынку не ограничено — проект предстояло предоставить к 1 сентября 1990 г. Очевидно, что до этого рыночная реформа не должна была начаться.

На съезде продолжалась борьба лоббистских групп различных отраслей. Особенно активно выступают аграрии, которые теперь сделали ставку на своего нового начальника — Е. Лигачева. Межведомственные разногласия ослабляли фронт консерваторов. Даже консервативные региональные лидеры считали своим долгом выступить против центральных ведомств в борьбе за контроль над эконо-

микой. Будущий туркменбаши С. Ниязов говорил: «За что сегодня отвечают министерства, ведомства, осваивая природные богатства и размещая свои предприятия в том или ином регионе страны? Только за экономические результаты деятельности. А кто ответит за то, что нередко эта деятельность ставит под угрозу элементарные условия существования населения?»

Но и МДГ в это время выступают еще не против направления реформ, а лишь против медленных темпов. Переход «либеральных коммунистов» на позиции экономического либерализма еще не завершился. Это произойдет в 1990 г.

«Радикальная экономическая реформа, на которую нацеливал страну I съезд, теряет свою радикальность, теряет скорость. Реформа снова начинает походить на неспешную штопку прорех в экономике», — возмущался Н. Травкин. Еще определеннее высказался Б. Ельцин: «Не согласен с мнением некоторых ораторов, “что мы идем не тем путем”. Нет, не в этом виновны товарищ Горбачев, Политбюро ЦК КПСС и правительство СССР. Путь тот, социалистический, путь обновления нашего общества... Топчемся на месте. Нужно идти к демократическому рыночному социализму, но быстрее. Теперь налицо другой факт — полумеры... Опасность сегодняшнего момента в том, что народ теряет веру, а мы все твердим: перестройка охватила всех, углубляется и расширяется... Если бы Эриха Хонеккера два месяца тому назад спросили, сколько времени нужно для осуществления процессов демократизации в партии и в стране, он бы запросил, пожалуй, лет пять... Времени на колебания и раскачку у нас уже нет».

Пример Восточной Европы, где промедление с проведением реформ вызвало революционные взрывы, было прямой угрозой Горбачеву: будете тянуть с реформами, как предлагает Рыжков — дело кончится крахом. Но и сама реформа, да еще сочетающая монетаристскую экономию на доходах населения при сохранении позиций бюрократического класса, тоже могла вызвать социальный взрыв. В этих условиях Горбачев предпочел тянуть еще несколько месяцев.

20 декабря Горбачев предложил принять правительственный доклад к сведению, то есть «замылить» и эту тему. Тут уже и Рыжков бросил вызов Горбачеву, требуя проголосовать за доверие либо

недоверие правительству. Съезд проголосовал за доверие. «Но это — классическая пиррова победа. Программа правительства не реализуема, достаточно будет всего четырех месяцев, чтобы доказать это», — комментирует итальянский наблюдатель. Против правительства выступило 419 депутатов, 64 воздержалось.

Горбачев предпочел вынести основные положения реформы на «всенародное обсуждение». Этим он отложил принятие решений как минимум до III съезда — до окончания выборов в республиках.

* * *

Съезд должен был подытожить работу комиссий по Пакту Молотова—Риббентропа и по трагедии в Тбилиси, образованных I съездом. Если оппозиция стремилась использовать трагедию Тбилиси 9 апреля 1989 г. и проблему пакта 1939 г. для дальнейшего наступления на союзную власть, то руководство КПСС предпочло бы «спустить на тормозах» обе темы.

23 декабря было заслушано сообщение Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года.

А. Яковлев в своем докладе осудил «имперские замыслы» Сталина, напомнил, что пакт 1939 г. утерял силу 22 июня 1941 г., что секретный протокол не имел юридических последствий, поскольку «являлся изначально противоправным документом». Западная граница СССР была установлена соглашениями, принятыми уже по итогам Второй мировой войны. При этом «народы Украины и Белоруссии возвратили себе территориальную общность». Но Яковлев морально поддержал и кампанию, ведущуюся Народными фронтами Прибалтики: «оказались нарушенными какие-то глубинные элементы демократического мироощущения в целом». Знал ли Сталин, какие «глубинные элементы» нарушает, и было ли у него это загадочное демократическое мироощущение? Это осталось понятным только Яковлеву. Секретные протоколы осудили как «отход от ленинских принципов советской внешней политики». Это нарушало суверенитет соседей и заключенные с ними соглашения. Но Сталин и Молотов скрывали секретные протоколы от легитимных органов власти и не

ратифицировали их. «Таким образом, решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот стговор». Так что из ныне живущих никто не виноват. Вывод: «Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». Этого добились национальные движения стран Прибалтики, так как надеялись таким образом доказать, что СССР не имеет прав на их территорию. Однако съезд возражал против такой трактовки: «Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств». Давить давили, но юридических последствий протокол не имел. Прибалтийским странам напомнили, что перед Сталиным они капитулировали сами (в отличие, скажем, от Финляндии), так что поезд ушел. Новая расстановка сил не могла зависеть от юридических процедур прошлого. Она и не будет зависеть. Раздел сфер влияния 1939 г. до сих пор «живет» в границах Украины, Белоруссии, Молдавии и Литвы.

* * *

При обсуждении вопроса о трагедии в Тбилиси было больше эмоций и драматизма. Первая интрига заключалась в том, ограничится ли повестка дня выступлением председателя комиссии А. Собчака или с содокладом выступит еще и прокуратура. Главный военный прокурор СССР А. Катусев все же выступил. Он упирал на вину националистов. Грузинская делегация, а за ней и прибалты покинули зал. Ушла часть МДГ. Свой протест заявил новый руководитель КПП Г. Гумбаридзе. Горбачев объявил перерыв. Э. Шеварднадзе возмущался во время перерыва: «Это возмутительно, что говорил прокурор! Это провокация! Позор. Я считал, что обсуждения не будет... Я подам в отставку. Нельзя же так извращать события!» Доклад комиссии Собчака был выдержан в более компромиссных тонах. Но и здесь была своя интрига — будет ли выступление председателя ко-

миссии соответствовать ее выводам. А. Собчак выступил от имени комиссии, но говорил от себя, преследуя дополнительную цель, — возложить ответственность за трагедию на консервативное крыло КПСС и конкретно на ее символ — Лигачева. Собчак подверг критике и организаторов митинга 9 апреля у Дома правительства (Церетели, Гамсахурдия, Чантурия), и армию за применение газов и саперных лопаток (по версии военной прокуратуры, смерть жертв наступила в результате давки), политическую ответственность за случившееся возложил на Лигачева как на человека, принимавшего решение, которое привело к трагедии.

По версии Лигачева, 7 апреля 1989 г., в условиях нараставшего кризиса в Грузии, из-за отсутствия Горбачева в Москве образовался «вакуум власти». Никого «на хозяйстве» Генсек теперь не оставлял (в том числе и из-за опасений консервативного контрпереворота). По инициативе Чебрикова Лигачев провел «совещание» в составе большинства членов Политбюро (иногда он и называл это совещание «Политбюро»), которое «выработало рекомендации» для Горбачева. Над совещанием витала «трагическая тень Сумгаита», и рекомендации свелись к переброске войск в Тбилиси, усилению охраны объектов и более активному участию партийных руководителей в митингах. Вот и все. Приказы должен был отдавать Горбачев, который прилетел в страну 8 апреля. Лигачев в этот день отбыл в отпуск.

По версии Собчака, Лигачев в отсутствие Горбачева принял решения, которые реализовывались в Тбилиси. Это перекладывало ответственность за трагедию с Горбачева на консервативную часть Политбюро во главе с Лигачевым.

Лигачев уже в конце 1988 г. потерял положение второго человека в партии. Но в условиях распада КПСС на фракции Лигачев был лучшим кандидатом в лидеры консервативного крыла. Волевой и непримиримый, он был бы сильным противником. В преддверии выборов и консолидации консерваторов в российскую компартию следовало деморализовать и скомпрометировать Лигачева. В результате выступлений Гдьяна и Собчака это вполне удалось.

Постановление по докладу комиссии по расследованию событий в Тбилиси было «взвешенным». По поводу гибели людей в Тбилиси съезд постановил, что «в трагедии, связанной с гибелью невинных

людей, отразились неспособность бывшего руководства республики в условиях серьезного обострения общественно-политической обстановки в Грузинской ССР разрядить возникшую ситуацию политическими средствами, а также серьезные просчеты и ошибки, допущенные на всех уровнях общесоюзного и республиканского руководства при принятии и реализации решения о пресечении несанкционированного митинга на площади у Дома правительства». Съезд осудил применение насилия против участников демонстрации и направил материалы комиссии следственным органам, где они и были похоронены. Несмотря на округлость этого постановления, официальное осуждение применения войск было важным рубежом. Теперь применение силы режимом было еще более затруднено. Если раньше руководство страны воздерживалось от применения войск по внешнеполитическим причинам, то теперь военное руководство воздерживалось от этого, чтобы не нести ответственность. Применение вооруженных сил стало возможным только по прямому указанию государственного руководства.

Тогда же было принято постановление «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.»: «Съезд народных депутатов СССР... считает, что это решение заслуживает морального и политического осуждения...»

Несмотря на то что атака МДГ на 6-ю статью была отбита, Горбачев все же планировал небольшие корректировки конституции, в частности ввод Комитета конституционного надзора. Хотя этот орган получил очень небольшие полномочия, депутаты от национальных движений покинули зал в знак протеста — их не устраивало, что решения республик могут оцениваться с точки зрения устаревший конституции.

Другие поправки к конституции также вызвали недовольство депутатов от Народных фронтов, так как были направлены на защиту гражданских прав, нарушение которых началось в Прибалтике. Статья 96 была принята в такой формулировке: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение избирательных прав граждан СССР является недопустимым и наказывается по закону». Против проголосовало большинство депутатов от Прибалтики, Грузии, Г. Старовойтова и Т. Гдян. Пока большинство МДГ сто-

яло на демократических позициях и не приветствовало нарушение гражданских прав в Прибалтике.

* * *

21 декабря разочарованная игнорированием своих предложений Межрегиональная депутатская группа приняла заявление, провозгласившее: «Наша группа фактически оказалась по указанным жизненно важным вопросам в оппозиции по отношению к большинству на съезде». Впервые в советском парламенте была открыто провозглашена оппозиция.

Лидеры МДГ выступили против «монопольной власти партии», «огосударственной экономики», против затяжек с переходом к «подлинно рыночному хозяйствованию». Межрегионалы заявили: «Не считаем возможным остановить развал народного хозяйства при помощи одних лишь административных запретов и приказов».

МДГ выступила за выработку нового договора о Советском Союзе по формуле: «сильные республики и созданный ими центр». Это — важная уступка требованиям Народных фронтов Прибалтики. Архитекторами нового Союза должны стать «сильные республики», а не сильный народ. Характерно, что в связи с этим ничего не говорится о конституционной реформе или принятии новой конституции. Наследники Сахарова сдали его конституционный проект в архив через неделю после смерти диссидентского патриарха. Несмотря на эту уступку, националисты не стали входить в МДГ и в только что провозглашенную оппозицию всем составом. Они предпочитали «личную унию» с общесоюзной оппозицией, контролируя ее решения, но не подчиняясь ей.

Манифест, с которым выступил Афанасьев на II съезде, поддержали (хотя и не сразу) 194 депутата. Это — половина полного состава МДГ и лишь часть депутатов от национальных движений (эти две группы пересекаются только частично). Тем не менее Афанасьев утверждал, что представляет позицию минимум 250 депутатов.

Провозглашение политической оппозиции казалось смелым шагом политических идеалистов. Однако это был вполне расчетливый шаг политических прагматиков. Популярность реформаторского

крыла КПСС падала, радикалы обладали депутатским статусом, и партийный билет был уже не так нужен (хотя полгода большинство либеральных лидеров будут на всякий случай состоять в КПСС). В предстоящей избирательной кампании, проходящей в условиях обостряющегося социально-экономического кризиса, практичнее было открыто называться оппозицией. Символично, что именно в это время МДГ потеряла наиболее идеалистичного своего лидера.

Закат политического идеализма

14 декабря, во время съезда, умер Андрей Дмитриевич Сахаров.

Упрямство Сахарова в его противостоянии властям во время съезда снижало академику популярность уже не только в среде интеллигенции, но и в широких массах телезрителей. Кончина академика вызвала траурные настроения, по масштабам сопоставимые с пятилетней пышной похорон 1980—1985 гг., но количество искренне скорбящих было, пожалуй, даже больше. Похороны Сахарова вылились в крупную демократическую манифестацию. Было очевидно, что исчезновение фактора Сахарова в руководстве «демократического» движения скажется на его качестве.

На II съезде Сахаров и Горбачев полемизировали гораздо резче, чем на первом. Горбачев раздраженно отмахивался от академика, и тому казалось, что Генсек готовит свое «18 брюмера». Горбачев откровенно ревновал, когда ему сообщали о «раскрутке» Сахарова государственными СМИ. Октябрьские «Аргументы и факты» поместили результаты опроса, по которому Сахаров оказывался популярней Горбачева. 13 октября Горбачев собрал руководителей прессы, раскритиковал и «либералов», и «консерваторов» за подрыв перестройки. В заключение предположил, что после встречи журналисты скажут: «Он опять между двух стульев. Неужели вы не обратили внимание, что Горбачев на своем стуле». Оргвывод из этой встречи последовал на следующий день, когда редактору «Аргументов и фактов» В. Старкову предложили подать в отставку. Старков отказался, редакция его поддержала. Этот случай подтверждал, что «стул» прессы ушел из-под Горбачева. Теперь на нем могли сидеть «либералы». Либо во главе с Сахаровым, либо — с Ельциным. Но не Горбачев.

Сила Сахарова в противоборстве с Горбачевым заключалась в статусе «представителя Запада». Так, он заставил Горбачева принять делегацию жертв погромов из Ферганы, несмотря на то что Горбачев был занят подготовкой визита в ФРГ. Академик просто пригрозил пожаловаться Колю на Горбачева, который «допускает геноцид». Горбачев принял беженцев. Впрочем, при этом никакие решения приняты не были. Сахаров действовал больше на символическом уровне, не добиваясь реальных конструктивных результатов в результате своих политических актов. Для оппозиции это было эффективным методом действий. Но Сахаров надеялся и на то, что сможет сделать конструктивный вклад в создание нового Советского Союза. Последние месяцы жизни он посвятил созданию проекта Конституции. Приоритет конституционного строительства над пересмотром Союзного договора в воззрениях Сахарова был очень важен. Если старая конституция объявляется нелегитимной, это еще не означает нелегитимности государства. Нелегитимность Союзного договора ставит под сомнение право самого государства на существование.

Проект Конституции стал последним детищем академика. Он дает довольно полное представление о сахаровской политической альтернативе — о той линии, которую с присущим ему политическим упрямством отстаивал бы академик в «демократическом движении». Конституция заметно отличается от тех идей, которые затем отстаивали либералы, провозгласившие себя идейными наследниками Сахарова.

Конституционный проект Сахарова по форме представлял собой переходный текст от диссидентских правозащитных деклараций и неформальных политических программ к собственно конституционным проектам России 90-х гг. и проектам Союзного договора СССР 1991 г. Здесь содержатся и чисто идеологические (а не правовые) положения («конвергенция» и др.), общедемократические положения о гражданских правах и социальном государстве, и собственно конституционная конструкция государственного устройства. Сахаров выступает за отказ от аббревиатуры СССР, но считает необходимым сохранить привычное для мира наименование государства — Советский Союз. Полностью — Советский Союз Европы и Азии (сокращенно ЕАС или СС).

Как и Горбачев, Сахаров надеялся удержать в рамках Союза всю его территорию, включая Прибалтику, надеясь, что цели Народных фронтов — «это не выход из состава Союза, а попытка добиться и закрепить за собой в пределах СССР реальный суверенитет».

После принятия Конституции (но не ранее) Сахаров планировал переучреждение Союза на Учредительном съезде. При этом Сахаров предлагает формальную процедуру провозглашения независимости с немедленным учреждением Союза — эта наивная формальная процедура затем будет рассматриваться и как вполне реальный процесс, в ходе которого каждая республика должна решить: вступать или не вступать в новый Союз. Сахаров в этом отношении заботится о сохранении Союза гораздо больше, чем «демократы» 1990—1991 гг. Он предусматривает, что выход из Союза возможен только через год после перезаключения договора и только по итогам референдума, а не по решению республиканского руководства. Более того, через 10 лет Сахаров предлагает провести пересмотр границ между республиками. Русский язык должен стать языком межреспубликанского (но не межнационального) общения.

Сахаров считал, что основная политическая задача — обеспечить передачу всей власти советам. Об этом он говорил не только публично, но и в беседах тет-а-тет. Это подчеркивал и в своих мемуарах. В конституционном проекте он выступает за преобладание представительной власти над исполнительной.

В своей экономической программе Сахаров также был скорее социал-демократом, чем либералом. Он выступал за плюрализм форм собственности, включая частную, но за ограничение частной собственности на землю. Все предприятия должны нести ответственность за социальные и экологические последствия своей работы. Это понимание вполне укладывалось в принципиальный подход Сахарова — «конвергенцию» социализма и капитализма.

* * *

Смерть Сахарова привела к перегруппировке сил в лагере «демократов». Либеральные коммунисты, которые прежде могли ма-

неврировать между линиями Сахарова и Ельцина, теперь волей-неволей должны были сплачиваться вокруг Ельцина. Характерной является эволюция позиции А. Собчака: «Выступления Ельцина на съезде и на московских митингах мне не нравятся: популистский напор в них порой берет верх над здравым смыслом; я считаю, что политика это не украшает». Собчак ориентировался на Сахарова, которого сравнивал с Сергием Радонежским. После смерти Сахарова Собчак, «наступив на горло собственной песне», войдет в обойму Ельцина.

Для неформалов-социалистов Сахаров в качестве лидера депутатской фракции «демократов» был более приемлем, чем Ельцин. Академик был открыт сложным социальным идеям, взвешивал «за» и «против» при обсуждении социальных концепций, был настроен на поиск всего лучшего как в социалистической, так и в либеральной идеологии. После его смерти «выносные мозги» Ельцина уже не утруждали себя прорисовкой деталей грядущего общества. В 1990 г. ведущие «прорабы перестройки» окончательно перейдут на чисто либеральные позиции, заявят о том, что нужно прорываться к «нормальному» капиталистическому обществу. Эта идея проще и потому сильнее. Во всяком случае до тех пор, пока капитализм не покажет, насколько разрушительным он может быть в среднеразвитой стране, насколько тяжело жить при капитализме большинству населения стран третьего мира. Впрочем, как мы видели, социалисты предупреждали об этом уже в 80-е гг.

Сахаров был не только носителем авторитета, который признавался и Западом, и вследствие этого Горбачевым, но и определенным противовесом популистской линии Ельцина и переходу «либеральной» элиты на антисоциалистические позиции. Все-таки идеология, с которой он связал свое имя, не была антисоциалистической. После смерти Сахарова либеральная интеллигенция превратилась из равноправного партнера популистских номенклатурных вождей в их «выносные мозги». Когда Ельцин после распада СССР решил сменить советников, либералы образца 1990 г. были отстранены от власти безо всяких сложностей.

Глава 18

КОНЕЦ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Выбор России

Когда выборы в России были наиболее свободными? Если не считать спорного случая с Учредительным собранием 1917 г., то, пожалуй, в 1990 г. Недемократические положения избирательного закона 1988 г. (окружные совещания, депутаты от общественных организаций) были отменены. «Ветер перемен» витал в коридорах государственных предприятий и учреждений, так что подыскать «площадку» для выдвижения взрослому человеку было несложно. В то же время партийной дисциплины уже не было в КПСС и еще не было в новых партиях. Сама кампания была относительно дешевой — кандидат и его друзья могли потянуть ее на советскую зарплату (все равно в стране был дефицит товаров, так потратимся на благое дело). Тем более, если человека выдвинул коллектив коллег, — почему не скинуться и не взять немного из фонда социального развития. Печатать дорогие красивые листовки считалось дурным тоном — так поступают кандидаты КПСС. Так что в итоге кандидат «от народа» оказывался независимым и от чиновников, и от тугих кошельков (тем более что большинство кооператоров пока опасались прямо вмешиваться в политику, понимая, что чиновники легко могут разорить любой кооператив).

Поляризация политических взглядов зашла уже далеко, и большинство кандидатов ориентировалось на три «лагеря»: «демократический», «патриотический» и «партийный» (в смысле, на структуры КПСС). Последнее было наименее популярно, и КПСС часто оказывала поддержку своим кандидатам из-за кулис. А они «позиционировались» как хорошие организаторы и настоящие профессионалы. В то же время большинство избирателей мыслили в рамках противостояния «демократов» и КПСС. При этом «патриоты» терялись в этом противостоянии, а часть номенклатуры уже красилась в демократические цвета.

Руководство КПСС недооценило важность выборов в России — все-таки одна из относительно спокойных «провинций» Союза, как

казалось, по определению не способная стремиться к отделению от СССР. Ну, пройдут демократы в депутаты, будет еще одна крикливая фракция, внимание публики будет рассеиваться между МДГ и МДГ-Россия. 18 ноября Политбюро обсудило подготовку к российским выборам. Так, между делом, наряду с экономическим положением и обострившимися национальными проблемами СССР. Вороников предложил «не поддаваться на бесплодные митинговые дискуссии» и «давать отпор тем, кто чернит прошлое». Для того чтобы «давать отпор», у пропагандистов КПСС была слишком слабая теоретическая база. К тому же «отпор» можно было дать только в «митинговых дискуссиях». Понимая, что коммунистам не удастся успешно выступить на российских выборах без какого-то «конька», представитель РСФСР в Политбюро тоже поддался на идею суверенитета: «Да, нам нужны суверенные права, самостоятельность». Так идея суверенитета России продвигалась в политическую реальность самыми разными тропами: и почвенническими, и коммунистическими, и либеральными.

* * *

Демократы готовились к выборам гораздо серьезнее, чем коммунисты. Они еще не знали, как их лидеры используют эту властную позицию. Просто нужно было отвоевывать у номенклатуры все новые позиции, а тут — прекрасное поле боя, «есть разгуляться где на воле», поагитировать и в качестве приза получить новые организационные возможности за государственный счет.

Вскоре после гигантских митингов мая — июня, где анархо-синдикалисты выдвинули идею проведения «круглого стола» политических сил, московские неформалы решили собраться за таким столом и обсудить общий план дальнейших действий. Понятно, что от идеи площадки переговоров между властью и обществом осталось мало — первоначально на «круглый стол» не ходили и «прорабы перестройки», но у неформалов сохранялись наработанные связи с ними. Участники этих переговоров представляли не только московских неформалов, но и своих товарищей в других городах страны. К осени в переговорах «круглого стола» участвовали «Демократичес-

кая перестройка» и Социал-демократическая ассоциация (одна организация породила другую, но еще не отмерла), Конфедерация анархо-синдикалистов и «Московский народный фронт» (бывшие антагонисты теперь недоверчиво поглядывали друг на друга, но социалисты в МНФ уже боролись с нарастающей либеральной тенденцией в своих рядах и часто блокировались с КАС), Клуб социальных инициатив (реально ставший псевдонимом своих основателей, которые уже активно работали в других структурах) и Московское бюро информационного обмена (по своим задачам своего рода наследник старого КСИ), «Мемориал», обладавший ценными связями с известными представителями интеллигенции, и сами эти представители в лице клуба писателей «Апрель» и «Московской трибуны» (в октябре этот элитарный клуб породнится с неформалами, приняв их лидеров в свои ряды), Московский партийный клуб, готовившийся стать фракцией в КПСС, и Московский рабочий клуб, представлявший в Москве интересы проснувшегося от спячки рабочего движения. Наряду с ним на роль российской «Солидарности» претендовал также «Соцпроф». В переговорах участвовали также Хельсинкская группа и еще несколько менее известных правозащитных структур, а также порожденные «Гражданским достоинством» редакция журнала «Панорама» и Союз конституционных демократов. Этот клубок лежал в основании процесса, который приведет к образованию блока демократических сил. Идеологи этих организаций сформировали основу «общедемократической платформы».

Тема переговоров сконцентрировалась вокруг выборов, стал формироваться блок «Выборы-90» и его программа. Подготовленные «круглым столом» документы поддержала учредительная конференция МАДО — прототип общероссийского избирательного блока. Но до II съезда депутатов МДГ еще играла роль «оппозиции его величества», и, лишь провозгласив себя настоящей оппозицией, встали перед необходимостью создания общероссийской избирательной машины. У каждого депутата были свои группы поддержки (в Москве объединенные в МОИ), но нужно было поделить округа между всеми демократами, чтобы избежать конкуренции. Так что волей-неволей «прорабы перестройки» вступили в переговоры с блоком «Выборы-90», которые успешно завершились в январе 1990 г.

Соединение организационных возможностей неформалов и статусных «либералов» позволило создать мощную, хотя и рыхлую организацию. Как и в 1988 г., демократический форум собрался во Дворце молодежи. Но теперь оппозиционеры были здесь хозяевами — никто не ограничивал ни речей, ни решений (еще бы — предвыборное мероприятие защищал от давления закон). 20—21 января 116 кандидатов в народные депутаты России и 50 кандидатов в местные и региональные советы создали блок «Демократическая Россия». В блок вошли МАДО и большинство организаций «круглого стола». Интересы МДГ представляли Г. Попов, С. Станкевич, Н. Травкин, А. Мурашов и М. Бочаров (первые трое стали координаторами блока и подписывали его обращения). Программа блока, использовав наработки «круглого стола», расширила круг источников: «Общую программную ориентацию этого широкого объединения будут определять программные документы МДГ, гуманистические идеи нашего великого современника Андрея Дмитриевича Сахарова, предложенные им Декрет о власти и проект новой Советской Конституции».

В соответствии с программой «Демократической России» новая Конституция должна соответствовать Декларации прав человека ООН, 6-я статья должна быть отменена, граждане — получить право объединяться в партии и союзы. Естественно, следовало «отказаться от двухступенчатой структуры съезд — Верховный Совет... Ограничить функции КГБ задачами защиты государства от внешней угрозы и террористической деятельности...». Ссылаясь на мировой опыт, блок выступил за «рынок как регулятор хозяйства» с сохранением государственного регулирования «под демократическим контролем» и с «мощными механизмами экологической безопасности и социальной защиты». Как видим, общедемократический идейный вектор пока не отступил с компромиссной линии Сахарова и «круглого стола», которая открывала возможность для развития и либеральной, и социалистической альтернатив после падения коммунистического режима.

Предвыборная программа не стала руководством к действию для лидеров «Демократической России», она была PR-технологией, уступкой демократическому активу, неформалам и разделявшей их

взгляды демократически настроенной части населения. Но что бы ни собирались делать «прорабы перестройки», они вынуждены были пока транслировать в массы именно демократические взгляды. В 1991—1993 гг., когда они получают власть, им придется пожалеть о том, что они способствовали укоренению идей народовластия.

Дополнение программы в сравнении с идеями «круглого стола» проводилось под нужды избирательной кампании, что способствовало дальнейшему нарастанию популизма. В итоге ряд положений платформы блока был откровенно противоречив, не рассчитан на выполнение. Рыночные авансы сочетались с «замораживанием цен и сохранением государственных дотаций», «пока сам рыночный механизм не обеспечит приемлемый уровень цен...». Как рыночный механизм может что-то обеспечить, если заморожены цены?

В программу была включена заметная националистическая струя, которая должна была помочь «демократам» перехватить голоса патриотов, в это время активно использовавших сепаратистскую фразеологию: «русский народ... ущемлен, наравне с другими народами Российской Федерации, в своих национальных чувствах». Российские общественно-политические структуры «растворены» в общесоюзных, что лишает народы России «собственной государственности». Что такое «собственная государственность» и зачем она нужна «народам России», которые и так живут в государстве СССР? Необходимо закрепить суверенитет России, «по новому Союзному договору... в ведении союза могут находиться лишь те права, которые добровольно переданы ему республиками». Это был уже существенный отход от идей Сахарова. Популистская волна замешивала «общедемократические» взгляды с национал-державными. Предвыборная борьба обязывала играть в опасную игру национализма. Но для демократов это была пока тенденция, во многом связанная с конкурентным давлением соперников-«патриотов». Борьба двух популистских течений только усиливала популизм.

* * *

Главным противником «Демократической России» на этих выборах была уже не КПСС. Компартия стремительно разлагалась. «Де-

мократы» с партбилетами возглавляли оппозицию. Конечно, можно было бы исключить их из КПСС, но теперь это только усилило бы авторитет «внутрипартийных бунтарей». Охранители, напротив, уже не одобряли курс Горбачева и потому не подчинялись партийной дисциплине. Сказать о человеке, что он коммунист, в это время значило примерно то же, что он русский по национальности. Что-то это значит, но политическое лицо могло оказаться любимым. Коммунистические и государственные руководители и их ставленники часто шли как «независимые» кандидаты.

МГК КПСС не сумел и не захотел оседлать консервативную позицию и, подчиняясь общему направлению политики Горбачева, выступил на выборах 1990 г. с реформистских позиций: «Мы призываем наших единомышленников и тех, кто не согласен с нами или еще колеблется, подняться над эмоциями, сделать осознанный выбор и проголосовать за беспартийных и коммунистов, выступающих за обновление социализма и демократизацию партии». В результате на выборах столкнулись коммунисты-реформисты и демократы-радикалы. Естественно, население Москвы предпочло более ясную и определенную позицию демократов двойственной позиции МГК.

В регионах каждый обком выбирал свой курс между умеренным реформизмом Горбачева и более радикальной консервативно-коммунистической или националистической позицией.

Наиболее последовательную оппозицию «Демократической России» составлял другой блок с условным названием «Патриотическая Россия» (официально он назывался «Блок общественно-патриотических движений России»).

20—21 октября 1989 г. в Тюмени группа из 28 депутатов от разных областей России выпустила обращение клуба «Россия». Депутаты-державники требовали от реформаторов не забывать о России и русских. Идея о том, что Россия является «падчерицей» в «братской семье» СССР, была взята на вооружение сначала «патриотами», а затем и «демократами». Она несла огромную угрозу СССР. Председателем клуба был избран В. Ярин, который одновременно возглавлял и ОФТ.

5 февраля 1990 г. комитеты избирателей, клубы избирателей, блок общественно-патриотических движений России объявили свою

программу «За народное согласие и российское возрождение». Блок стал венцом консолидации «патриотических сил», в него вошли Клуб народных депутатов СССР и избирателей «Россия», Всероссийский фонд культуры, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, ОФТ, Общественный комитет спасения Волги, Фонд восстановления Храма Христа Спасителя и еще несколько культурно-патриотических организаций. В Москве блок поддержал таких кандидатов, как журналист В. Анпилов (в будущем лидер радикальных коммунистов), художник И. Глазунов, литератор С. Куняев, режиссер и политолог С. Кургиян, профлидер М. Шмаков (в будущем — председатель ФНПР).

Противостояние «демократов» и «патриотов» начиналось уже с определения причин общественных недугов. «Демроссия» видела причину кризиса «не в том, что разрушаются старые порядки, а в том, что они ликвидируются медленно и с оглядкой, в том, что они своевременно не замещаются новой властью, новой экономикой, новыми ценностями». «Патриоты», напротив, видят причину в том, что «бездумно разрушаются сложившиеся управленческие народно-хозяйственные структуры с единственной целью — заменить их стихийным рыночным механизмом». «Патриоты» объясняют, почему они действуют самостоятельно: «КПСС, гарант политической и социальной стабильности в стране, фактически заняла оборонительно-соглашательскую позицию». Но является ли распадающаяся КПСС гарантом именно стабильности?

Главный противник «патриотов» — блок сепаратистов и «левых радикалов» (имеются в виду «демократы»), который готов «к расчленению Союза ССР и распродаже западным “партнерам” наших национальных богатств». Действительно, основания для такого беспокойства есть. Что же предлагают «патриоты», чтобы остановить опасные процессы? «Советская Россия восстановит или же создаст заново собственную систему административно-хозяйственного управления, которая прекратит не предусмотренное договором о создании Союза ССР вмешательство союзных органов в дела республики».

Вот это да! «Патриоты» переносят центр атаки с сепаратистов на союзный центр. Пока демократы сетуют на медлительность созда-

ния параллельной системы власти, «патриоты» обещают ее создать. И еще: «Прекратить бесконтрольное, несанкционированное ее Верховным Советом хозяйничанье на своей территории всесоюзных ведомств». По существу, «патриоты» сформулировали основы экономической политики Ельцина в борьбе с центром.

Первоочередная политическая задача «патриотов» — восстановление российской коммунистической партии в составе КПСС. Было очевидно, что эта партия станет штабом консервативных сил в их противостоянии реформизму Горбачева, а заодно — и союзной власти. Логика борьбы за власть заставляет «патриотов» откровенно отстаивать тот курс, который затем возьмут на вооружение «демократы». Когда позднее участники «патриотического» лагеря будут обвинять «демократическое» движение в сознательном стремлении к развалу СССР — стоило бы вспомнить собственные лозунги того времени? Запущенная коммунистами в ответ на действия национальных движений Прибалтики идея суверенитета России, подобно интеллектуальному вирусу заразила сознание политиков и идеологов самых разных направлений. Подавляющее большинство их не хотело распада СССР, но стремилось к власти — пусть и на части территории Союза. Для этого требовалось огородить эту часть от Горбачева. Идея придется ко двору и в других республиках.

Сепаратизму державников способствовали мифы о том, что существуют неэквивалентный обмен между Россией и другими республиками (хотя целостного обмена между Россией и другими республиками не было вообще, так как Россия не представляла собой единого субъекта — какие-то области были донорами, какие-то получали дотации, так же как и различные союзные республики). «Патриоты» заговорили о том, что центр не занимается проблемами России, в то время как практически все проблемы, которыми занимался центр, так или иначе касались именно и в первую очередь, России как наибольшей по размерам республики СССР. Программа требует прекратить дотации другим республикам, поддерживает прибалтийскую идею республиканского хозрасчета. Но «патриотам» тогда казалось, что предрекаемая ими угроза развала СССР не вытекает из экономической самостоятельности России. По существу, они делали ту же ошибку, что и «демократы».

В действительности в 1990 г. и большинство «демократов», и большинство «патриотов» не мыслили распада СССР в целом, а исходили из того, что от него может отпасть Прибалтика и часть азиатских территорий. Но в деле российского сепаратизма, смертельно опасного для СССР, и «демократы», и «патриоты» оказались в едином строю. Это была не их общая вина, а их общая ошибка.

Избиратель в этой ситуации поддержал более последовательную и, как оказалось, более взвешенную позицию демократов.

Аппарат «демократов» также оказался сильнее, чем у КПСС. Несмотря на то что у обкомов и горкомов было множество освобожденных аппаратчиков, большинство из них уже думало не о благе партии, а о рыночном будущем. Те, кто работал на совесть, привык решать вопросы не торопясь. Им была чужда митинговая стихия. Неформалы, породившие ее, обладали здесь и опытом, и готовой инфраструктурой: от связей в государственных типографиях для распечатки дешевых и бесплатных листовок до актива, привыкшего агитировать не за деньги, а в силу убеждений.

Агитация против демократов в официальных СМИ давала противоположный эффект, тем более что многие журналисты сочувствовали «идейному противнику». Интеллигенция в большинстве своем была на стороне перемен. В ее силах было сагитировать чуть больше половины населения.

По всей стране кипели споры: многопартийность, 6-я статья, собственность, КГБ, коррупция, рвачи-кооператоры, забастовки в рамках закона, федеративное устройство СССР... Впервые так широко шли митинги, которые не разгонялись, даже если были невелики. Там и тут стояли пикеты, шла листовочная война, когда противники срывали или разрисовывали листовки противника. Собирались сходки по дворам, агитаторы шли в походы по квартирам. Тогда им легко открывали двери. Все было впервые, все было интересно. Люди считали, что от них многое зависит. Они были гражданами.

Правда, к концу кампании стала заметна усталость. «Во время агитационной кампании 1990 г., когда избирателю предлагали прочесть десятки, а то и сотни вариантов разных листовок, наступало его быстрое переутомление от избытка политической информации». Естественно, это вело к упрощению, примитивизации агитационных

материалов. Прямые выборы подтверждали, таким образом, свой объективно недемократический характер — за короткий срок избиратели не могли и не хотели вникнуть во все нюансы, связанные с предлагаемыми кандидатурами. Участие людей в принятии важного политического решения — формировании органов власти — подменялось политтехнологиями, манипуляцией, примитивными лозунгами. Но пока это была только тенденция, которая в полную силу проявится на грани веков.

«Февральская революция»

Как мы уже говорили, слово «революция» употребляется в разных смыслах. В период перестройки в СССР шла революция. Но длительные революции включают в себя несколько «подъемов» и переворотов, которые тоже иногда называют революциями. Так, во время Российской революции 1917 г. была «Февральская революция» и «Октябрьская революция».

Во время предвыборной кампании 1990 г. и в связи с ней (но не только) начался мощный подъем демократического движения, который лидеры «демократов» стали называть «Февральской революцией». Параллель с 1917 г. была не случайна — возникла надежда на мирную ликвидацию коммунистического режима. И, пусть не в том виде, как надеялись революционеры, коммунистический режим действительно перестал существовать.

Несмотря на то что главные события этого месяца произошли в столице, январь — февраль ознаменовались массовыми выступлениями против обкомов по всей стране — в Чернигове, Свердловске, Тюмени, Волгограде, Донецке, Ульяновске, Кременчуге, Ворошиловграде, на Алтае. В большинстве случаев первые секретари покинули свои посты. Это был новый раунд чистки аппарата под давлением масс в пользу следующего эшелона номенклатуры, которая началась в 1988 г. Тогда это имело смысл — первые секретари обкомов были реальными руководителями регионов. Теперь власть вот-вот должна была перейти к председателям советов. Выступление масс было ударом по ложным целям и свидетельствовало об отставании общественного сознания в этих регионах от ре-

альной ситуации. Но они же свидетельствовали о неприязни активной части населения к партийному руководству, об обреченности коммунистического режима.

* * *

В Москве тоже готовилась массовая предвыборная манифестация демократических сил. Но в условиях уставания людей от постоянного политического марафона выступление могло получиться вялым. Однако в январе общественность «взбудрил» национальный вопрос. Почти одновременно произошли два события, несопоставимые по масштабам и по удаленности от центра Москвы. В Азербайджане национальный конфликт вышел из-под контроля, произошли новые армянские погромы, а затем — подавление националистов Советской армией в ходе кровавых столкновений (см. главу 12). Советское общество было шокировано, словно в один момент повторились Сумгаит и Тбилиси в большем масштабе.

Одновременно в Москве произошел сравнительно небольшой конфликт, который, однако, показывал, что вирус разжигания межнациональной вражды бродит по столице и чреват насилием.

18 января активисты общества «Память» учинили антисемитский дебош на собрании писательской ассоциации «Апрель» в московском Центральном доме литераторов. Во время очередного заседания либерального писательского клуба очередной выступавший вдруг был прерван криками из зала. С оскорбительными антисемитского содержания нападками на литераторов обрушился вооруженный мегафоном лидер Союза за национально-пропорциональное представительство «Память» К. Смирнов-Осташвили и его соратники. Возникла потасовка, в которой ни одна из сторон не получила видимого перевеса. Так или иначе, нападающей стороной были шовинисты.

Нападение на писателей возмутило демократическую общественность. Схожесть с начальной стадией этноконфликтов, бушевавших в СССР, наводила на страшные аналогии. На этот раз власти решили «выжигать каленым железом». 12 октября 1990 г. К. Смирнов-Осташвили, привлеченный к ответственности по ст. 74 УК РСФСР («разжи-

гание национальной розни»), был приговорен к двум годам лишения свободы в колонии усиленного режима. Он погиб в заключении.

Эпизод с нападением на «Апрель» стал спусковым крючком для крупнейшего доселе уличного выступления «демократов». Они решили нанести по «патриотам» сокрушительный моральный удар, поставив их в один ряд с бакинскими погромщиками. Одновременно планировалось нажать на Кремль с целью отмены 6-й статьи Конституции, что стало бы моральной победой над КПСС. Две недели назад был создан блок «Демократическая Россия», но оргкомитет митинга не совпадал с его руководящими органами, состоявшими из кандидатов. Многие из них были слишком вовлечены в борьбу в округах, чтобы отвлекаться на подготовку общего митинга. Поэтому был привлечен неформальный актив, готовивший митинги 1989 г.

4 февраля около 100 тысяч сторонников демократии двинулись по центральным улицам Москвы к Манежной площади. Манифестация собрала около 150—200 тысяч человек, которые впервые в таком количестве пришли к самым стенам Кремля. Демократический набор лозунгов митинга сочетался с обличением «Памяти» и «патриотических» организаций в целом. При этом сами демократы стремились перехватить национальную риторику: «Вся власть народу!», «Русские не хотят никаких погромов!», «Шовинисты, руки прочь от русского возрождения!», «Помни, “Память”, взявший меч от меча и погибнет!».

Выступая на митинге, Б. Ельцин заявил, что «полумерами сейчас не обойтись... Если ЦК на пленуме не решит вопроса с шестой статьей, то свое веское слово должен сказать народ». Афанасьев назвал происходящее «Февральской революцией». Перед морем народа выступили демократические кандидаты в народные депутаты РСФСР и Моссовета. Манифестация продемонстрировала мощь демократического движения в столице и открыла серию манифестаций в центре столицы 1990—1991 гг.

Следовало развивать успех. Лидеры блока провозгласили, что манифестация 4 февраля начала «мирную Февральскую революцию». Начала, но не закончила. Продолжить давление на режим должна манифестация 25 февраля в поддержку «выдвинутой демократическими силами идеи проведения «круглого стола» с руковод-

ством страны» с целью «мирного перехода от тоталитаризма к многопартийному парламентскому государству».

Митинг был назначен на 25 февраля на Зубовской площади. Планировались массовые митинги в других городах. В официальных СМИ была развернута кампания с призывом к людям не выходить на эту манифестацию, где ожидаются «провокации». В неформальную среду были вброшены слухи, что ряд неформальных организаций «спровоцируют насилие», которое будет использовано властями для применения оружия и отмены выборов. Однако это не помогло. В Москве 25 февраля демократов собралось не меньше, чем 4 февраля. По окончании официального митинга анархо-синдикалисты провели шуточную демонстрацию с призывом принять участие в «провокациях, заказанных КПСС». В тот же день демонстрации и митинги прошли в Ленинграде, Томске, Тбилиси, Харькове. Февральские манифестации обеспечили демократам агитационный перевес на выборах в России.

Уже на следующий день после митинга, 4 февраля, дрогнуло и партийное руководство. 5—7 февраля прошел Пленум ЦК КПСС, который одобрил проект платформы ЦК КПСС XXVIII съезду партии «К гуманному, демократическому социализму». В тексте указывалось, что партия считает необходимым внести на съезд народных депутатов СССР предложение об исключении из Конституции СССР 6-й статьи о монополии КПСС на власть. Горбачев на пленуме говорил: «Партия может жить и играть авангардную роль в обновляющемся обществе только как демократически признанная сила. Это означает, что ее положение не может быть навязано и узаконено конституционно».

4 марта в РСФСР прошел первый тур выборов народных депутатов РСФСР, 18 марта — второй. Сторонники «Демократической России» получили большинство в советах Москвы и Ленинграда, составили крупнейшую фракцию на съезде народных депутатов РСФСР, хотя и не составили большинства. Большинство не было и у фракции коммунистов. Ряд первых секретарей обкомов проиграли выборы. Они вынуждены были покинуть свои посты. Несколько членов неформальных организаций и новых партий также стали депутатами (христианский демократ В. Аксютц, социал-демократ О. Румянцев, конституционный демократ М. Астафьев).

Выборы завершили проходивший летом 1988 — зимой 1990 гг. постепенный переход к популистскому этапу движения. Перегруппировка в лагере «демократов» завершилась. Теперь его возглавили те люди, которые сумели пройти в депутаты — в большинстве своем бывшие «либеральные коммунисты» и бывшие неформалы. И те и другие — бывшие.

После выборов 1990 г. «становится очевидным, что союзный центр лишен возможности решать судьбу страны, не прибегая к переговорам с новыми политическими и государственными субъектами, которые пользуются поддержкой народа и требуют власти, которая бы соответствовала этой поддержке». Это означало конец коммунистического режима.

Коммунистический режим предусматривал монополию компартии на власть. Теперь ее не было. В стране воцарился политический плюрализм. Хотя формально 6-я статья была отменена в марте на III съезде, но это уже ничего не значило. По итогам выборов, в результате подъема гражданского движения, коммунистическая монополия на власть перестала существовать. Это означало конец коммунистического режима. СССР превратился в страну советов, а не парткомов.

Страна Советов

«Февральская революция» 1990 г. и итоги выборов предопределили необратимое изменение социально-политической системы СССР.

Пока стремительно формирующееся гражданское общество наращивало давление на партию, сама партия разлагалась сразу по нескольким линиям. Во-первых, представители разных взглядов, искусственно объединенные партбилетом, вели борьбу друг с другом. Во-вторых, чиновники все активнее двигались в сферу бизнеса, и их коммерческие интересы противоречили друг другу. В-третьих, региональные элиты вели борьбу за контроль над ресурсами с центром, ведомствами и между собой. В-четвертых, противоречия между реформистами и консерваторами в Политбюро заставили Горбачева изолировать волевых оппонентов от реальной власти. В итоге во гла-

ве партийного аппарата оказались нерешительные и не самые профессиональные руководители.

Расслоение и разложение партии, неизбежное в условиях преобразований, несло огромную угрозу обществу. Ведь партийные структуры в СССР были тесно связаны с социально-экономическими, и разложение партии при сохранении ее монополии на власть неизбежно вело к хаосу в обществе и распаду связей, скреплявших СССР. Шанс на консолидацию давало только преодоление коммунистического режима. Это давало шанс заместить развалившийся партийный каркас новыми структурами, консолидирующими советское пространство.

Власть стремительно уходила из партийных структур. На местах она перешла к советам разных уровней. С 1918 г. советы никогда не имели таких полномочий, как в 1990 г. С 1917 г. советы не были так тесно связаны с избирателями. Возник уникальный шанс создать систему, в которой политические решения принимаются в соответствии с мнением большинства граждан, а не корпорации чиновников. Сама эта корпорация раскололась на несколько соперничающих групп, каждая из которых искала поддержку активной части общества.

Но советы еще не создали единую систему согласования интересов, существующих в обществе. Для этого было нужно время и понимание — как может быть устроена такая система. Весь 1990 г. пройдет в борьбе двух подходов: или власть будет строиться «снизу», на основе самоуправления и демократии («власть советов», когда вышестоящие советы ориентируются в принятии решений на мнение нижестоящих, то есть организованных в советы граждан); или «сильная исполнительная власть» — выработка решений авторитарными центрами (формально-демократическими). Ставки были велики — раздел собственности. В этих условиях шла поляризация властных структур. Горбачев в марте был провозглашен президентом СССР, и союзная власть перешла от ЦК и Политбюро в президентские структуры. Демократам во главе с Ельциным после драматичной борьбы в мае — июне удалось заручиться поддержкой части региональных элит России и возглавить российскую власть. Вкупе с советами Москвы, Ленинграда и ряда других городов это была сильная позиция в борьбе за власть СССР. Многое зависело от того, какую стратегию

борьбы выберут демократы, будет ли она направлена на разрушение СССР. Разногласия демократов и консерваторов в области государственного строительства были не так уж велики — и те и другие 12 июня 1990 г. проголосовали за провозглашение «суверенитета» России. Сегодня полуграмотные и ангажированные журналисты и политики называют 12 июня «Днем независимости». Тогда же речь шла о приоритете решений нижестоящего уровня власти над вышестоящим, то есть о федерализме и демократии. Весной 1990 г. цель разрушения СССР в руководстве «Демократической России» не ставилась, но позиции в российских структурах были сильнее, и теперь следовало укреплять именно их. Демократы были озабочены социально-экономическими проблемами и внутренней борьбой. Все более очевидно проявлялся антагонизм демократии и либеральной приватизации. Ведь приватизация в пользу узкого круга собственников неизбежно требовала подавления социальных протестов, а значит — «сильной власти».

Все эти проблемы составят повестку дня острой борьбы на следующем этапе революционного развития страны. Но это — уже другая история. «Маховик» был раскручен необратимо, возврат к коммунистическому режиму, к монополии идейной и политической жизни стал невозможен.

К середине 1990 г. в общественном сознании населения России укрепились ценности плюрализма, гражданских свобод и самоуправления, права человека участвовать в принятии решений, от которых зависит его жизнь. В России возникло легальное и объединенное множеством взаимных контактов гражданское общество, состоящее из независимых от государства социальных, идеологических и информационных организаций.

Теперь страна двигалась не вперед или назад, а стояла на распутье. Политические задачи революции были решены, создав новую ситуацию для решения социально-экономических задач. «Восходящий», романтический этап революции закончился. Он сделал необратимыми и социальные изменения, но не обеспечил окончательного выбора между моделями демократического социализма и олигархического капитализма. Что-то третье вряд ли было возможно. Сохранение советской демократии позволяло приблизить граждан к рас-

поряжению собственностью, создать предпосылки для самоуправления на производстве и по месту жительства. Реализация этой мечты XX века открывала возможность для развития постиндустриального сектора экономики, построенного по сетевому, а не пирамидальному принципу. Популярность идей самоуправления в 1989 г. создавала предпосылки для такого исхода, но стереотипы бюрократии и статусной интеллигенции давали больше шансов другому пути — концентрации власти и собственности в руках узкого круга чиновников и собственников, тесно связанных между собой. Олигархический капитализм мог проложить себе дорогу и под красным, и под трехцветным флагом. Недаром в 1990 г. Горбачев санкционировал отмену полномочий СТК, отказавшись от важнейшей идеи реформы 1987 г. Недаром уже в 1990 г. началась теневая приватизация в Москве. Альтернатива экономических программ двух группировок элиты была не принципиальной, но сложная политическая борьба между ними затягивала переход к денежному рынку, углубляла экономический кризис, парализовывала поступление средств в структуры социального государства, разоряя СССР. Это были опасные процессы, но были ли они необратимыми?

Если раньше решение этих вопросов зависело от узких групп правителей, то теперь финальный приз разыгрывался в открытой политической борьбе. СССР стал одной из самых свободных стран мира. Советское общество стало воистину советским. У него был выбор — остаться советским или умереть. Но это — уже другая история.

АНАТОМИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Из трех вопросов — кто? как? почему? — самым важным и поучительным является последний. В чем причины? Никакой злодей не поднимет миллионы людей на разрушение, если они довольны жизнью. Никакое благое дело не начнется, если те, от кого оно зависит, не считают его реальным.

Перестройка началась после того, как миллионами людей было осознано наличие кризиса существовавшей в СССР социальной системы, когда стало неприменимо правило «от добра добра не ищут». Ощущение, описываемое словами «так жить нельзя» и «мы ждем перемен», вызрело в обществе и проникло в сознание правящих кругов.

Гораздо хуже дело обстояло с осознанием сути кризиса и направления перемен. Когда сегодня лидеров страны задним числом обвиняют в глупости, это смешно. Так и хочется спросить критиков, — а что вы предлагали в 1985—1986 гг. и где это можно почитать? Позднее, когда на арену вышло множество общественных движений, которые выработали свои предложения к власти, оснований для упреков становится больше — в 1988—1990 гг. правящие круги отмахнулись от множества предложений, которые могли бы улучшить ситуацию. Но и на то у реформаторов были причины, связанные со сложностью и многообразием вышедших на поверхность противоречий.

На наш взгляд, в основе системного кризиса СССР лежало исчерпание возможностей дальнейшего развития сверхмонополизированной авторитарно-бюрократической индустриальной системы. Система государства-фабрики была способна относительно успешно решать задачи, которые стоят перед обществом, переходящим от аграрного общества к индустриальному, к максимально возможной стандартизации и специализации. Здесь концентрация ресурсов, безжалостная

к судьбе отдельного человека, творит чудеса, будь то стремительное создание новых отраслей промышленности, самых современных видов вооружений и даже выход в космос. Эта же система может обеспечить миллионы людей новым стандартным жильем, добротной (но не самой модной и удобной) одеждой, стандартными гарантиями социального государства, нехитрыми развлечениями и прочной и одномерной картиной мира. Что еще нужно вчерашнему крестьянину, чтобы стать горожанином. Но новым поколениям горожан требуется качество жизни, а ресурсы для удовлетворения все новых потребностей оказываются конечными. И вот здесь индустриальная система, основанная на полной централизации, начинает давать сбои, разлагаться и мутировать. Жесткий централизм оборачивается коррупционным бюрократическим рынком, социальное государство — неравенством доступа к дефициту, суровая чиновничья дисциплина — правилом «живешь сам — давай жить другим». Наступает «застой» — благополучное общество, расходующее остатки ресурсов на благо людей (распределяемое, впрочем, неравномерно). Его главный недостаток — неизменность, инерционность социальных структур. В рамках «стабильных» социальных структур нельзя перейти к следующему этапу развития. Этот новый этап связан с отходом от фундаментальных основ индустриального общества — от жесткой стандартизации и специализации. Он требует оценки эффективности по качественным, а не по валовым показателям (урок любителям удваивать ВВП любой ценой). Движение по старому пути истощает ресурсную базу, раздражает население, которое не получает желаемых товаров и услуг, закрепляет отставание от стран-конкурентов, которые уже свернули с «валовой» дороги. Новый путь требует отказа от жесткого директивного управления в пользу гибкой заинтересованности, от приказов в пользу творчества, от вертикальных социальных связей в пользу горизонтальных, согласовательных, корневых. Страны Запада начали этот переход в начале 70-х гг., после завершения своей «перестройки» — бурных событий 60-х — начала 70-х гг. А СССР наслаждался «застоем». Социальная система Запада оставляла больше возможностей для развития «второстепенных» направлений, значение которых выявится позднее. Отсюда — отставание СССР в области компьютеризации.

Чем дальше пестовать «стабильность», тем хуже будут стартовые условия для последующих перемен, тем меньше средств на одновременную модернизацию производства и поддержание социальных гарантий и уровня жизни населения. Тревожным сигналом стало и отставание от стран Запада в области технологий, которое было новым явлением для руководителей СССР.

Правда, попытки США «разрушить империю зла» с помощью экономических диверсий не увенчались успехом, и от этой политики администрации Рейгана пришлось отказаться в 1986 г. Тяжелые последствия для бюджета СССР имели падение цен на нефть (впрочем, всего лишь до уровня середины 70-х гг., то есть периода после нефтяного шока 1973—1975 гг.) и вера в безопасность атомных АЭС. Но ни некоторое падение цен на нефть, ни Чернобыльская авария не могли разрушить бюджет так, как это сделала попытка любой ценой двигаться по старому пути чисто технической модернизации индустриального комплекса.

Кто был инициатором реформ? Конечно, на первом плане высится фигура Горбачева (за которой маячит тень Андропова). Но ими список инициаторов не ограничивается. Основы идеологии перестройки были разработаны не Горбачевым и даже не начальником его интеллектуального штаба Яковлевым. Социально-экономические идеи реформистов были продуктом развития социалистической мысли, в ходе которой к близким выводам приходили и левые марксисты-диссиденты (как в СССР, так и за рубежом), и «либеральные коммунисты» («шестидесятники»). Большое значение имел подход «конвергенции» всего лучшего в капиталистической и социалистической системах, в СССР выдвинутый А. Сахаровым (подобные идеи со времен Бернштейна широко распространены в социал-демократической мысли). Часть политических и правовых идей перестройки была выработана диссидентами. Однако эти все идеи были восприняты реформаторами опосредованно, в размытом и непроработанном виде.

В условиях «застоя» корневые информационные и общественные структуры развивались в обществе не благодаря поддержке власти, а вопреки ее сопротивлению. Но они развивались — будь то распространение магнитофонных записей песен Высоцкого или конференции экологов. Однако сеть формирующегося гражданского

общества еще не приобрела целостности, так как не имела широкого доступа к СМИ и к политической сфере. Горизонтальные структуры без поддержки власти были хилыми и к тому же не использовались для построения информационно-производственных структур. У власти было понимание кризиса, но вместо сознательного выстраивания новых общественных отношений реформаторы стали искать пути подновления старых.

Горбачев пришел к власти во главе разнородной коалиции, которую можно назвать антиведомственной. В эту коалицию входили круги номенклатуры, «силовики», директората и статусной интеллигенции, выступавшие за обновление общества. Одна часть этих кругов (условно — «пуритане») выступала за продолжение андроповской авторитарной модернизации и репрессивное подавление любых структур, которые не укладывались в рамки государственной монополии. Другая часть (условно — реформисты) выступала за осторожную «либерализацию» — развитие рыночных отношений и некоторой свободы обсуждения общественных проблем. В 1988—1989 гг. лидеры перестройки раскололись на более консервативное и более «либеральное» крылья. Уже в ходе аппаратной борьбы 1982—1985 гг. проиграла отраслевая бюрократия, и усилилась региональная, «местническая» номенклатура, влияние которой в 1990 г. стало превосходить центр.

В 1983—1986 гг. был предпринят рывок «ускорения», в ходе которого предполагалось провести технологическую модернизацию индустриального комплекса страны. Эта политика, начатая Андроповым и унаследованная Горбачевым, осуществлялась методами авторитарной модернизации (до начала «демократизации»). В этом отношении упреки Горбачеву в том, что он не следовал по китайскому пути, лишены основания — насколько СССР, несмотря на цивилизационные и стадийные различия с Китаем, мог идти по китайскому пути, настолько советские реформаторы использовали этот опыт. «Ускорение» сделало экономические перемены необратимыми — затраты нарушили финансовый баланс, и теперь волей-неволей нужно было менять экономическую систему. Если бы не авторитарная модернизация 1983—1986 гг., существующую систему можно было бы сохранять еще несколько лет, но затем исчерпание возможностей роста все равно стало бы очевидным. В то же время

авторитарная модернизация значительно ухудшила условия для дальнейшего проведения реформ (и антиалкогольная кампания, и даже Чернобыль связаны именно с курсом “ускорения”). Именно технократическая политика «ускорения», игнорирующая необходимость социальных перемен, положила начало разорению СССР, хотя и она еще не могла сделать это разорение необратимым. Эта политика шла «перпендикулярно» вектору перехода от индустриального общества к постиндустриальному и потому заведомо вела в тупик.

Технологическая модернизация сама по себе могла быть полезной, но только в том случае, если бы осуществлялась не «по всему фронту», а в отдельных наиболее важных очагах, связанных с инновационными технологиями. Успешной эта очаговая модернизация могла быть только при условии, если бы сопровождалась упомянутой выше перестройкой социальных отношений. Но это не было сделано, так как сама проблема в этом виде еще не была осознана. Реформаторское ядро КПСС пошло по иному пути решения проблемы, который тогда казался наиболее логичным, особенно людям, чье представление об обществе было проникнуто марксистским детерминизмом. Если люди не желают по приказу работать качественнее и внедрять новую технику, то их нужно заинтересовать в результатах труда, поставив их личный доход в зависимость от дохода предприятия.

С 1986—1987 гг. технократическое «ускорение» сменяется политикой осторожных (и в силу этого опасно половинчатых) реформ — прививки к плановой экономике товарно-денежного рынка (смесь того и другого на практике уже существовала, и полумеры в этом направлении лишь углубляли кризис), а к власти КПСС — ограниченной свободы слова (гласности) и урезанной выборности (демократизации). Продуктом этой «либерализации» стала экономическая реформа 1987 г., которая заложила основы новой социально-экономической системы. Предполагалось, что она будет базироваться на самоуправлении работников, самостоятельности коллективов трудящихся на рынке и заинтересованности их в труде. Однако реформаторы не обеспечили воплощение этих принципов в жизнь. Реформа 1987 г. исходила из ошибочного предположения: реформу нужно начинать с «осторожных» промежуточных шагов. Эта апо-

логия половинчатости знаменовала собой интеллектуальный провал реформаторов и их советников-экономистов.

Связь доходов работников и эффективности производства после реформы осталась опосредованной, самоуправление было подмечено увеличением полномочий администрации предприятия и независимости ее от вышестоящих структур, а введение товарно-денежного рынка было отложено из-за опасений социальных протестов. Чтобы сделать протест более конструктивным, реформаторы предпочли первоначально выстроить систему управляемой демократии.

Половинчатость реформы 1987 г. имела тяжелейшие социально-экономические последствия. Происшедшая «революция менеджеров» (характерный и для западного общества переход распоряжения собственностью из рук собственников в руки управленцев) не дала положительного экономического эффекта, так как директора, освобождаясь от подчинения бюрократии, не оказались подчинены дисциплинирующей среде рынка. Они сохраняли доступ к практически даровым ресурсам, государство оплачивало неудачи предприятий и произведенную ими некачественную продукцию. Зато директора получили возможность перекачивать ресурсы предприятий через «кооперативные» структуры в собственный частный бизнес. В 1988—1990 гг. началось формирование номенклатурной буржуазии. Однако на этом этапе буржуазия еще была далека от сплоченности. Директора были вынуждены оглядываться на интересы коллектива, сохранявшего некоторые полномочия по контролю за администрацией. Кооператоры искали «крышу» в партийных и государственных структурах, подчиняя свое поведение воле номенклатурных кланов. Сами номенклатурные кланы вели борьбу за контроль над ресурсами. В этих условиях исход схватки в элите во многом зависел от того, насколько в эту борьбу смогут вмешаться массы населения, насколько реформа перерастет в революцию.

Революция всегда — комплекс нескольких потоков, которые также иногда называют революциями. На разных этапах революционного процесса доминирует то один, то другой поток. Так, в 1917 г. можно было говорить о крестьянской революции, национальной революции, «пролетарской» революции. В 1988—1993 гг. в СССР и на постсоветском пространстве развернулись события, которые по

основным признакам соответствуют революции. Советская революция 1988—1993 гг. складывалась из нескольких потоков.

— Ранне-пост-индустриальная (ранне-информальная) революция решала задачи гуманитарно-технологического обновления, отхода от индустриального централизма в пользу отношений самоуправления, согласования, от пирамидальной общественной структуры в сторону горизонтальных связей. Общие задачи этой революции были поставлены реформаторским руководством страны, но оно не имело представления о том, каким образом эти задачи могут быть успешно решены. Кризис реформ привел к росту низового движения, формировавшего гражданское общество и сеть горизонтальных социальных связей. Инициаторы этого движения, неформалы, обеспечили начало массового уличного оппозиционного движения, ненавязчивый путь революционной борьбы. Идеологией этой революции был демократический социализм Горбачева и неформалов. В ходе этой революции была сформулирована задача прорыва к информационному обществу. В 1988—1989 гг. этот поток преобладал.

— Демократическая (советская) революция возрождала традицию советской демократии и отчасти самоуправления, и в то же время обеспечивала частичную смену элит. Правящая номенклатура в ходе этой революции раскалывалась, часть номенклатуры и статусной интеллигенции («либеральные коммунисты») меняла идеи на все более либеральные. Целью этой революции была демократия (понимаемая абстрактно как народовластие) и социально-ориентированные рыночные отношения («конвергенция»). Движущей силой демократической революции была интеллигенция, но с 1989—1990 гг. в нее включилось и рабочее движение, и часть номенклатуры. По своему характеру эта революция может считаться буржуазно-демократической в том смысле, что капиталистическая перспектива ее еще не была безусловной — в этом потоке боролись и социалистические (посткапиталистические, постиндустриальные), и либеральные (потенциально капиталистические) тенденции.

— Национальные революции — столкновение этнической и общесоветской идентичности. Они начинались с возрождения национальной культуры и перерастали в стремление национальных движений к самостоятельной государственности с последующей вестерни-

зацией. Остановить национальную революцию силой в условиях перестройки было нельзя. Это потребовало бы массовых репрессий как против самих движений, так и против солидарных с ними демократов. Это был бы крах всей внешней и внутренней политики перестройки. Ослабить сепаратизм республиканских элит можно было только путем пересмотра республиканских границ на основе волеизъявления населения, поддержки антинационалистических движений. Союзный центр не решился на это, обеспечив успех националистическим революциям в Прибалтике и Закавказье. Ослабив СССР, эти революции сами по себе несли угрозу сокращения территории, но не полного распада Советского Союза.

— Революция менеджеров — захват собственности управленцами и борьба номенклатуры за контроль над собственностью. По мере раздела государственной собственности этот поток в 1990—1991 гг. трансформировался. Самостоятельное участие буржуазии в событиях становится заметным только в середине 1990 г. С этого времени можно говорить о самостоятельном буржуазно-номенклатурном потоке революции. Этот процесс вел к смене вектора всей революции. Задачи обновления «социалистической» системы и начала перехода к пост-индустриальному обществу теперь стали неактуальными для номенклатурной буржуазии. Идею «демократического социализма» следовало заместить идеей вестернизации — копирования «оправдавшей себя» капиталистической системы Запада. На практике это означало переход не в сферу западного процветания, а в третий мир с частичной деиндустриализацией (без перспектив постиндустриализации). Успех этого потока был равносильен поражению той перестройки, которая шла до 1990 г., и объективно противоречил интересам большинства социальных слоев СССР. Но такой исход создавал возможность для компромисса части оппозиционной элиты с частью номенклатуры на почве раздела государственной собственности. Это был сильный блок, способный противостоять движению «низов» и манипулировать массовыми настроениями. Ведь в революционные эпохи исход борьбы определяют не только интересы, но также идеи. Соотношение революционных потоков зависело не столько от соотношения социальных сил, сколько от результатов идеологической «гражданской войны». Дело в том, что в каждом

потоке принимали участие представители практически всех социальных слоев. Общество стало подвижным, и вчерашние рабочие и аппаратчики могли заняться бизнесом, а обладающие высоким статусом специалисты — впасть в нищету. Поэтому многие участники общественного движения отстаивали не интересы своих социальных слоев, а свое представление о лучшем будущем. Идеи стали определять направление политических и экономических процессов.

Эволюция взглядов большинства жителей СССР начиналась от марксистско-ленинской «точки отсчета» и могла протекать в нескольких основных направлениях:

— умеренный марксизм-ленинизм («Бухарин — продолжатель дела Ленина») — левая социал-демократия — социал-либеральная модель «конвергенции» и «смешанной экономики» — «нормальное» западное общество или «шведская модель» (капитализм с сильным социальным государством) — либеральные прокапиталистические взгляды;

— левый марксизм-ленинизм (близкий троцкизму и другим вариантам диссидентского коммунизма) — самоуправленческий демократический социализм — анархо-синдикализм, неонародничество, постиндустриальные и неомарксистские «новые левые» идеи;

— советская державность, советский консерватизм (охранительство) — национализм, сталинизм, обычная державность (уже антикоммунистическая), почвенничество.

Каждый из этих путей был пройден от начала до конца далеко не всеми, но промежуточные идеологии в силу своей непоследовательности или сложности были уязвимы для критики и сложны для понимания. Радикальные идеи были проще и легче усваивались. Однако широкие массы людей меняли взгляды постепенно, по мере обострения социальной ситуации, и если бы кризис реформ был бы преодолен быстро, радикализация массового сознания не зашла бы так далеко. Эволюция взглядов советских людей происходила под воздействием СМИ, самиздата, который к 1989 г. стал массовым, уличной агитации. Относительно небольшие оппозиционные группы играли решающую роль в «подбрасывании» идей, которые замещали хрупкие официальные мифы.

В 1985—1986 гг. правящая элита была более восприимчива к державным идеям. В 1987—1989 гг. в борьбе за умы преобладали

социалистические идеи как социал-демократического, так и левосоциалистического толка. Решающее воздействие на массовое сознание оказывали «либеральные коммунисты». В 1989—1990 гг. социал-демократическая (в дальнейшем либеральная) линия стала преобладать в политической элите, а левые взгляды сохраняли позиции в низовых социальных движениях.

Роль Запада в «подбрасывании» идей в период революционной перестройки была минимальной — в арсенале общественного движения уже был полный набор идеологических конструкций.

Интервенция Запада с 1986 г. носила пассивный характер. Западные лидеры до 1990 г., когда «холодная война» фактически завершилась, продолжали ставить на Горбачева, а не на оппозицию. Запад требовал от Горбачева отказа от массовых репрессий в европейской части страны, но Горбачев и так собирался придерживаться этой линии. В этом смысле Запад был гарантом сложившегося ненасильственного характера политической борьбы. Отказ правящей элиты от этих правил игры поставил бы СССР в положение международной изоляции, но в то же время не обеспечил бы внутренней стабильности. Массовые репрессии могли вызвать и ответную насильственную реакцию.

Не было ли теневое воздействие Запада более разрушительным? Не был ли Вашингтон сценаристом распада СССР? Ветераны партаппарата и КГБ, рассказывая сегодня о том, как их разгромили, грешат на ЦРУ, выставляя тем самым свою Родину «страной дураков». Мол, секретные центры разработали идеи, которые затем овладели миллионами соотечественников. Но они не могут привести доказательства того, что какая-то из идей, разрушивших коммунистический режим, была навязана из-за рубежа. Даже разрушительная для Советского Союза идея перезаключения Союзного договора пришла из Прибалтики и стала продуктом не западных идеологических центров, а умеренных кругов национальных компартий.

Конкретный механизм общественного движения также не несет признаков координации этих действий из-за рубежа. Лидеры этого движения были слишком амбициозны, чтобы подчиняться тайным приказам. Отдельные агенты ЦРУ и КГБ, которые, конечно, присутствовали в «демократическом» движении, могли информировать сво-

их хозяев, но руководить этим движением из единого центра было невозможно в силу его конфедеративной структуры.

И консерваторы, и реформаторское руководство КПСС проиграли борьбу за умы не американцам, а своим соотечественникам. При этом как «патриоты», так и «демократы» еще и переняли идею самостоятельности России от Союза, что поставило СССР в опасное положение. В этом отношении национальные движения одержали важную идеологическую победу над российской элитой.

В этих условиях Горбачев, пытаясь удержать под своим контролем чиновничью массу, не решился опереться на сторонников демократического социализма в общественном движении. Горбачев не решился также на доведение своих экономических реформ до логического конца. Возобладала идея подготовки предварительных условий для реформы, что вело к дальнейшему углублению кризиса. Задержка с введением рынка усиливала влияние либеральных идей, поскольку мифы рыночного процветания еще не были сопоставлены с реальностью. Зато результаты бюрократического управления были все более плачевными, и острее атаки массового движения было направлено против консервативного и центристского крыльев КПСС, против партийной и ведомственной бюрократий. «Февральская революция» 1990 г. заставила номенклатуру отказаться от монополии на власть. Формальная отмена 6-й статьи Конституции лишь зафиксировала реальность — авторитарный режим в СССР перестал существовать. В ходе выборов формировалась альтернативная правящая элита. Ее основу составили региональная бюрократия, номенклатурная буржуазия, «демократический» депутатский корпус, укомплектованный частью статусной интеллигенции, лидерами неформального движения и «либеральной» номенклатурой. Очень многое зависело от того, сможет ли формирующееся гражданское общество и выстроенная снизу советская система взять на себя связи, которые оставались в наследство от распадающейся номенклатуры.

Такая частичная смена элит привела к возникновению в СССР плюралистичного общества с сильными элементами демократии. Несмотря на обострение экономического кризиса, ситуация была еще очень далека от катастрофы — после этого экономика «падала» еще несколько лет. И в начале XXI века уровень производства 1990 г. не

достигнут. Весной 1990 г. еще не было predetermined, что противоречия политических элит заблокируют завершающую фазу социально-экономических реформ, что ухудшит общую ситуацию. Советский Союз менял форму государственного устройства, а не умирал. Так воспринимались в 1990 г. декларации о суверенитете — речь шла о преобладании низших уровней власти над высшими, о демократии, а не независимости. Стремление к независимости было очевидно в Прибалтике и Закавказье, но развал треугольника Москва — Киев — Минск был маловероятным.

Конкретный анализ механизма перестройки на этапе освобождения от коммунистического режима показывает — разрушение советского общества и Советского Союза не было предрешено. Да и общество жило другим — как разделить полномочия советов разных уровней, каким образом будет осуществлен переход к рынку, удастся ли обеспечить доступ трудящихся к собственности и социальные права населения.

Весной 1990 г. закончилась еще одна глава советской истории. Начиналась новая глава — демократическое развитие советского общества. Увы, как мы знаем, эта глава стала последней, и ее можно назвать «Кто, как и почему разрушил советское общество?». Но об этом мы поговорим в другой раз. А пока задержимся еще немного в 1990 г., в обществе, которое добилося свободы и еще не потеряло справедливости. Это общество было свободно от государственных границ между братскими народами и от олигархического правления в номенклатурной или буржуазной форме. Шанс на прорыв в будущее еще не был потерян.

Сегодня, в начале нового века, мы отброшены назад. Это значит, что в случае успешного развития нашего общества мы вновь подойдем к решению тех же задач, которые не смогла решить перестройка. Так часто бывает в истории — революции не получаются с первого раза, особенно ранние. Они не обеспечивают переход к более передовому обществу, а лишь разбрасывают семена новых отношений. Проходит время, и семена прорастают. В 1990—1993 гг. советское возрождение сорвалось. Но посмотрите вокруг — несмотря на все кампании борьбы с «совком», современная российская (только ли российская?) культура питается соками советской культуры. Вокруг

ПАРАДОКСЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

звучат перепевы «старых песен о главном». Вытравить постсоветскую идентичность не удалось. Значит, сохраняется перспектива советского возрождения так же, как в 80-е гг. сохранялась возможность для литовского или эстонского возрождения. Если мы перестанем отождествлять советскую культуру с мертвой Империей, возрождение станет реальностью.

В 1988—1993 гг. постиндустриальная революция не могла увенчаться успехом, потому что ее структурам пришлось развиваться с нуля. Что же — к новому обществу долгий путь. Но если мы не пройдем его, то так навсегда и останемся периферией человечества. А для периферии в условиях глобальных кризисов XXI века уготована печальная участь — экологическая свалка, локальные войны, авторитарные националистические режимы и нищета. перестройка — ключ к пониманию альтернативы этой печальной участи. Это была первая несовершенная модель будущего, такая же уродливая и хрупкая, как первые аэропланы. Но если бы их катастрофы отвратили человечество от совершенствования воздушных судов, человек никогда не научился бы летать.

ЛИТЕРАТУРА

XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1986.

XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1988.

Абалкин Л. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М., 1991.

Андреев С. Один год из жизни страны. Результаты и перспективы. М., 1990.

Афанасьев Ю. Я должен это сказать. М., 1991.

Ахромеев С., Корниенко Г. Глазами маршала-дипломата. М., 1992.

Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. 1985—1991. М., 2002.

Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995.

Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992.

Бразаускас А. Развод по-литовски. Вильнюс, 1993.

Бешлосс М.Р., Тэлботт С. На самом высоком уровне. Закулисная история окончания Холодной войны. М., 1994.

Воротников В.И. А было это так... М., 1995.

Весна 1989 г. География и анатомия парламентских выборов. М., 1990.

Глуценко А. О прошлом и будущем. К истории Чернобыльской катастрофы. М., 1999.

Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1996.

Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1987.

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. М., 1991.

Ефремов Г. Мы люди друг другу. Литва: будни свободы 1988—1989. М., 1990.

Закон Союза Советских Социалистических республик о государственном предприятии (объединении). М., 1987.

Кагарлицкий Б. Расколовшийся монолит. Россия: на пороге новых битв. М., 1992.

Квеза Д. Переход к демократии. М., 1993.

Лопатин Л. Н. История рабочего движения Кузбасса (1989—1991 гг.). Кемерово, 1995.

Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992.

Медведев Р. Советский Союз: последний год жизни. М., 2003.

Мэтлок Д. Ф. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М., 2003.

Назарбаев Н. Без правых и левых. М., 1991.

Конец Холодной войны: новые факты и аспекты. Саратов, 2004.

Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове. М., 1996.

Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая — 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. М., 1989.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991 гг. М., 1998.

Погружение в трясину. М., 1991.

Последствия Чернобыльской катастрофы: здоровье человека. М., 1996.

По страницам самиздата. М., 1990.

Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992.

Рыжков Н. И. Перестройка: история предательства. М., 1992.

Сахаров А. Д. Воспоминания. М., 1996.

Смирнов И. Время колокольчиков. Жизнь и смерть русского рока. М., 1994.

Собчак А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991.

Собчак А. А. Тбилисский излом, или кровавое воскресенье 1989 года. М., 1993.

Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999.

Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995.

А.В. ШУБИН

Суханов Л. Три года с Ельциным. Записки первого помощника. М., 1992.

Спорные границы на Кавказе. М., 1996.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993.

Чешко С.В. Распад Советского Союза. М., 2000.

Швейцер П. Победа. Минск, 1995.

Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977—1985 гг. М., 2001.

Шубин А.В. Парадоксы перестройки: неиспользованный шанс СССР. М., 2005.

Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994.

Ярошинская А. Чернобыль. Совершенно секретно. М., 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
-----------------	---

Часть I КАНУН

Глава 1	
ИСТОКИ ПЕРЕСТРОЙКИ	7
Системный кризис	7
Власть и общество	12
Как Рейган разорял СССР	18
Глава 2	
УСКОРЕНИЕ НА ПУТИ К ПЕРЕСТРОЙКЕ	25
Смена власти	25
Команда ускорения	27
Первые меры Горбачева	32
Чистилище при дверях реформ	36
Глава 3	
КОММУНИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ	45
Новое лицо	45
Как растопить лед?	
Внешнеполитическая хроника	47
Красногвардейская атака на мир капитала	49
Рейкьявик	51
Возвращение Сахарова	54

Часть II АПОГЕЙ РЕФОРМ

Глава 4	
МОДЕЛЬ ПЕРЕСТРОЙКИ	58
Съезд реформ	58
Колебания. Чем плох китайский путь?	62
Хроника реформ 1986 года	66
Глава 5	
ЧЕРНОБЫЛЬ И КРИЗИС ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ	69
Авария века	69
Ликвидация последствий	72
Катастрофы и достижения	79

Глава 6	
НАЧАЛО ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ	80
Январский пленум	80
«Рыночный социализм»	83
Пределы гласности	91
Глава 7	
СПЕКТР НЕФОРМАЛОВ	101
Три волны освободительного движения	101
Первое поколение политических неформалов	105
«Встреча-диалог»: рождение политического поля	113
Федерация социалистических общественных клубов (ФСОК)	115
Социально-экологический союз (СоЭС)	117
География неформалов. 1987 год	119
Глава 8	
ДЕЛО ЕЛЬЦИНА	122
Трещина в Политбюро	122
Октябрьское выступление	124
Ельцин уходит, но недалеко	128
 Часть III ОТ РЕФОРМ — К РЕВОЛЮЦИИ .	
Глава 9	
ОБЩЕСТВО ПРОБУЖДАЕТСЯ	131
Поступаться ли принципами?	131
Демократический союз	136
Второе крещение Руси	139
Выборы без выбора	141
Глава 10	
УЛИЧНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ	146
Выйти на площадь в назначенный час... ..	146
Гайд-парк	149
Организационный комитет Московского народного фронта и его раскол	150
Глава 11	
К УПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ	155
Партконференция	155
Глава 12	
БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ ИМПЕРИИ	163
Развертывание этноконфликтов	165

ПАРАДОКСЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Глава 13	
ЗАВЕРШЕНИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»	177
«Нулевой вариант»	179
Антифултон	184
Путь из Афганистана	188
Конец железного занавеса	191
«Агенты влияния»	194
От «холодной войны» к «холодному миру»	197
Глава 14	
ДЕМОКРАТЫ НА АРЕНЕ	199
Выбор и избранники	200
Народное море	212
Первый съезд: теледебаты и улица	216
Глава 15	
ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ	230
Идейно-политический спектр 1989 года	234
Глава 16	
ШАХТЕРСКИЙ ТАРАН	245
Жаркое лето	247
Обманули!	254
Анархо-синдикалистский уклон	257
Глава 17	
КРИЗИС НАЗРЕЛ	261
Распад бюрократического рынка	261
Как переходить к рынку?	265
Политические стулья разъезжаются	269
Второй съезд	272
Закат политического идеализма	280
Глава 18	
КОНЕЦ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА	284
Выбор России	284
«Февральская революция»	293
Страна Советов	297
АНАТОМИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ	301
ЛИТЕРАТУРА	314

Научно-популярное издание
Тысячелетие русской истории

Шубин Александр Владленович
ПАРАДОКСЫ ПЕРЕСТРОЙКИ
УПУЩЕННЫЙ ШАНС СССР

Генеральный директор *Л.А. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *О.В. Сергеева*
Верстка *И.В. Хренов*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06. от 21.12.2006 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 1.06.2007. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «MyslC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 5 050 экз. Заказ № С-708.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru
www.idel-press.ru

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ

В книге историка А.В. Шубина подробно рассматривается событие двадцатилетней давности — перестройка, имеющее огромное историческое значение для нашей страны и всего мира. На основе глубокого анализа политических и экономических процессов, протекавших в СССР во второй половине 1980-х годов, автор пытается ответить на два важнейших вопроса нашего времени: было ли необходимо начатое М.С. Горбачевым коренное переустройство государственной и партийной систем СССР и кто, каким образом и почему сделал процесс преобразований необратимым? Автор использует свой обширный архив документов, представляя читателю многие события в новом ракурсе.